

Андрей
Старостин
ПОВЕСТЬ
О
ФУТБОЛЕ

Андрей Петрович Старостин

Повесть о футболе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159688
Повесть о футболе: Советская Россия; Москва; 1973*

Аннотация

Автор книги, Андрей Петрович Старостин, прошел долгий путь в спорте: начав играть в 20-е годы в «диких» командах, он стал организатором и игроком первых московских команд, был участником или свидетелем многих исторических матчей вплоть до последнего чемпионата мира в Мексике. Ему есть о чем вспомнить, с чем поделиться с читателем. На страницах своей книги он рассказывает о развитии футбола в нашей стране, зарождении московских команд, о примечательных чертах нашего футбола, его победах и поражениях.

Содержание

МОСКВА ФУТБОЛЬНАЯ	4
ЭНТУЗИАСТЫ И МЕЦЕНАТЫ	64
МЕСТО РОЖДЕНИЯ – ПРЕСНЯ	84
«СПАРТАК» – ДОСТОЙНЫЙ ДЕВИЗ	105
ПОЛЯНКА ПЕТРОВСКОГО ПАРКА	147
ЕЩЕ ДВА ЛИДЕРА	167
СПАРТАКИАДА	186
ПРОФЕССИОНАЛЫ	204
ЧЕМПИОНАТ СТРАНЫ	237
ШТУРМ ВЫСОТ	262
ВСЕ СИЛЫ ПЕРВОМУ МАТЧУ	311
БУРЯ НАД МЕХИКО	366

Андрей Петрович Старостин

Повесть о футболе

МОСКВА ФУТБОЛЬНАЯ

Впечатления детства неизгладимы. Через всю жизнь проносит память картины безмятежного прошлого. Посещая места, где протекали детские годы, лишь удивляешься ребяческим преувеличениям. То, что запомнилось как огромное пространство, окажется небольшой площадкой, а большая в памяти детская комната будет совсем маленькой клетушкой.

От этого становится немножко грустно. Жаль расставаться с романтической окраской прошедшего. Но как бы прозаически ни выглядело прошлое при столкновении с настоящим, оно живет в нас, и мы благодарны своей памяти за то, что она сохранила нам наши детские впечатления во всей непосредственности...

Нас было четыре брата и две сестры. Когда в 1914 году родилась младшая сестра Вера, старшему брату, Николаю, исполнилось двенадцать лет.

Наша детская комната в небольшом одноэтажном особнячке, стоявшем на Пресненском Камер-Коллежском валу, казалась нам таинственной и большой. В ней мы играли в театр, в колдуны, охотились и путешествовали. Детским вооб-

ражением комната легко превращалась в дремучий лес, море, пароход.

Недавно я побывал в детской. В ней оказалось пятнадцать квадратных метров.

Не помню точно, когда мне впервые довелось услышать магическое слово «футбол». Наверное, дома, от Николая. Но в этом слове, по-видимому, было столько притягательности, что ее хватило на всю жизнь для всей нашей семьи. И по сей время, когда я слышу по радио или телевидению это слово из шести букв, то неизменностораживаю ухо, как будто сейчас услышу что-то необычайно интересное и важное.

Ножной мяч, к великому огорчению Клавдии и Веры, вытеснил из детской все игры. На смену воображаемым лодкам, поездам, пароходам, морям и горам, дремучим лесам пришел реальный, изготовленный из материнского чулка, набитого газетной бумагой, туго-натуго переплетенный шпагатом мяч. Он оказался волшебником, заколдовавшим наши души на пожизненную страсть к футболу. Он заставил нас увидеть в детской комнате стадион и вселил в ребячьи сердца жажду непримиримой борьбы. Начался матч, длинней которого мне видеть не пришлось. Мы разделились на две пары. По принципу возрастной справедливости в одну команду входили самый старший – Николай – и самый младший – Петр; в другую – два средних – Александр и я. Хронологически это событие относится к году, когда началась первая империалистическая война. Таким образом, средний возраст ко-

манд был примерно одинаков – 8 лет.

Тогда уже складывались наши спортивные характеры, поглощенные страстью к этой, до сих пор не разгаданной игре, со всем ее миром радостей, бед, болей, обид, всепрощений. За шум, возню и беспорядок, которые мы учиняли в азарте борьбы, нас строго наказывали. Отец, по профессии егерь, из плеяды знаменитых псковичей-окладчиков, будучи очень вспыльчивым, иногда применял сильные средства воспитания. Арапник, предназначенный для дрессировки охотничьих собак, нередко прохаживался по нижней части туловища участников соревнования.

Но матч продолжался и продолжался. Мы с Александром отыгрывались всю зиму. Счет шел по нарастающей. Ворота – ножки кроватей – приняли не одну сотню голов. Но «сборная Москвы», которую представляли старший и младший брат, ни разу не уступила лидерства в ходе этого матча своему противнику – «сборной Петербурга».

Николай брал верх в схватках массой и напором. Он таранил наши ряды, оставляя Петра, который ростом едва достигал кровати, для охраны тылов. Он был осведомленнее нас в правилах игры. Первокласснику училища иностранных торговых корреспондентов, изучавшему английский язык, была хорошо знакома английская футбольная терминология тех времен. Он безапелляционно останавливал жаркую стычку, завораживая нас словами – «хэндс», «пенальти-кик», «фоол», «оффсайд»!.. Не мог же он, при широте своих зна-

ний правил футбола, проигрывать нам!..

Лето выманивало на улицу. Футбол гоняли прямо у нас под окнами на немощенной части Пресненского Камер-Коллежского вала. Мы жили, играли и «болели», терзаемые постоянным страхом за сохранность футбольного мяча.

Израненная, истерзанная покрывка, давно потерявшая форму, с огромным флюсом в одну сторону, резиновая камера, заклеенная бесчисленными заплатками, – ненужные даже старьевщику отбросы – были сказочным богатством для мальчишек того времени.

Чтобы привести мяч в боевую готовность требовались немалые усилия. Насоса не было, его заменяли ребячьи легкие. Щеки вот-вот лопнут, так напрягались мальчишки, чтобы надуть мяч, стараясь сделать его еще хоть немного упруже. Сидя на земле и зажав мяч в коленях, надувальщик с пипеткой во рту, сдавив для прочности губы ладонью, от напряжения красный словно рак, кивает головой: давай, мол, скорей перехватывай тесемкой резиновое горло камеры. Оставалось еще с помощью женской шпильки зашнуровать покрывку сыромятным ремешком. И тогда в бой, до очередной беды.

А беда, это «гужбаны», как тогда называли ломовых извозчиков.

Громыхая по булыжной мостовой, тянулись они гужом по Пресненскому валу. Тут же цокали подковами легковые извозчики – «ваньки». Пресненский вал, ближе к заставе, был

сплошь в дровяных складах. Везли гужбаны дрова, уголь, кокс, уставшие, злые.

От страха замирало сердце, когда с земляной полосы улицы, которая была нашим стадионом, мяч выкатывался на булыжник. Как его убережешь, когда извозчики так и норовят раздавить наше сокровище.

Хлопнет, как выстрелит, придавленный колесом мяч и лежит неподвижно на мостовой, словно и не метался он сейчас между мальчишеских ног, не взлетал над их головами, упруго ударяясь о землю, принося им безграничное упоение борьбой.

У ребят слезы на глазах. А извозчики громкоголосо, на всю улицу: «Ха-ха-ха!»

Правда, у извозчиков были свои причины недружелюбно относиться к ребятам. Дело в том, что многие из мальчишек, живших на валу, по Малой Грузинской улице и прилегающим к ней переулкам, находились под прямым или косвенным влиянием знаменитой «Горючки».

«Грузины», как тогда именовался наш район, стяжал себе незавидную славу одного из самых опасных мест Москвы. Разве что Хитров рынок да Марьино роццо могли соперничать с ним дурной репутацией.

«Горючка» – своего рода казино уголовного мира. Это был летний филиал «Широковки» – притона, находившегося в Большом Тишинском переулке и служившего штаб-квартирой рецидивистов всех мастей. Они-то и не давали застра-

ивать пустырь, окруженный с трех сторон брандмауэрами прилегающих домов, а с четвертой – низеньким деревянным забором, глядевшим прямо на «Широковку». Кто бы ни возводил на пустыре постройку, ее неизменно поджигали, и она сгорала дотла. Отсюда и название – «Горючка».

Пустырь с утра и до поздней ночи кипел напряженной жизнью. Картежники, сбившиеся в кучки, с пьяным азартом металы и понтировали, просаживая «заработанные» деньги, тут же с горя или радости взбадривали себя водкой, а за неимением ее, ханжой, политурой, благо одурманивающие напитки всегда можно было достать у широковской шинкарки Евдохи.

Жуткие сцены разыгрывались на «Горючке», когда в пылу азарта кто-нибудь проигрывал больше, чем имел расплатиться. Сбившийся с круга бывший эстрадный актер Раздольский, по кличке «Старик», поплатился жизнью, проиграв вору-рецидивисту «Торгашу» одежду с себя, но не снявший ее для немедленного погашения долга. Банкомет без промаха всадил нож в сердце партнера.

– Жулик жулика убил, – бесстрастно обсуждали обыватели решение суда, приговорившего убийцу к церковному покаянию.

Полиция от случая к случаю устраивала облавы на «Горючку». Но появление городских предупреждалось коротким, как выстрел, сигналом – зекс!!! – что означало тревогу первой степени. Словно стая испуганных воробьев перема-

живали через забор «деловые». Вмиг на площадке ни души.

Городовые уходили ни с чем. Завсегдатаи воровского казино возвращались обратно. Язва не поддавалась лечению.

– Да переарестуйте их всех, – возмущенно говорил дядя Митя, старший брат отца, тоже знаменитый егерь, околоточному полицейскому, приходившему в большие праздники к нам в дом с поздравлениями.

– Всех не пымаешь, – хрипел в ответ страдавший одышкой, пузатый, с апоплексической шеей полицейский чин в голубой шинели, зажимая в огромной длани традиционную, по случаю праздника, трешницу.

– Смотри, Петр, – не раз обращался к отцу дядя Митя, – затынет ребят «Горючка».

А мы, хоть и боялись отцовского арапника, все же бегали в запретное место, благо проходной двор на «Горючку» был всего через два дома от нашего. Затаив дыхание, смотрели на пугающий, но и притягивающий своей таинственностью мир страстей и порока.

Тлетворный дух «Горючки», хоть в малой степени, но влиял на нравы молодежи. Конечно, не в масштабах героев «Горючки», но ребята по-своему «гусарили», дерзко похищая у ломовиков куски антрацита, торфа, поленья.

Топливо было в цене. Москва того времени отапливалась главным образом печами. Удача вознаграждалась здесь же. В соседнем с нами доме, Требогановке, скупщики краденого за крупное полено платили две копейки, за кусок антрацита

– три.

Я страшился принимать непосредственное участие в этих «заработках». Сознаюсь, что мной руководили не благородные чувства. Желание съесть кромскую ириску могло переусилить нравственные устои. Меня напугало возмездие, обрушившееся за попытку «заработать».

Сережка Косой, подмастерье сапожника, участник наших футбольных баталий, вместе с другими мальчишками дерзко напал на обоз гужбанов, везущих каменный уголь. Против обыкновения извозчики, оставив без охраны свои телеги, кинулись вдогонку за сорванцами. Сережка бросил увесистый кусок антрацита, надал ходу, но уйти от преследования не смог. Его настигли три ражих извозчика и начали нещадно бить.

Не знаю, чем бы кончилось это истязание, если бы не подоспел Фан Захарыч.

Имя этого человека было Иван. Но у него отсутствовали передние зубы, и, когда Иван Захарыч с присвистом и брызгами рекомендовался, у него получалось «Фан». Он тоже был ломовиком. Промышлял извозом на собственной лошади. Но славу стяжал себе как несравненный кулачный боец на «стенке». Всегда вполпьяна, рыжий, лупоглазый с огненными волосами на распахнутой груди, с кулачищами, как двухпудовые гири, с красным и круглым, словно гигантский помидор, лицом, он в критический для его партии момент появлялся на кулачном игрище, расправляя грудь и широко

расставляя ноги, зычным голосом возвещал:

– А ну, который тут с Фан Захарычем?!

Ломовик этот был популярен и любим в нашей округе как человек добродушный, жизнерадостный, справедливый, своих он в обиду не давал.

Выйдя из трактира Бурлова, размещавшегося здесь же, в Требогановке, Фан Захарыч увидел расправу над подмастерьем и, не раздумывая, кинулся на защиту Косого.

– Ух, стервья, – приговаривал свои любимые присказки Фан Захарыч, нанося, словно кувалдой, очередной удар по противнику, – читай отходную!

Ломовики, не выдержав боя, отступили. Косой был возвращен футболу, хотя долго еще ходил в синяках и с распухшей скулой. Но ведь не всегда явится такой спаситель. И я бежал от соблазна заработать на ириски. Страшило возмездие.

Почти напротив нашего дома были ворота знаменитых своей революционной активностью в 1905 году Брестских мастерских.

В 6 часов утра протяжный гудок, целых пятнадцать минут непрерывно нудно и тоскливо воя, поднимал слесарей, токарей, чернорабочих на очередную двенадцатичасовую вахту. Второй гудок был короче. А третий совсем короткий и отрывистый, как приказ с угрозой за опоздание. В черных промасленных спецовках, куртках, таких же лоснящихся кепках рабочий люд длинной вереницей тянулся к воротам мастер-

ских.

В полдень мастеровые шли на обед. Двигались по нашей «полю», по незамощенной части улицы. Шли аккуратно, стараясь не мешать гоняющим мяч, не сердясь на них, когда они, как цыплята, путались под ногами. Бывало даже, кто-нибудь не удержится, да и ударит ногой вместо мяча по воздуху. И сам рассмеется на свою неловкость и вызовет дружный смех у проходящих. Смех дружелюбный, а не злой, каким смеялись извозчики, нарочно давившие мяч.

К началу первой империалистической войны футбол уже вырос из пеленок. Давно миновало время, когда в прессе какой-нибудь журналист выражал недоумение по поводу того, что бородатые мужчины появляются на людях без брюк, в коротеньких хлопчатобумажных штанишках, бегают по полю за мячом, в промежутках между ударами по мячу подходят к обочине, пьют пиво и закусывают бутербродами, которые достают из заранее заготовленных корзин. Трусиками и мячом никого уже удивить было нельзя. В разных районах первопрестольной появились спортивные клубы.

Вспоминается, в какое волнение приходили мы, когда слышали загадочно звучащие слова – «зэкаэс», «олэлэс», «каэфэс», «эскаэс». Теперешнему молодому поколению эти обозначения ничего не говорят. А между тем сегодняшние ведущие футбольные клубы столицы – ЦСКА, «Спартак», «Динамо», «Торпедо», «Локомотив» – прямые потомки тех клубов, которые носили такие странные названия.

Тонны пота пролило не одно поколение ребят на пустырях, лужайках, площадках и футбольных полях с рытвинами и ухабами где-то на Благуше, у Рогожско-Симоновской заставы, на Ходынке, в Сокольниках и на Пресненском валу, пробежало по ним сотни тысяч километров, нанесло в астрономических цифрах выраженное количество ударов по мячу, чтобы от «олэлэсов», и «зэкаэсов» с их деревянными, вмещающими до двух тысяч зрителей, лавчонками и трибунами прийти к современным клубам ЦСКА и «Динамо», к стадионам на сто тысяч зрителей...

Конечно, наивно было бы сопоставлять футбол начала века с футболом современным. Но у каждого времени свои герои. И как сегодняшний мальчишка с благоговением смотрит на Льва Яшина или Альберта Шестернева, так мальчишки того времени не менее восторженно поклонялись своим кумирам – Василию Житареву или Льву Фаворскому.

Мальчишкам нужны герои. Подражательность свойственна детской душе. У них должен быть пример для подражания. И самый убедительный пример – пример увлеченного взрослого. Были свои герои и у нас. Вспоминается один из них. Мишка Ходин, по кличке Сухорукий, раскрыл нам, мальчишкам, глубину любви к футболу, силу увлеченности им, показал величие спортивной души.

Сухорукий – у него действительно левая рука была недоразвита и не разгибалась в локте – был не ахти как красив. Медно-рыжие волосы, причесанные а-ля капуль, с бабочка-

ми на лбу, конопатое, землистого оттенка лицо с несоразмерно маленьким остро вздернутым носиком. Но он часто влюблялся и в свои двадцать с небольшим лет стяжал себе славу незадачливого ухажера, почти равную славе Фана Захарыча, как стеночника.

В тот памятный день Мишка явился на Пресненский вал франтом. Особенно бросались в глаза его черные лаковые ботинки с желтой замшей на высоченных каблуках, так как сам он был невысок ростом.

Оставался всего час до волнующего свидания с дамой сердца. Поэтому он не вступил в игру, отошел подальше к тротуару, чтобы не поддаться соблазну, и следил за игрой оттуда, изредка поглядывая на ботинки. Но в борьбе страстей, терзавших душу Сухорукого, футбол взял верх. Мишка ринулся в бой со всем пылом страстотерпца, освободившегося от обета.

– Рэ-рэ, канапу! Рэ-рэ, канапу, давай! – восторженно кричал татарченок Шарифка Бульдимов, из-за хромоты постоянный болельщик, а не игрок. Он был изобретателен и остер на клички, почему и ребята его безжалостно дразнили: Бульдо, Бульдо, Бульдошка – коротенькая ножка!

Время свидания приближалось, и Мишка вышел из игры. Но в каком виде! Взлохмаченные и спутанные на лбу волосы, потное, запыленное лицо, от прически а-ля капуль не осталось и следа. Но драма заключалась... в ботинках. Истерзанные, с потрескавшимся лаком, они являли собой жал-

кие остатки недавней красоты и блеска. И главная беда – на одном начисто был оторван каблук. Одна нога стала короче другой.

– Кто найдет каблук, плачу гривенник, – скорбно объявил Сухорукий.

Каблук нашел Бульдошка на бульжной мостовой и зажав его в кулаке за спиной, протянул другую руку за расчетом. Мишка барственно сунул гривенник в ладонь мальчишки и получил свой каблук. Но сапожное изделие, выточенное из дерева и попавшее под колесо телеги, перестало быть каблук-ком.

Недолго поразмышляв в нерешительности, Мишка, не меняя скорбной тональности, произнес: «Принесите кто-нибудь косарь...»

Никто не смеялся. Окружившие Мишку ребята понимали, какую жертву принес он футболу. И когда появился косарь, обязательная принадлежность кухонного обихода того времени, Мишка снял с ноги ботинок с каблуком, поставил его задником на край тротуара и одним ударом напрочь отсек от подошвы каблук, в отличие от своего близнеца не погибший в футбольной схватке.

– Клашка заметит? – как-то наивно-доверчиво спросил он у ребят в надежде найти в их ответе призрачное успокоение. Изогнувшись, он поглядел на пятки своих ног в бескаблучных ботинках.

– Не заметит, не заметит, – хором закричали все. Так нам

не хотелось, чтобы Мишка был обижен футболом, чтобы Клашка отвергла его.

Уже собравшись уходить, Мишка позвал:

– Бульдо, подойди-ка сюда.

Все подумали: прощайся Бульдошка с гривенником. Но Мишка расплачивался за другое. Он взял подошедшего Шарифку сухой рукой за волосы, дернул книзу и сказал: «Это тебе за рэ-рэ, – а потом дал пощечину И добавил: – А это за канапу».

«Рэ-рэ», «канапу», на бульдошкином жаргоне означало – рыжий, рыжий, конопатый.

– Поеду с Клашкой на «олэлэс», – вслух принял решение Мишка и двинулся, пыльный, мятый, в разодранных ботинках к дому своей возлюбленной. Обдергай! А ведь только что был отменный фронт!

Давно уже нет в живых Мишки. Говорили, что ушел он добровольцем на гражданскую и пропал где-то бесследно, так и не появившись больше на Пресненском Камер-Коллежском валу. Но в мальчишеской душе оставил о себе память как рыцарь футбола без страха и упрека.

«Олэлэс» – общество любителей лыжного спорта – вот и вся разгадка таинственного слова. После первой буквы нужное для правильного произношения «э» оборотное опускалось. Считалось шикарнее называть клуб именно без нее. И чудились нам, никогда не бывавшим на стадионе «олэлэс», в этом названии что-то возвышенное, о чем можно только

мечтать. Вот есть где-то такое место, где настоящие гладиаторы футбола наносят такие удары по мячу, что с ног сбивают, если стоишь ближе двух саженей. А смелые голкиперы бесстрашно бросаются в ноги форвардам и отражают пушечные удары, не щадя своей жизни. «Вот бы куда попасть! Да где там – ведь это в лесу, в Сокольниках, на краю света: там лоси водятся», – вздыхая, говаривали между собой ребята.

Лоси в то время действительно водились в примыкающем к Сокольникам Лосиноостровском лесу. Отец и дядя Митя там на них охотились. Но пугали не лоси, а расстояние. Оно представлялось огромным. Старая Москва второго десятилетия нашего века была городом кривых улиц и переулков. Многоголосая, крикливая и тихходная. Самый быстрый транспорт – трамвай. Он же и самый долгий. Трамвайные пробки возникали постоянно. То с рельсов сойдет, то столкнется, то просто черепашым шагом продвигается через людское море Сухаревки, Трубной площади или Охотного ряда.

Путешествие с Пресненского вала в лесную глубь Сокольников представлялось неосуществимым. Попытки разведать обстановку у взрослых ничего толкового не давали, их неясные ответы только еще больше пугали. Старшие братья уже побывали в заветном месте. За недостатком средств меня с собой не брали. А на мои вопросы, сколько до «олэлэса» верст, Николай коротко, обескураживающе отвечал: двадцать пять!

Но настал день, когда я решился. Этому помог случай. На тротуаре возле дома я поймал жар-птицу с золотым пером. Она была в образе гривенника, на который меня навела судьба. Монета лежала орлом вверх: предзнаменование удачи! Это произошло в субботу, когда я с двумя ведрами, наполненными до краев водой, изнемогая под их тяжестью, но не останавливаясь для отдыха, потому что загадал: донесу без остановки, будет «хорошо», подходил к калитке. Это загадывание на «хорошо» вбирало в себя самый широчайший круг понятий: тут и школа, и футбол, и арапник, и вся мальчишеская жизнь со всеми преувеличениями незначительного и непониманием важного.

Вот тут-то гривенник и попался мне на глаза. Только когда я, с соблюдением всех правил осмотрительности, запихнул его за щеку, тогда поверил, что свершилось что-то огромное и радостное для меня.

Спрятав гривенник в укромное место, я потом стал перепрятывать его, не надеясь на надежность «зачапки». Я подозревал весь дом в возможном лихоимстве.

В памятное воскресное утро после беспокойно проведенной ночи я нашел свое богатство в целостности и сохранности. И твердо решил – сегодня поеду на «олэлэс».

Я знал, что от этого решения не отступлюсь. Упорство в достижении цели с самого детского возраста воспитывалось в нашей семье самими условиями жизни.

Главной темой разговора в доме была охота. Отец и дя-

дя Митя вели разговоры в лицах и, по общему признанию широкого круга знакомых, посещавших дом, были превосходными рассказчиками. За многолетнюю практику охоты на хищного зверя у них накопилось много самых драматических сюжетов, когда жизнь каждого, как говорится, висела на волоске.

Слышали мы и про схватку с бешеным волком один на один, и про поединок с топором в руках против косолапого, и про трагический случай, когда наш двоюродный дед по линии отца застрелил любимого младшего брата: «Седой от мороза туман был, померещилось – лось! Ан, оказалось братец Онуша на просеку вышел из лесу. Наповал из штуцера и уложил».

Запомнились рассказы про выдающихся спортсменов, прославивших Россию на международной арене, в особенности чемпионов мира: Панина и Струнникова.

Имена знаменитых борцов профессиональных цирковых чемпионатов – Ивана Поддубного, Ивана Шемякина, Ивана Заикина – произносились с благоговением. Будучи заядлыми охотниками, наш дом посещали известные авиаторы того времени Габер-Влынский и Прохоров. Нашумевший тогда перелет Блерио через Ламанш в их пересказах мы подслушивали с замиранием сердца.

Все эти рассказы про сильных, мужественных людей пленяли воображение, вызывали желание подражать им, воспитывали твердость характера: сказал – сделал.

Я сказал себе, что поеду на «олэлэс», и знал, что поеду, несмотря на то что перелет Брелио мне представился не более трудным, чем предпринятое мною путешествие «через всю Москву».

Я не пошел с братьями на Ходынку подавать мячи из-за ворот. Там по воскресным дням было особенно людно. Мальчишки, подростки, юноши со всего Пресненского района шли на Ходынку, где процветал «дикий» футбол.

Засунув, что мне казалось, наиболее надежно, гривенник за щеку, я вышел из дому и отправился, боязливо оглядываясь, в путешествие.

Мой путь лежал по Грузинскому валу до Александровского вокзала, так назывался теперешний Белорусский, оттуда по Тверской до Садово-Триумфальной площади, через Самотеку и Сухаревку к Красным воротам.. Дальше все представлялось туманным, загадочным.

Площадь трех вокзалов, Краснопрудная, Стромынка, наконец, Сокольники – конец света. Главным ориентиром были трамвайные линии. Я знал, что шестой номер от Александровского вокзала идет в Сокольники. Но он плутал долго через центр Москвы. Поэтому я разработал маршрут по линии трамвая «Б», ходившего по Садовому кольцу.

Наиболее распространенным способом передвижения мальчишек были задние «места»: запятки извозчичьих саней, пролетов, буфера трамваев. На последнем я и отправился в путь, усевшись на металлический ствол со шляпкой как

у гриба и ухватившись руками за толстый резиновый шланг. Я катил на буфере по центральной магистрали города, по которой запрещено ездить «золотарикам» даже в ночное время. Там жили люди, по своему достатку имевшие возможность снимать квартиры с канализацией – с «домашней уборной».

Из района, где небольшие бакалейные лавки – Д. И. Иванова, на углу Малой Грузинской, и А. Ф. Золотова, на валу, – со скромными, белым по черному, вывесками «Торговля колониальными товарами», обслуживали весь огромный квартал, я попал на оживленный проспект, по обеим сторонам которого в ряд тянулись магазины самых известных московских фирм. Вывески синие с золотом «Поставщик двора его величества Д. И. Филиппов», или «Н. И. Чуев»; по белому кафелю синим фамилии бескомпромиссных конкурентов, торговцев молочно-гастрономическими продуктами, Чичкина и Бландова. Если на одном углу перекрестка магазин одной фирмы, то на другом обязательно магазин конкурента. В гостях, пробуя нежно-розового цвета ветчину, считали обязательным спросить: вы покупаете у Чичкина или у Бландова? А вон не менее знаменитые соревнующиеся фирмы по торговле чаем – Перлова и Высоцкого. Обувной магазин Видонова, тканей Коншина, Миляева-Карташева. Много раз слышанные в упоминаниях взрослых имена «Чичкин, подлец, снятым молоком торгует»... «у Коншина обмеривают», – сейчас они как бы живые смотрели на меня

со своих вывесок, и я почему-то почувствовал себя взрослее, как бы переселившись из мира отвлеченных представлений в мир конкретных наблюдений. Уверенность мне придавал и мой «капитал», который я время от времени нащупывал языком.

Однако отлично помню, что весь этот калейдоскоп впечатлений хотя и удивлял и завораживал, но за душу не брал.

И вдруг... «Все для спорта» – магазин Биткова! Я соскочил с буфера и, как зачарованный, остановился у витрины. Там среди массы всяческих принадлежностей для спорта выставлены были бутсы. Одна бутса глядела на меня нашивным, из рубчатой коричневой кожи, бульдожьим носком. Запяточные ремни с блочками для шнуровки на концах змеились по сторонам. Другая бутса была повернута подошвой вверх. Ах, что это была за подошва!.. По всему периметру она была прошита тройным рядом медных гвоздей. На полукружиях пятки и носка были возведены бортовые укрепления в сантиметр высотой. Два, в палец толщиной, поперечных вала, под плюсной стопы и под пяткой, придавали подошве вид обуви для бронтозавра.

Значит, верно: мячом можно убить – первое, что пришло мне в голову, когда я разглядывал витрину. Удар такой бутсой бесспорно смертелен – пришел я к категорическому заключению.

Бутсы были значительно выше лодыжки, которую, кроме берцы, дополнительно защищал нашитый с внешней сторо-

ны круглый кожаный тампон. Длина запяточного ремня достигала примерно полуметра. В каждую бутсу было вбито по сто пятьдесят медных гвоздей, не считая более крупных, по двадцать пять штук в каждом шипе. Сшиты они были из плотной юфти с негнущейся подошвой из полувала.

Разные чувства переживал я, простояв не менее получаса у битковской витрины. С одной стороны, был обрадован до восторга, впервые увидев «всамделешную» бутсу, о которой знал только понаслышке. Так, наверное, радуется мальчишка, мечтающий о небе и впервые вблизи увидевший настоящий самолет. С другой, меня охватила грусть: уж больно далекой мне показалась мечта стать обладателем таких же вот бутс.

Но все же от битковского магазина я не вернулся домой. Не теряя бодрого состояния духа, я уселся на буфер, теперь уже трамвая «Б», шедшего по направлению к Красным воротам.

Сухаревка меня ошеломила. Людское море! Оно начиналось от Самотеки и кончалось где-то за Спасскими казармами. А посреди него возвышалась высоченная остроконечная башня буро-красного цвета.

Трамвай плыл сквозь гущу толпы, непрерывно звоня и останавливаясь. Я понял, что пешком миную площадь значительно быстрее. Однако сухаревские сценки задерживали. Буйство звуков стояло в воздухе. Тут были свои доморощенные поэты, в стихах рекламирующие свой незатейливый то-

вар.

Есть спички Лапшина,
Горят, как солнце и луна! –
надрываясь, кричит коробейник.
Дай табачку, а я на диво,
Бумажки Зимина купил,
Приятно, дешево и мило,
Такой ты сроду не курил! –

речитативом славит курительную бумагу фабриканта Зимина торговец с лотка. Сколько прошло время, а стихи запомнились...

А вон собрал вокруг себя кольцо любопытствующих черный, как жук, здоровенный детина в красной рубахе, ни дать, ни взять суриковский стрелец. Зычным голосом покрывая всю Сухаревскую, он выкрикивает какие-то шаманские слова: «Куста-макуста, – камень карборунд! Куста-макуста, камень карборунд!» Все это он делает картинно, задрав голову вверх, ни к кому не обращаясь, держа в высоко поднятой руке крупнозернистый брусок для точки ножей. Потом берет со столика, стоящего перед ним, нож и вещает собравшимся:

Стряпухи-молодухи,
Берете простой кухонный нож,
Проводите раз, проводите два,
Бритва в руках вместо ножа.

При этом он плавно с оттяжкой проводит ножом по бруску и ловким взмахом рассекает, по-видимому, заранее как бритва наточенным ножом кусок картона.

Вдруг из трактира на углу Сретенки разгульной походкой вышел пьяный детина, по всему облику хитрованец, яростно потрясая грязными руками в рукавах с бахромой. Я и ахнуть не успел, как хитрованец сцапал меня за воротник рубашки и, обдавая сивушным запахом, зловеще прошептал: «Гони деньгу, гаденьш!»

Кругом народ. Шум, галдеж, толкотня. Но все чужие друг другу и мне: волчье царство, каждый сам за себя. Я онемел от страха. Беспорядочные и нелепые мысли молниеносно пронеслись в голове: откуда он знает про гривенник, а может быть, это он его потерял? И я уже готов был расстаться со своим капиталом, если бы не собутыльник хитрованца, вышедший следом из трактира и увидевший мое смертельно бледное лицо.

– Оставь дитю, Афоня, поди, помрет с испуга.

Через минуту я мчался со всех ног мимо Спасских казарм к заветному шестому номеру трамвая.

На буфере трамвая, уносившего меня в направлении вокзальной площади, я почувствовал себя спокойнее, чем среди людей на Сухаревке. Однако какую-то внутреннюю тревогу я в душе ощущал. Это не были сомнения, возникшие после испытанной передряги с хитрованцем: ехать дальше или вернуться домой. Естественно возникшие в момент высшей

взволнованности, они с каждой минутой отдаления факта в прошлое все меньше одолевали меня и к моменту моего водворения на буфер совсем отпали. Я твердо ехал на «олэлэс».

Но все же я испытывал такое состояние, которое бывает, когда вам кажется, что вы что-то забыли, оставили, потеряли, но не знаете, что именно и где.

Тревожился душою я не зря. По выработавшемуся рефлексу, но притормозившемуся из-за пережитых волнений, я полез языком за щеку, и сердце мое дрогнуло. Отчаяние все больше леденило мою душу, чем старательнее я обыскивал свой рот. «Обыскивал» выражение точное, потому что на помощь языку я призвал указательные пальцы. Так как язык от непосильной нагрузки устал, я, продолжая на что-то надеяться, допускал мысль, что он потерял осязаемость. Мои надежды основывались на том, что клятвы, данной себе перед выходом из дома, я в пути не нарушил. Поклялся же я в том, что до приезда на «олэлэс» рта не открывать, чтобы не поддаваться соблазну потратить гривенник на что-нибудь в дороге, а главное, чтобы его не потерять.

Я твердо знал, что всю дорогу ехал, мертвой бульдожьей хваткой замкнув свой рот. Я не сказал ни единого слова, и мой «сейф» с гривенником извне был неприступен. Впервые, я раскрыл его, чтобы обыскать пальцами. Но гривенника не было. Значит?.. Значит я его проглотил...

Сначала это предположение показалось мне чудовищно

неправдоподобным, и я в тысячный раз начал обыскивать языком рот. Увы, гривенника не было. Не появился он и тогда, когда я несколько раз натужно кашлянул в наивной надежде, что монета где-то тут, близко от гортани и выскочит обратно.

Установив, что монета проглочена, я был крайне обескуражен. Случай, толкнувший меня на путешествие, утратил материальную значимость – гривенник предназначался для оплаты входа на стадион. Поездка теряла смысл: финансовое обеспечение рухнуло.

Впоследствии я нередко вспоминал эту великую минуту своего футбольного детства. Смалодушничай я на распутье дорог, из которых одна вела к дому, другая на «ол-элэс», и неизвестно, как бы сложилась моя судьба. Но, к счастью, я сумел победить самого себя. Поудобнее примостившись на буфере, с отчаянной решимостью двинулся я к Сокольникам, подсознательно следуя по линии наибольшего сопротивления, единственно правильной в развитии характера любого спортсмена...

Стадион общества любителей лыжного спорта был расположен в Сокольническом лесу, на 4-м Лучевом просеке. Он был окружен дощатым забором, из-за которого доносились ни с чем не сравнимые звуки: как бы приглушенные удары по гигантскому барабану. То были звуки ударов по мячу, вызвавшие у меня необычайное волнение.

С трех сторон к стадиону близко примыкал лес. Я вска-

рабкался на дерево, не без помощи уже восседавшего там парня, протянувшего мне руку. Сук был прочный, толстый и, обхватив рукою ствол, я почувствовал себя так же уверенно, как на буфере трамвая.

Передо мной открылась сказочная панорама. Огромный зеленый ковер, размеченный белыми линиями, футболисты в синих рубашках и белых трусах, все в бутсах! Четыре флага по углам поля, ворота с массивными четырехугольными штангами, окрашенными в белый цвет, с железными сетками, издающими какой-то особый музыкально-звонящий звук, когда в них попадает мяч. Судьи, торжественно выходящие на поле: боковые – с флажками, а главный – рефери с лентой на шее, на которой висит свисток. Мяч новенький, желтой кожи, положенный на отметке центрального круга. Выбег, да, именно выбег, а не выход, гладиаторов, направившихся этаким мощно-расслабленной трусцой к центру поля. Выбор ворот, взаимное приветствие противников громкогласным «Гип-гип, ура! Гип-гип, ура! Гип-гип, ура, ура, ура!» – все это с высоты березового сука воспринималось как чудесное сновидение.

Но это была явь, продолжавшаяся около двух часов. Затаив дыхание, я смотрел на отстрельные удары беков, то зажигавших высокую «свечу» под бурное одобрение зрителей, то настильно по воздуху посылавших мяч подальше от своих ворот. Смотрел и захлебывался от восторга, когда форварды наносили пушечные удары по воротам, а вратари, «ласточ-

кой» в верхний угол и «рыбкой» в нижний, бросались и отражали, казалось бы, неотражаемые мячи.

Мой сосед по дереву (он сидел с другой стороны ствола) был из разряда болельщиков, не умеющих смотреть футбол молча. Он был скептик и иронически комментировал каждый эпизод идущей на поле борьбы. Но, как потом выяснилось, он страдальчески болел за «олэлэс» и лечился лекарством, до наших дней не утратившим популярности: маскировкой своего пристрастия ироническими репликами в адрес тех, за кого страдает всей душой. Но только до тех пор иронических, пока результат еще гадателен. Это называется – болеть от обратного.

Когда же хозяева поля повели в счете, а затем удвоили результат, он «выздоровел» и бесконечно повторял: «Как горбатятся, как горбатятся! Любо смотреть, как горбатятся ребята!»

В то время темпераментная, азартная, а значит, и требующая больших физических усилий игра ценилась в футболистах превыше всего. Сосед отмечал своих любимцев высшей похвалой и, убедившись, что игра сделана, заключил: «Да разве у сокольнических футболистов может кто выиграть? Никто!»

На этот раз он был прав: «олэлэс» выиграл. С финальным свистком судьи лицо его засияло. Он подвинул свои светлые усики, поправил на круглой голове чуб, подтянул голенца у сапог и, подмигнув мне, сказал: «Ну, бывай, сынок,

до воскресенья! Он протянул мне руку, пожал своей твердой мужской ладонью мою мальчишескую дощечку и уверенно-бодрой походкой ушел в глубь Сокольнического леса.

С его уходом я понял, что праздник кончился, наступают будни. Страх за самовольную отлучку из дома на необычно долгое время кольнул сердце. Терзаемый мрачными мыслями о неминуемой расплате, я бегом, обгоняя уходящих со стадиона зрителей, устремился к спасательному трамваю...

В детскую прошмыгнул незаметно. На вопросы братьев, где я пропал, ответил правдиво, не вызвав у них изумления: они сами недавно вернулись с Ходынки.

А из столовой доносилось пение. В гостях у нас был знаменитый «баян русской песни» П. И. Баторин. Автор популярнейшего романса «У камина», написанного им в госпитале, куда он попал после неудачной попытки самоубийства из-за нераздельной любви к знаменитой звезде синема Вере Холодной.

Приезд Баторина отвлек родителей от детской, и мое отсутствие они не заметили. «Недаром, – думалось мне, – гривенник лежал орлом, вот все и закончилось благополучно».

Гривеннику я не дал пропасть. Вторично найденная монета была истрачена на покупку двух выпусков Нат Пинкертон под заглавием «Том Браун – черный дьявол» и «Борьба на висячем мосту».

На другой день в школе и на улице я рассказывал о своей поездке на «олэлэс». Если у кое-кого и были сомнения в

правдивости моего рассказа, то они молчали, а Бульдошка категорически его отвергал: «Врет, врёт, хоть и интересно, а врёт».

Меня это недоверие очень огорчало. Но впечатления от стадиона на 4-м Лучевом просеке так и осталось неизгладимым на всю жизнь. Тогда я, конечно, не предполагал, что этот маленький родничок в Сокольниках со временем разольется в одну из самых полноводных рек советского спорта и футбола в частности.

В 1916 году, когда я сидел на дереве с соседом, просвещавшим меня в истории сокольнического футбола, общество любителей лыжного спорта отмечало свой 15-летний юбилей. Нетрудно установить, что создано оно было в 1901 году. Пятнадцать лет в истории спорта дистанция огромная, за это время сменяются три поколения футболистов. Понятно, что и это общество шло в своем развитии вперед.

Просматривая прессу тех времен, можно видеть, что в обществе культивировались разнообразные виды спорта. Лыжники, теннисисты, легкоатлеты, хоккеисты, футболисты с эмблемой «ОЛЛС» находят свое место на страницах журнала «Русский спорт».

Технические же достижения, если их рассматривать в сравнении с рекордами современного спорта, заставят добродушно улыбнуться осведомленного человека. Выступая на отборочных соревнованиях, лучшие спортсмены общества

показали такие результаты: Петр Лебедев толкнул ядро на 8 метров 25 сантиметров, Лев Бранд прыгнул в длину на 5 метров 9 сантиметров, а Павел Лауденбах метнул молот на 23 метра 56 сантиметров.

Результаты, прямо скажем, под силу сегодняшним мальчишкам, если не девчонкам. А между тем это действительно были великолепные спортсмены. Я впоследствии познакомился с ними близко и с первыми двумя совместно выступал в соревнованиях. Худой, подтянутый, длинноногий, Петр Лебедев стал одним из лучших бегунов на средние дистанции и отменным хавбеком в футболе, после окончания спортивной карьеры переквалифицировавшийся в журналиста. Лев Бранд был рекордсменом Советского Союза в беге на 1000 метров, чемпионом страны по лыжам и играл за сборную команду Москвы в хоккее.

Стали они известными десять лет спустя. А привел я их результаты, показанные в год пятнадцатилетнего юбилея, лишь для того, чтобы сказать, что и футбол тогда от легкой атлетики не далеко ушел.

Футболисты в синих рубашках и белых трусах играли по группе «Б» на первенство Москвы. Их противниками были Московский клуб лыжников – МКЛ, с маленьким стадиончиком при Царском павильоне, теперь это стадион Юных пионеров; спортклуб «Унион», размещавшийся в Самарском переулке; общество физического воспитания – ОФВ, на Девичьем поле да спортивный кружок «Замоскворечье» – СКЗ,

от стадиона которого и помина не осталось. Вот и вся группа, пять команд.

Была и низшая группа. Ее Московская футбольная лига называла группой для членов-соревнователей. Она комплектовалась из команд, представляющих дачные местности. В нее входили Тарасовка, Спарта, Малютино, Немчиновка, Мамонтовка, Баулино и команда Казанской лиги (имеется в виду объединение дачных местностей, расположенных на одноименной железной дороге).

В высшей лиге – класс «А» – выступали прославленные команды: Замоскворецкий клуб спорта – ЗКС; кружок футболистов «Сокольники» – КФС; Сокольнический клуб лыжников – СКЛ; «Новогиреево», Чухлинско-Шереметьевский кружок спорта – ЧШКС и прославленные «Морозовцы».

Во всех этих клубах уже имелись свои знаменитости, слава о которых выходила за пределы Москвы. В ЗКС – братья Романовы, Михаил и Сергей, Константин Блинков, Сергей Сысоев; в КФС – Василий Житарев, Михаил Денисов; в «Новогиреево» – Павел Канунников, Сергей Бухтеев; у «Морозовцев» – братья Чарноки.

Команда сине-белых в московском футболе пребывала в середнячках. Лишь через несколько лет в ней проглянули ростки будущих великих свершений на футбольных полях, которые золотыми буквами вписаны в историю советского футбола.

...Бывает в жизни так: доставил тебе кто-то большую ра-

дость, а потом принесет и непомерное огорчение. Команда ОЛЛС по пути своего восхождения к вершинам нашего футбола, даровав мне радость открытия, которую я испытал на березовом суку, впервые наблюдая настоящую игру, через шесть лет с такой же силой заставила меня пережить огорчение.

К тому времени команда ОЛЛС стала участником высшей группы класса «А». А я за эти шесть лет успел из «дикого» футбола перебраться в организованный. Меня включили в юношескую команду Московского клуба спорта у Пресненской заставы.

Как тот болельщик из Сокольников, так и я убежденно говорил, что пресненских футболистов никто не может обыграть. Чем больше я в этом утверждался, пересчитывая действительно высококлассных игроков нашей первой команды – братьев Канунниковых, братьев Артемьевых, Виктора Прокофьева, Дмитрия Маслова, Николая Старостина, – тем тяжелее было для меня пережить удар.

В тот раз команды МКС и ОЛЛС встречались в финале весеннего первенства Москвы. Перед матчем прошла гроза с ливнем. Поле Замоскворецкого клуба спорта покрылось огромными лужами. Судьи долго совещались, играть или отложить встречу. Но предварительное объявление: «Игра при любой погоде не отменяется» – заставило следовать обещанному. Команды выбежали на поле.

Футбольный мяч любит самоотверженность. Он послу-

шен тем игрокам, которые не гнушаются самой черновой работы: грязь так грязь, лужа так лужа – все нипочем!

В чистеньких белых трусах игроки обеих команд осторожно обегали лужи на поле, перепрыгивали их, норовили бегать по сухому. Вдруг мяч попал в огромную лужу на штрафной площадке пресненцев и, потеряв инерцию, остановился по середине ее.

Пока Павел Тикстон и Владимир Хайдин осознали неожиданно возникшую ситуацию, а вратарь Станислав Мизгер рассмотрел угрозу, в дело вмешался Савось, как уменьшительно звала спортивная Москва правого инсайда ОЛЛС – Павла Савостьянова.

Решительно, не раздумывая, он ринулся в грязную лужу и со всего маху нанес удар по мячу. На какое-то мгновение черный фонтан брызг заслонил происходящее. Когда же прояснилось, зрители увидели, что защитники и вратарь, выкрашенные в черно-грязный цвет, стоят в растерянных позах, а мяч лежит в сетке ворот.

Савось преподал предметный урок решительных действий в любой обстановке. Я вспомнил этот случай потому, что наступательный дух, дух активных вторжений знаменитой команды «бомбардиров» конца сороковых годов воспитывался, как мне представляется, еще тогда, когда эта команда называлась ОЛЛС. Такие спортсмены, какими был Павел Савостьянов и его сверстники, бесспорно оставляют свой след в истории развития родного спортивного коллектива.

Савось был невысок ростом и кряжист. Он обладал неистощимой энергией и напористостью. Столкнуться с ним на поле, все равно что с чугунной тумбой. Что-то не могу его вспомнить просто, как это часто бывает в игре, упавшим. А если случалось и не устоит на коньках (он и в хоккей играл за сборные команды), прорываясь с мячом, то и хоккейные ворота увезет за собой вместе с бортиками.

Совсем иного склада был другой левый инсайд, Константин Тюльпанов. Темноволосый, с тонкими чертами лица, суховатый, он представлял собой тип футболиста, играющего за счет быстроты действий, технической оснащенности и острого мышления. Эти качества позволили ему занять прочное место в сложившейся в то время интересной и результативной тройке нападения, возглавляемой центральным нападающим Борисом Ковалевым.

В футболе есть такой технический термин – плассированный удар. Он определяет полет мяча в воздухе. В отличие от крученых, резаных, подсечек, так называемых «сухих листьев», когда мяч летит в воздухе, вращаясь вокруг своей оси, изменяя направление полета по дугообразной кривой вверх и в сторону, в объясняемом случае мяч летит не вращаясь по прямой. Это точный, сильный и красивый удар. Я не помню футболиста, у которого был бы так отточен и выверен удар, как у Бориса Ковалева.

Плотно и пропорционально скроенный, среднего роста, Борис не был полным, но очертания его фигуры воспомина-

ются в каких-то округлых линиях: круглой формы голова, округленные, довольно широкие плечи и такие же ноги. Кажется, взгляни на них в поперечном разрезе, подумаешь – выведены циркулем.

Мне приходилось играть против Бориса, и я помню его карие глаза и короткую темную челку на запотевшем лбу, когда он, приближаясь к действительной линии огня, оценивал ситуацию в развертывающейся атаке. Чуть промедли вступить в борьбу – последует кинжальный пассивированный удар, чаще всего в нижний угол. Мяч полетит на бреющем полете. Все из этой тройки были кандидатами в сборную команду Москвы.

Колоритной фигурой в команде был популярный вратарь Франц Шимкунас. Энергия в нем была через край. Чтобы погасить ее, он, сжав кулаки, ходил от штанги к штанге решительной походкой: разъяренный тигр в клетке. Он жаждал схваток, а мяч был на другой стороне поля! Казалось, он готов броситься в чужие ворота и там их защищать от ударов своих нападающих. Ему хотелось постоянно «быть в деле», непрерывно отбивать мячи, в этом сказывалась его горячая душа спортсмена. Он тоже входил в состав сборной команды Москвы, конкурируя со знаменитыми Николаем Евграфовичем Соколовым и Борисом Баклашевым.

Роль центрального полузащитника в команде блестяще выполнял Владимир Ратов. Он отличался тем, что при небольшом росте мог с успехом спорить за высоко летящий

мяч с самим Федором Селиным, которого, как известно, называли «королем воздуха».

Большой популярностью у широких кругов любителей футбола пользовался левый крайний нападающий Константин Жибоедов. У «Жибо» была необычная футбольная осанка. Во время дриблинга он походил на бегущего селезня. Продвигаясь с мячом, он вытягивал шею, приподняв голову и отводя руки назад – в стороны, а ноги поспешали за подавшимся вперед туловищем.

Природный левый крайний, хитрый и острый в атаке, Жибо был хорошо вооружен технически и выступал за основные составы сборных команд Москвы и России.

Будучи поколением младше ветеранов – Ратова и Жибоедова, в составе ОЛЛС выступали два известных крайних хавбека Евгений Никишин и Константин Пахомов.

Первого вся Москва знала под именем «Джек». Он был гибкий, как лоза. Играл размашисто, бегал по полю не снижая и не прибавляя скорости, но и не опаздывая в нужный момент к месту действия. У него было какое-то удивительное чутье в этом отношении. Когда сборная Москвы, впервые встречавшаяся с чехословацкими профессионалами, вела тяжелую оборону, удерживая преимущество в один гол, Джек своим размеренным аллюром добежал до линии наших ворот как раз в ту секунду, когда гол казался неизбежным. Он успел лбом отбить мяч с линии ворот и, изнемогая от усталости, но не снижая темпа, двинулся с мячом для орга-

низации контрастности.

Совсем другим темпераментом обладал Пахомов. Это был игрок спорадических порывов, резкий в борьбе за мяч, атлетического склада, но отнюдь не злоупотреблявший правилами игры. Своей прической он обогнал Беста и его последователей на полвека. В двадцатых годах он был единственным спортсменом, носившим волосы, ниспадающими до плеч. Сейчас он носит короткую прическу. Но не длина волос определяла его спортивные достоинства. Он любил футбол по-настоящему и всегда играл изо всех сил. Вот эти качества и выдвинули его кандидатом в сборную команду Москвы.

Однако мне не перечислить всех мастеров футбола времен ОЛЛСа, их было много. Защитники Исаев и Шмидт, нападающие Дубинин и Назаретов и другие. Их старшие и младшие одноклубники могут по праву быть названы основоположниками футбольных традиций этого замечательного спортивного коллектива.

Впрочем, вернемся к матчу, от которого я отвлекся, подавшись воспоминаниям.

Итак, Савось своим вторжением в лужу и расправой с нашей защитой заметно отрезвил меня. Я не успел еще опомниться от первой неудачи, как и второй мяч влетел в ворота Мизгера. Мне стало совсем не по себе. Я стал малодушно дрожать, с трудом сохраняя остатки веры в непобедимость нашей команды.

Я было немного воспрянул духом, когда Павел Канунников послал ответный гол. Но во второй половине игры, окончательно доконавшей меня, в наши ворота влетели еще два мяча. Забитый пресненскими форвардами на последних минутах гол ничего не изменил. Первенство выиграла команда ОЛЛС со счетом 4:2.

Помню, что после финального свистка судьи, возвестившего о крушении моих надежд, я, затерявшийся в публике юнец, не смог сдержать слез разочарования.

О самоуверенность юности! За пятьдесят лет, прошедшие с тех пор, я добрую сотню раз получал более тяжелые уроки, подтверждавшие глубокую истину – футбол, как жизнь, в нем ничего категорического нет. Амплитуда колебаний качества игры столь велика у любого игрока, а значит, в еще большей степени и у всей команды, что предугадать безошибочно результат той или иной встречи просто невозможно.

Так вот и получилось, что команда футболистов в синих рубашках и белых трусиках стала моей первой учительницей в познании радостей и горестей игры в ножной мяч.

В дальнейшем эта команда стала именоваться ОППВ, что означало – Опытно-показательная площадка Всевобуча. Затем ЦДКА, ЦДСА, ЦДСК МО и, наконец, как мы ее знаем сегодня, ЦСКА – Центральный спортивный клуб армии.

Она прошла нелегкий путь к вершинам спортивной славы. Был период, когда ее успехи достигли фантастических высот. В период с 1946 по 1951 год армейцы пять раз были

чемпионами страны и дважды выигрывали Кубок СССР.

Но откуда мне тогда было знать, что ОЛЛС станет одним из мощнейших источников пополнения сборных команд страны и школой воспитания выдающихся футболистов столицы. Портретная галерея учеников, с отличием прошедших эту школу, составит нескончаемый ряд.

Конечно, ее возглавит незабываемый Григорий Федотов.

...Как-то, обмениваясь со мной мнениями о делах футбольных, один из известных футболистов упомянул имя игрока, появившегося у них в клубе «Серп и молот», назвав его «восходящей звездой».

Сидели мы в баре, в который зашли «укрыться от дождя», и неторопливо потягивали пиво. Тогда это называлось среди спортсменов-футболистов «поговорить о тактике».

Хитро-добродушно улыбаясь, Блинков отражал наши скептические реплики. Особенно иронизировал Валентин Прокофьев. Суть возражений в футболе извечная. Видали, мол, и слышали мы об этих восходящих звездах: «Не та молодежь пошла!» Надо заметить, нам всем троим к этому времени было около ста лет. К тому же Прокофьев выступал в том же амплуа, что и новая восходящая звезда, играл левого края. Он достиг по возрасту предупредительного порога в своей футбольной карьере, и для него наступила пора спортивного увядания. Но нет такого футболиста, который бы это признавал и не обижался на слова самых близких друзей и тем более тренеров, предупреждающих, что, мол, твоя «но-

га покоя просит». Прокофьеву, кстати говоря, самому быстрому футболисту всех времен, хотелось продолжать играть за сборную команду страны, выдерживая труднейшую конкуренцию с Сергеем Ильиным. А тут еще «новая восходящая звезда»!

Будучи в жизни чрезвычайно самолюбивым и, может быть, поэтому болезненно застенчивым, Прокофьев в застольной беседе бывал крайне резок в выражениях, и весь разговор мог закончиться крупной ссорой. Но Блинков обладал удивительным качеством. Он никогда не повышал голоса и на все нападки спорщиков отвечал добродушно: да вы сходите, посмотрите!

Выдающийся техник в игре, тонкий ценитель футбола, Блинков с такой обезоруживающей силой убеждения рассказывал о молодом пареньке, что невольно гасил пыл возражений. «Одним словом, талант милостию божию, – заключил он, – сходите и посмотрите».

Поклонник Есенина, Прокофьев, презрительно улыбнувшись, как бы заканчивая спор, произнес свою любимую строку, театрально хлопнув себя ладонью по колену: «...но только лиры милой не отдам!»

Позабыв, как это обычно бывает в бестолковых спорах о футболе, о чем мы спорили, что утверждали одни и ниспровергали другие, я при расставанье с Блинковым все же спросил фамилию «новой восходящей звезды».

– Федотов, – коротко ответил он мне. И наставительно,

тоном почти приказа добавил: – Сходи и посмотри.

Вскоре я «пошел и посмотрел». Команда «Серп и молот» играла на стадионе «Сахарники», как мы его по старой привычке называли. Он размещался между Курским вокзалом и Таганской площадью, теперь его, как и многих других, уже нет и в помине.

В восторге я уходил со стадиона. Его пробудил восемнадцатилетний мальчишка из подмосковного Глухова. Всему, что он делал на поле, его не мог научить никакой тренер. Он обладал абсолютным футбольным слухом. Наставники здесь ему были не нужны. Наоборот, они могли у него научиться тому, как бить мяч, как его вести, останавливать или передавать с ходу. Какую, когда и где занять позицию во время атаки или обороны. Как продолжить, развить наступление: путем ли индивидуального вторжения или длинной передачей. Наносить ли удар с ходу или, чуть заметно обработав мяч, с ювелирной точностью отпассовать его для удара партнеру. Как это сделал Пеле, передав мяч Жаирзиньо для завершающего удара по воротам Бэнкса в памятном эпизоде матча Англия – Бразилия на мировом чемпионате в Мексике.

Наблюдая в этот раз за игрой Федотова, я увидел дважды примененный им прием, который показался выполненным случайно, настолько он был сложным, чтобы считать его постоянным тактическим оружием футболиста.

Он дважды, как говорят, замыкал прострельную передачу с правого фланга ударом головой, находясь в низком, лучше

сказать, бреющем полете, горизонтально вытянувшись в двадцати – тридцати сантиметрах над землей. Первый мяч попал в боковую стойку. А второй влетел в сетку ворот. Это было маленькое футбольное чудо. Совершенство технического мастерства и тактического расчета. Это была демонстрация чувства футбольного ритма, учтенного в сотых долях единиц времени, пространства и движения. В то время как его партнер по команде Вадим Потапов от центра поля по правому флангу стремительно продвигался с мячом в ногах к воротам противника, Федотов синхронно двигался по левому флангу. Он точно учитывал скорость партнера, наблюдая за мячом. Кроме того, ему нужно было взвесить затраты времени Потапова на замах, дальность полета мяча и определить место стыковки с ним для нанесения удара по воротам. И что важно – не попасть при этом в положение «вне игры»!

Правильное решение заключалось в одном: ударить по мячу нужно головой, находясь в горизонтальном полете вперед. И как мастерски, артистически непринужденно он исполнял этот труднейший заключительный аккорд своей небольшой футбольной симфонии!

И это не было случайностью. В дальнейшем любители футбола не раз становились свидетелями подобных федотовских концовок в футбольных баталиях самого высшего уровня.

После матча я зашел в раздевалку. Мне хотелось посмотреть на любимца местных зрителей. За время игры я убе-

дился в его уже тогда проявившемся прямо-таки магическом влиянии на настроение трибун. Как только мяч попадал к Федотову, среди зрителей начиналось оживление: «Гриша... Гриша... Гриша!...»

Так, до прихода в раздевалку, я уже знал, как его зовут. Меня интересовал этот человек, его манера держаться вне футбольного поля, лицо, речь, жесты.

Виновника моего любопытства я увидел сидящим в углу. Он, стягивая с ног гетры и аккуратно расправляя рукой, укладывал их в небольшой чемодан.

Внешне он походил на сельского паренька с простодушным выражением лица, словно только что сошедшего с картины художника-передвижника. Русые волосы с упрямым «петушком» на макушке, с небольшой падающей на лоб челкой, синие глаза, чуть утолщенный книзу нос и мягко очерченный рот с пухлыми губами делали его лицо обаятельным. Его и называли все не Григорий, не Гришка, не Гришуха, а только Гриша. Он молча, степенно складывал свои доспехи в чемодан и, уйдя в это занятие с головой, не проронил ни одного слова. Потом, взяв полотенце, неторопливой крадущейся федотовской походкой двинулся в душевую.

Ему было восемнадцать лет, а он уже заставлял на себя смотреть как на феномен. Между тем его фигура ничем феноменальным не отличалась. Среднего роста человек, с нормально развитыми ногами, с чуть заметным утолщением в коленках и с широкими, как принято говорить, медвежьими-

ми ступнями. Но что это были за ноги! «Лучшие ноги страны», – как говорил известный в то время массажист Владимир Иванович Никулин.

– Ну, что, видал? Что теперь скажешь? – спросил меня находившийся в раздевалке Блинков. Я, удивленно вздернув плечами и разведя в стороны руки, только и нашел что ответить: «Ну, знаешь!..»

Вскоре имя Федотова стало переходить из уст в уста.

Он заставил дрогнуть знаменитого защитника басков Ауэдо, когда выступал в составе «Спартак» против прославленной команды басков из Испании.

И в том же году, играя за «Спартак» на Антверпенской олимпиаде, Федотов еще раз поразил меня своим несравненным дарованием.

Мы держали тяжелую оборону. Шла игра за право выхода в финал олимпиады. Минимальный счет один-ноль каждую минуту мог сравняться. Наш противник, сборная Каталонии, жаждал реванша за поражение басков. Их нападение возглавлял неистовый центральный форвард. Мы уже произвели все замены и висели, можно сказать, на волоске. И наверное, этот волосок порвался бы и не видать нам финала, если бы с нами не было Федотова.

Как сейчас вижу его, он прибежал к штрафной площадке помочь защите в трудную минуту. Вот он отобрал мяч у противника и отправился с ним своей мягкой, стелющейся, волчьей, неторопливой поначалу, вкрадчивой рысью (не подбе-

ру другого слова) к чужим воротам.

Он начал свой рейд, имея впереди девяносто метров пространства, трех противников, не считая вратаря, нескольких преследователей, бросившихся за ним со всех ног, и только одного партнера в лице прихрамывавшего и одиноко стоявшего впереди Петра Старостина.

В ту минуту, в течение которой разыгралась эта классическая футбольная мизансцена, Федотов показал себя великим артистом, глубоко проникшим в суть любимого дела.

Находясь в кольце противников, он понял, что реальной помощи ждать не от кого. Для начала исполнив великолепный финт, Григорий прошел мимо первого противника и, прибавив скорость, выиграл пятнадцать метров пространства. Сделав ложный маневр к центру поля, как бы намереваясь сыграть с Петром в передачу, он резко изменил направление, повернул к флангу, направив по ложному курсу второго противника и, набирая предельную скорость, выиграл еще двадцать пять метров. Теперь на него, успевшего уже пересечь среднюю линию поля, с опаской, будучи последней опорой обороны, надвигался центральный защитник. Не сбавляя скорости, наш форвард опять двинулся к центру, намереваясь как бы использовать в меру сил поспешавшего за линией атаки травмированного Петра. Дезориентированный защитник на мгновение поверил в намерение и чуть подался влево к центру. Этого было достаточно, чтобы Федотов, резко бросив мяч вперед, проскользнул мимо «стоппера» и

устремился к цели. Теперь на пути к ней оставался один барьер – вратарь каталонцев.

Нападающий находился в жесточайшем цейтноте: навстречу ему двинулся вратарь, а сзади, на пятках, сидели преследователи, отчаянно напрягавшие силы, чтобы догнать, выбить мяч, наконец, сшибить с ног несущегося к штрафной площади форварда. Но Федотов делал безошибочные ходы. Он ни на мгновение не снизил скорости продвижения, чтобы не дать себя сбить ударом по ногам сзади, зорко наблюдая за выбежавшим навстречу вратарем.

В нужную долю секунды, выманив вратаря на критически близкое расстояние, он толкнул мяч в направлении ворот и упал, сбитый вратарем и подоспевшими к месту столкновения противниками. Несколько тел сплелись в клубок, и нельзя было разглядеть, где вратарь, где защитники, где Федотов. А мяч катился в ворота. И ничто не могло ему помешать докатиться до сетки.

Григорий встал и, отряхивая трусы, неторопливо двинулся к центру поля. Я не сдержал эмоций и крепко пожал ему руку. Тогда это считалось максимальным проявлением радости, допустимым на футбольном поле. Матч мы выиграли. Он открыл нам дорогу в финал, к последовавшей потом победе в олимпийском турнире.

Федотов мужал с каждым годом. В 1940 году, играя в команде ЦДКА на месте центрального нападающего, он поехал в составе усиленного «Спартака» в Болгарию, где произвел

на многочисленных зарубежных обозревателях впечатление «яркой звезды международного класса», не уступающей по своему дарованию и мастерству «самому Пиоле». В то время Пиола, игравший центрального нападающего за сборную команду Италии, был так же популярен, как Пеле сегодня.

Высшие успехи команды ЦДКА – ЦДСА связаны с именем Григория Федотова. Он был верен своему коллективу, в котором совершенствовалось и крепло его спортивное мастерство, в котором он вместе со своими прославленными партнерами пять раз был чемпионом страны, трижды серебряным призером, один раз бронзовым и трижды обладателем Кубка СССР.

В жизни он был чрезвычайно скромным человеком. Ни тени зазнайства перед младшими, ни подобострастия перед маститыми. Да и не было более маститого, чем он сам. Не любил, когда его хвалили в глаза. Смущенно улыбнется, покраснеет, махнет рукой и коротко скажет что-нибудь вроде: «Да, ну-у!...»

Неисповедимы судьбы людские. Долгие годы мне не пришлось встречаться с Федотовым. И вдруг в Тбилиси, беседа у трибун стадиона с Борисом Пайчадзе и Владимиром Маргания о предстоящем турнире, вижу в офицерском мундире Григория Федотова.

Та же добродушно-застенчивая улыбка, та же неторопливая и немногословная речь. Но уж, конечно, это не тот паренек, который аккуратно укладывал гетры в чемоданчик на

стадионе сахарников. Теперь он тренер армейской команды мастеров, приехавший посмотреть подрастающую молодежь, новое поколение советского футбола.

Нам было по дороге в гостиницу, и Володя Маргания любезно предложил свои услуги: подвезти нас на машине. Моги я тогда предположить, что оба этих жизнерадостных человека, в расцвете сил, полные надежд, доживают считанные дни.

Сидя в машине за спиной Володи, мы вели беседу о буднях футбольной жизни. Мне почудились нотки неудовлетворенности, нервозности в суждениях Григория о его тренерской работе. Может быть, мне это показалось. Ведь я знал его по футбольным полям и раздевалкам, знал как партнера-футболиста, уравновешенного и уверенного в своем мастерстве. Теперь же должность была беспокойной. Игроки знают, что играть легче, чем смотреть. На поле переживания поглощаются действием. А на лавке запасных действуют только нервы. Тем более тяжки переживания тренера.

В буфете гостиницы мы выпили с ним по стакану вина и расстались. Встретились опять только через несколько дней в спартаковском автобусе, отвозящем команду, которая возвращалась в Москву, на железнодорожный вокзал.

В вагоне Григорий почувствовал некоторое недомогание. Врач команды Н. Н. Алексеев и все мы сочли это естественной усталостью от нервных перегрузок, которые испытывает тренер за длительный футбольный сезон.

Ранним ноябрьским утром прибыв в Москву, Николай Старостин, Григорий Федотов и я поехали с Курского вокзала домой. Нам было по пути, в район Сокола. Проезжая мимо «Метрополя», Григорий, к этому времени заметно физически ослабевший, предложил: «Может, в „Центральные?» Спортсмены верят, и не напрасно, в целебные свойства бань.

Но было рано, бани еще не открывались. Я отложил парилку до лучших дней. К сожалению, они не наступили. В сумерки этого же воскресного дня мне позвонил по телефону Николай и как обухом ударил по голове: «Умер Григорий Федотов!..»

Через несколько минут мы с Николаем стояли в столовой у дивана, на котором бездыханно лежал великий футболист. Фоном этой безмерно горестной картины были серебряные призы и кубки, завоеванные их обладателем на бесчисленных стадионах, на которых он дарил столько счастья и радости людям.

Вскоре в автомобильной катастрофе разбился насмерть Володя Маргания...

Первый крупный успех высшего порядка пришел к армейской команде в победоносный для советского народа год, в год окончания войны. ЦДКА стал в этот год обладателем Кубка СССР и завоевал серебряные медали в чемпионате страны.

А уже последующие три года она пребывала в звании чемпиона страны. И не только имя Григория Федотова украшало

личный состав команды. Кого ни возьми – звезда. Вратарь, Владимир Никаноров, мощный, как скала; центральный защитник, Иван Кочетков, преемник по отточенному техническому мастерству Константина Блинкова; Константин Лесковский и Юрий Нырков – атлетически надежные партнеры по защите; Александр Виноградов, Вячеслав Соловьев, Алексей Водягин, Валентин Николаев – блестящие мастера службы связи на футбольном поле, с диапазоном действий от ворот до ворот, от углового до углового флангов; Всеволод Бобров с его восхищающей неповторимостью индивидуальных вторжений и разрушений, казалось бы, самых неприступных «бетонов» обороны; Алексей Гринин – непримиримый боец переднего края, вооруженный высокой скоростной техникой, и Владимир Демин, ловкий, как истребитель, и сметливый, как Фигаро, – все они достойные партнеры великому Федотову, вместе с ним вписавшие свои дела золотыми буквами в историю развития советского футбола.

Однако нет таких команд, которые бы не проигрывали. Знаменитую австрийскую команду «Вундер-тим», не знавшую поражений в течение ряда сезонов, постигло неизбежное. Команда полиняла, и австрийский футбол утратил звание европейского лидера. И не потому, что «великий», «несравненный», как его величала пресса, центральный нападающий Сендиляр в припадке житейских разочарований вскрыл себе вены в ванной комнате. И не потому, что великолепный центр-хавбек Ройтерер был дисквалифицирован,

а класснейший левый инсайд Шаль остался без партнеров. Просто команде пришло время уступить место другим. У летчиков есть такое выражение «вылетался». Вполне здоровый человек, средних лет для обычного гражданина, а как летчик «вылетался». То есть сделал максимум того, что позволил организм для этой профессии. Моральный износ достиг предела допустимого.

Так и в футболе наступает предел возможного для команды, для футболиста. «Вундер-тим» вылеталась.

Такая судьба не единична. Знаменитая команда Уругвая, ошеломившая своими результатами Европейский континент при первом его посещении в 1924 году, по прошествии определенного победоносного цикла тоже пришла в упадок. Победа в олимпийском турнире 1924 года. Повторение успеха на следующей, Амстердамской олимпиаде. Триумф на первом мировом чемпионате 1930 года. И затем тридцатилетний закат со случайным взлетом в 1950 году – победа в Рио-Жанейро над хозяевами поля.

Да что говорить, если казавшийся утвердившимся гегемом на долгие годы бразильский футбол после восьми лет восседания на троне был свергнут с него на Лондонском чемпионате мира.

Причины тому в каждом случае разные, но неумолимо свидетельствующие – нет таких команд, которые не проигрывают.

Не избежала этой закономерности и армейская коман-

да. Будучи базисной командой при комплектовании сборной страны к Олимпийскому турниру 1952 года в Хельсинки, команда конечного успеха не добилась.

Было очень обидно. Так надеялись на дебют и проиграли. Наделали много ошибок в подготовке, перепробовали почти до ста кандидатов, а оптимального состава так и не нашли. Команда сформировалась чуть ли не накануне соревнования. В состав ее попали игроки и не мечтавшие об этом. Словом, опыта не хватило. Сообразно с этим надо было анализировать и результаты выступления сборной команды. Но произошло непредвиденное: команда была расформирована. Только через полтора года армейский футбольный коллектив под наименованием ЦДСА был восстановлен.

Понадобился длительный срок, чтобы потрясший потомков «олэлэса» сокрушительный удар, на два сезона уложивший их в глубокий нокаут, перестал сказываться на спортивных делах армейского коллектива. Лишь восемнадцать лет спустя армейцы достигли высоты, с которой были сброшены стихийным обвалом.

В 1971 году армейцы стали чемпионами страны. Несколько поколений футболистов сменились с тех пор, как они пребывали в последний раз в этом почетном звании. Ушли с арены знаменитые капитаны. С боями прошли свой футбольный путь их преемники, с честью выступавшие за сборную команду страны, Анатолий Башашкин, Борис Разинский, Эдуард Дубинский и многие другие. Игроки были хо-

рошие и разные, кто-то из них играл чуть лучше, кто-то чуть слабее, но для всех поколений армейской команды оставалась характерной решительность действий в любой обстановке, как играл Савось и его сверстники и партнеры полвека тому назад.

Недавно мне посчастливилось присутствовать на торжественном собрании ветеранов ОЛЛСа, которое они проводят по установившейся традиции ежегодно. Я шел в Центральный дом Советской Армии на площадь Коммуны, полный приятных волнений и воспоминаний о давно минувшем.

Проходя через чугунные центральные ворота дома, я покосился направо, где сорок лет назад мне приходилось стоять в ночном карауле. Я живо представил себя в большом тупе, в мороз, отбывающим двухчасовую смену и коротающим время умозрительными картинками футбольных и хоккейных схваток. Я с благодарностью вспомнил и крупных военачальников того времени и непосредственных своих руководителей из спортивно-технического комитета армии – командира Московской Пролетарской стрелковой дивизии Г. Д. Михайловского и командира особой роты Г. А. Малаховского, которые любили спорт и давали возможность красноармейцам, отбывающим действительную службу, совмещать боевую подготовку со спортивной.

Я был красноармейцем полковой школы и исполнял обязанности технического секретаря гарнизонного спортивного комитета. Мне приходилось выступать за сборные коман-

ды по футболу и хоккею Московского военного округа, но никто не неволил меня выступать за ОППВ – ЦДКА. Я играл за свой коллектив на первенство Москвы против армейской команды. И даже тогда, когда армейская команда терпела поражение от «Пищевиков» (будущий «Спартак»), никто не думал мне делать упрека.

То были незыблемые принципы, сложившиеся в Обществе любителей лыжного спорта, – комплектовать футбольную команду только из тех, кто по велению сердца хочет за нее играть.

Мои старые товарищи по военной службе понимали, что я, несколько лет игравший с братьями в одном коллективе, без боли оставить его не смогу и не принуждали перейти к ним. За два года службы в дивизии у меня появилось много друзей из армейского коллектива, вот почему, косясь на караульную будку у ворот, я с волнением думал о предстоящей встрече.

Чудесный был этот вечер. Один из распорядителей его – Константин Пахомов. Теперь он подстрижен так, как было модно тогда, когда впервые выехавшие за рубеж наши футболисты вернулись из турне подстриженными под «бокс». У футбола свой счет времени на моду. Трусы у футболиста, как юбки у женщин: то «макси» – до пят, то «мини» – выше колен. Я помню время, когда трусы у некоторых футболистов были не длиннее плавок. А в тридцатых годах они удлинились до самой голени. Моду ввел известный футболист Сер-

гей Бухтеев. Его ноги не отличались балетной линией и, не претендуя на звание законодателя мод, он сшил себе трусы пошире и подлиннее. Им дали название «нравственные». И мастера футбола один перед другим стали расширять и удлинять трусы. Взгляните на снимки того времени и вы подумаете, что у каждого из них на ноге болтается по шотландской юбке. Выбеги тогда футболист на поле в коротеньких легкоатлетических трусиках, в каких он играет сейчас, его бы засмеяли.

Тренер сборной команды «Рэсинга», англичанин Кэмптон, высказал сомнение по поводу класса нашей команды, когда увидел, что у ребят не засучены рукава футболок. У англичан это считалось признаком спортивного дилетантства. Позднее и наши ребята стали засучивать рукава, вернувшись к моде дореволюционного футбола. Сейчас мода стабилизировалась. Футболки изготавливаются с короткими рукавами.

– В дамских кофточках играть стали, – иронически заметил мне игрок сборной команды России, первый тренер сборной команды СССР Михаил Давыдович Ромм, самый мощный по габаритам из всех футболистов, когда-либо игравших за сборную команду страны. В самом деле, одно с другим не вяжется: Ромм, дядя ростом «под потолок» и кофточка-полурукавка. С засученными рукавами, вот это Ромм. Вот он на снимке шестидесятилетней давности изображен в футболке: манжета рукава закручена выше локтя. Видно, что мужчина приготовился

к бою.

Конечно, все это всерьез принимать нельзя. Мода модой, игра игрой. Но все же, когда я смотрю на длинноволосого парня, мокрого от пота, бегающего за мячом с прической Портоса, мне так и хочется крикнуть: постригись! Но, по видимому, слава Беста сильнее здравого смысла.

До сих пор помню, как Костя Пахомов под крики с трибун «Поп давай!» метался по полю, распустив свои патлы хвостом, то и дело закидывая их назад. Под конец карьеры, наверное, в целях экономии энергии, он стал перехватывать волосы лентой, чем значительно сократил работу рук.

То была дань личным эстетическим вкусам. Как и Бухтеев трусиками, Костя никого за собой увлечь не хотел. Но настал час «хиппи», и вместе с ними Бест нанес серьезный удар по установившейся традиции – длинноволосый футболист наводнил футбольное поле.

Вот почему предтеча этой моды так удивил меня при встрече в Краснознаменном зале Дома армии своей прической «полубокс». Однако и вселил надежду, что, подобно тому, как трусы-юбки, так и портосовские прически покинут футбольное поле. Спорт не терпит излишеств ни в чем.

На вечер пришло много ветеранов всех видов спортивного оружия. Делясь воспоминаниями о довоенном футболе, мы не забыли и крайнего защитника Павла Пчеликова. Он пришел в команду ЦСКА из Коломны.

Сначала никто не верил, что он заиграет всерьез и надол-

го, как он заявил о себе в дебюте. Маленького роста, почти квадратного сложения, расположенный к полноте, Павло не радовал тренерский глаз своей фигурой. Сыграл, мол, случайно одну игру хорошо и на этом весь вышел. А он с каждой игрой все больше будоражил болельщиков. То нагнухо закрыл неудержимого Валентина Прокофьева, то «не дал пикнуть» хитроумному Владимиру Кускову из Ленинграда. Одним словом, вскоре после появления в столице он занял прочное место крайнего защитника в сборной команде.

Это был замечательный спортсмен и товарищ, прошедший трудную школу жизни, но не изменивший футболу до конца ее. Он любил рассказывать, как, батрача у кулака под Коломной, он выбирал минуты, чтобы побегать после тяжелой работы с мячом.

– Э-эх, Павло, московская лень, – корил его хозяин, увидев за игрой с мячом, – вот бы со скотиной ты управлялся так же ловко.

Добродушно улыбаясь, то и дело поправляя упрямо падающую на лоб белесую прядь, Павло, как все мы обычно звали его, артистически передавал злые интонации хозяина, когда тот поутру будил батрака привычным криком:

– Павло, московская лень, вставай, говорю, будь ты трижды проклят!..

Выдающийся спортсмен и милейший человек Федор Ильич Селин покатывался со смеху, слушая рассказы Пчеликова о ссорах с хозяином, не признававшим, что Павло

работал, как вол.

И не раз в пылу борьбы на футбольном поле, играя вместе за сборную команду, прославленный «король воздуха», шуточно подбадривал партнера:

– Павло, московская лень, возьми своего, будь ты трижды проклят!

Но уж кто-кто, а Павло не нуждался в подбадривании. Он катался по полю, словно шарик, неизменно вызывая громкие одобрения на трибунах, выходя победителем в схватках за обладание мячом с такими голиафами, как Тарас Григорьев – «три аршина шесть вершков, косая сажень в плечах», игравшим за «Трехгорку», или Алексей Макаров, под стать Григорьеву, из «Динамо». Защитник для них уж больно неудобен был. Не любят длинные против коротких играть. Пока высокий собрался за мячом вверх прыгнуть, ловкий маленький быстро оттолкнулся, взлетел как от трамплина, и только светлая голова мелькнула над головой великана: и мяч «слизнул» и на трибунах весело. Сам жизнерадостный, Павло своей игрой и зрителям радость приносил.

– Московская лень!

– Нemoщь, – отозвался он шуточно на мое приветствие, когда после долгого перерыва мы встретились с ним на футболе. Ему уже было под шестьдесят. Вскоре тяжелый недуг свалил его. А на вечере мы могли только вспоминать о нем.

Я глядел на присутствующих, и память носила меня по футбольному пути, длиною более полувека. Вспоминался и

Дмитрий Маркович Ребрик, один из основателей ОЛЛСа, представлявший клуб в президиуме Московской футбольной лиги. Корректный, уравновешенный, он много сделал для развития отечественного футбола. Бронислав Антонович Берниковский, с которым меня сблизила служба в армии, будил воспоминания о лагерных сборах Московской Пролетарской стрелковой дивизии, о красноармейском футболе на лугу в районе села Всесвятского, где тогда дислоцировались части Московского военного округа на летнее время. Сейчас это место известно москвичам под названием «Сокол». Сороковые годы возникали в памяти при выступлении с трибуны прославленного футболиста Всеволода Боброва. Сегодняшний день был представлен капитаном сборной команды СССР Альбертом Шестерневым. Много других славных и в прошлом и в настоящем спортсменов присутствовало здесь. И, глядя на них, я, как в длинной панораме, увидел пройденный этим старейшим коллективом столицы спортивный путь от ОЛЛСа до Центрального спортивного клуба Советской Армии, шестикратного чемпиона страны. Трудно переоценить вклад, сделанный коллективом в развитие, становление и утверждение московской школы футбола.

Так ОЛЛС, начавшее свою спортивную жизнь на 4-м Лучевом просеке в Сокольниках за деревянным забором маленького стадиона, явилось прародителем ведущего спортивного отряда, представляющего Советскую Армию, с ве-

ликолепным комплексом спортивных сооружений на Ленинградском проспекте и стадионом в районе «Сокола»...

В дореволюционном футболе, как я говорил выше, были клубы более высокого ранга, сохранившие свои названия до перестройки физкультурно-спортивного движения по производственному признаку примерно до середины двадцатых годов. Они заслуживают быть упомянутыми, потому что, правда, не так непосредственно, как ОЛЛС, но являются предками существующих ныне ведущих клубов столицы, выступающих в высшей лиге сегодняшнего футбола – «Спартак», «Динамо», «Торпедо» и «Локомотив»...

ЭНТУЗИАСТЫ И МЕЦЕНАТЫ

Никто не знает имя человека, впервые ударившего в первопрестольной столице по футбольному мячу. Где это произошло – на Ширяевом ли поле, на Пресне, или в Быково, или в каком-либо другом месте. Известно лишь по воспоминаниям современников зарождения футбола на московской земле, что начало свое он получил в пригородах, в дачных поселках, а оттуда стал постепенно проникать в Москву.

До 1909 года московский футбол развивался стихийно. Вот как вспоминает о футболе начала века первый тренер сборной Москвы, сам когда-то игрок сборной команды России, защитник М. Д. Ромм в своей книге «Я болею за „Спартак“»:

«...Футболисты переодеваются, сидя прямо на земле. Это наша команда „Быково“ и гости из Сокольников, две единственные русские команды в Москве. В Сокольниках, на Ширяевом поле, есть площадка и даже ворота с сетками, правда, не веревочными, а сплетенными из узких жестяных полос. Думается, что это была единственная пара ворот в Москве».

Количество команд из года в год росло, но никто их не учитывал и «состязались» они в самодеятельном порядке, кто с кем сумеет договориться. Информация о состоявшихся встречах была, так сказать, изустная. Никаких отчетов или

тем более обзоров не печаталось. Печать не находила места для публикации материала о таком «вздоре», а спортивной прессы тогда вообще не было. Правда, выходил журнал под названием «Русский спорт», но он принадлежал коннозаводчикам, в нем публиковались главным образом родословные знаменитых скакунов и рысаков, для других видов спорта оставалось микроскопическое место, где две-три строчки перепадало игре под рубрикой «Фут-боль».

К концу первого десятилетия нашего века отдельные спортивные клубы стали принимать организационные формы: были созданы выборные органы – правление, установлен порядок записи в члены клуба и размер обязательных членских взносов, утвержден устав с правилами и обязанностями членов клуба. При них и создавались первые футбольные команды столицы.

Наиболее популярными клубами были Замоскворецкий клуб спорта – ЗКС, построивший стадион на Большой Калужской улице, «Унион» в Самарском переулке, соорудивший спортивную площадку с футбольным полем и теннисными кортами. В Петровском парке обосновался Московский клуб лыжников – МКЛ. На Стромьнке – Сокольнический клуб лыжников – СКЛ, на Ширяевом поле в Сокольниках появился кружок футболистов «Сокольники» – КФС.

Дачная команда «Новогиреево» реорганизовалась в спортивный клуб, который впоследствии вписал страницу в историю московского футбола, когда под руководством своего

капитана Бориса Михайловича Чеснокова развенчал непобедимую команду «Морозовцев» из Орехово-Зуева.

Понятно, что при команде в ту пору никаких начальников и тренеров не существовало. Организованы они были на чисто любительских началах, и футболисты жаждали только игры, без каких бы то ни было притязаний на материальные выгоды. Клубы выдавали только одни футболки, весь остальной инвентарь каждый член команды приобретал за личный счет.

Утверждение московских клубов все настойчивее требовало их организационного объединения. Городской футбол становился все более популярным, выходил вперед футбола дачного, к тому времени прочно обосновавшегося в пригородах Москвы, организуясь в дачные лиги по названию железных дорог – Александровскую, Казанскую, Нижегородскую, Николаевскую, Ярославскую.

В Санкт-Петербурге футбольная лига существовала уже с 1901 года, в нее входило двенадцать команд.

Пример петербуржцев и качественное состояние футбола у них не могли не подтолкнуть москвичей на объединение московских клубов для проведения организованных соревнований.

И вот в Москве в 1910 году была создана Московская футбольная лига. Годом раньше владелец ювелирного магазина, спортивный меценат Роберт Федорович Фульда учредил кубок для розыгрыша среди сильнейших команд Москвы.

Правда, участников набралось всего четыре – СКС, «Унион», БСК – Британский клуб спорта и «Морозовцы». Но первый футбольный кубок все же был разыгран, и начало организованному футболу было положено.

На другой год, когда Р. Ф. Фульда стал вице-председателем только что организовавшейся лиги, к соревнованиям на учрежденный им кубок было допущено пять сильнейших клубных команд – СКС, ЗКС, КФС, «Унион» и «Морозовцы».

Кубок Фульды и стал фактически официальным чемпионатом Москвы. Читая в детстве отчеты об этом первенстве, я долго всматривался в иллюстрации «Русского спорта», знакомясь по фотографиям с футбольными корифеями, игравшими за сильнейшие клубы. В большинстве своем это были англичане: братья Чарноки, Макдональд, Паркер, Томлиссон. Но уже вместе с ними печатались имена В. Бутусова, В. Житарева, Л. Фаворского, А. Кынина.

А портрет учредителя кубка, ежегодно появлявшийся в спортивном журнале, вызывал особый душевный трепет. Респектабельный, в котелке, с нафабранными усами, Фульда представлялся всемогущим футбольным магом: подумать только, такие гиганты футбола сражаются за его кубок!

Мог ли я тогда предположить, что встречу этого всемогущего футбольного деятеля, много лет спустя утратившим всю свою респектабельность, превратившемся в жалкого старика без рода и племени.

Встреча эта произошла в небольшом чехословацком городке. Кажется, это было в Райхенберге. В 1934 году под флагом сборной команды Москвы мы приехали на очередную встречу с рабочей командой. До этого сборная Москвы сыграла с сильной профессиональной командой «Жиденице», которую, впервые встречаясь с профессионалами, победила со счетом два-один. Резонанс от этой победы был огромный. Европейская пресса широко комментировала успешный дебют советских футболистов на профессиональной арене.

Настроение у нас было хорошее, и морозящий дождь совсем его не портил. Да мы и не замечали дождя. Окруженные большой толпой зрителей, мы едва успевали отвечать на рукопожатия и восторженные приветствия.

В Чехословакии было беспокойно. Профашистские элементы рвались к власти, готовые из корыстолюбивых интересов пойти в услужение к нацелившемуся на страну коричневому фюреру.

В поездке нас сопровождал Антонин Запотоцкий, тогда член парламента от коммунистической партии. Запотоцкий, очень любивший футбол, был нашим переводчиком и наставником, помогал ориентироваться в местной обстановке. Мы нуждались в этом, потому что были полны революционного энтузиазма и, встречая со стороны народа неподдельно восторженное отношение, готовы были прямо с футбольного поля идти на баррикады во имя мировой революции. А

наши руководители Иван Андреевич Демин и Иван Иванович Харченко, воспитанники комсомола, ровесники нам по возрасту, в энтузиазме, пожалуй, превосходили нас.

У советской делегации были уже неприятности в Кошице, где особенно проявляли себя прогитлеровские фашиствующие молодчики. Они спровоцировали в день национального праздника местную полицию, сообщив ей, что якобы группа советских спортсменов – Серафим и Георгий Знаменские, Роберт Люлько, Мария Шаманова, Зинаида Борисова – на улицах города сеют коммунистическую крамолу. Когда наши легкоатлеты вернулись в гостиницу, там их встретил отряд полицейских и водворил в тюрьму. Запотоцкий от имени компартии внес протест в парламент. Все закончилось трехдневным пребыванием спортсменов в тюрьме и высылкой из пределов страны. А «коммунистическая крамола» сводилась к тому, что наших спортсменов узнали на улице, устроили им овацию и, сопровождая их к гостинице, пели национальную песню.

В рабочем городке, куда мы приехали, встретили нас очень гостеприимно. Возник летучий митинг. Перед началом матча раздались звуки «Интернационала». Мы стояли на возвышенной эстраде и громко под дирижирование Харченко пели революционный гимн вместе со всеми зрителями, наполнившими трибуны стадиона. Удивительно торжественная была эта минута.

Вот тогда мы и увидели шедшего к нам по полю старичка

в шляпе, в сером поношенном плаще, с обвисшими белыми усами.

Он подошел к эстраде, снял шляпу, обнажив пушистые белые колечки вокруг огромной лысины, и замер в торжественной позе, беззвучно шевеля губами.

Когда мы сошли с эстрады, он подошел к нам и сказал, как мне запомнилось, следующее:

– Извините, господа, но я не мог себе отказать в удовольствии приветствовать вас с замечательной победой над профессиональной командой в городе Брно.

Когда-то я имел прямое отношение к русскому футболу, чего, к сожалению, не могу сказать о футболе советском. Но я искренне желаю ему самого широкого процветания, как и всему советскому спорту.

Вежливо поклонившись, отведя руку со шляпой в сторону, он выслушал нашу благодарность за добрые пожелания и добавил:

– На прощание разрешите отрекомендоваться: я бывший товарищ председателя Московской футбольной лиги, Роберт Федорович Фульда.

Грустно было смотреть на этот обломок былого футбольного величия, когда старческой походкой Фульда двинулся к выходу со стадиона.

Да, Октябрьская революция сказала свое слово и в футболе. Кто-то, подобно Фульде, не выдержал экзамена на право строить новую жизнь, оказался за чертой Родины, позд-

нее горько раскаиваясь в своих ошибках. Кто-то, оставаясь по эту сторону черты, но потеряв возможность меценатствовать и своевольно распоряжаться в клубе, отошел от футбола. Но клубы от этого ничего не потеряли. Они продолжали существовать и в новых условиях стали широко привлекать к управлению общественный актив.

Вспоминая эти давние годы, я вижу, что преемственность в футболе при переходе от российского к советскому сохранилась и в Москве. Не ушли из футбола энтузиасты, стоявшие до революции у его руководства, такие, как Д. М. Ребрик, И. А. Гридин, Н. А. Гюбиев и многие другие.

О последнем мне хочется сказать больше. То есть столько, сколько его деятельность и личность заслуживают. Дело в том, что его принадлежность на определенных этапах к разным клубам во многом помогает проследить и за историей их развития.

Я помню фамилию Гюбиева с самых ранних лет, с момента приобщения к футболу. О нем рассказывали невероятные истории. Однажды в припадке отчаяния, когда патронируемая им команда проиграла матч, он с размаху саданул по штанге золотыми часами, и от хронометра остались одни помятые крышки, ставшие добычей каких-то болельщиков.

А между тем в жизни Николай Александрович был удивительно мягкий и вежливый человек. Он был женат, но детей не имел. Любимым «сыном» для него стал футбол. И может быть, своенравность «ребенка» выводила его из себя. Отец

хотел, правильное сказать, жаждал только выигрыша, а «ребенок» частенько делал ничьи, да не так уж редко и проигрывал.

Но никакие передряги и потрясения не могли его разлучить с любимым детищем. Он нес немалые личные расходы, пребывая сначала в должности заместителя председателя, а позднее председателя правления Замоскворецкого клуба спорта. Он не жалел ни сил, ни средств во имя достижения цели. Оптимизму его не было конца. Любимую команду Николай Александрович рассматривал как сильнейшую в мире. И верил в это со всей силой чистой души.

Он работал заведующим отделом в знаменитом универсальном магазине фирмы «Мюр и Мерилиз», теперь это ЦУМ на углу Петровки. Работал до тех пор, пока футбол не захлестнул его с головой и он не перешел непосредственно на работу в спортивные организации.

Я впервые увидел его на фотографии. Помню, отец послал меня на Трубную площадь за конским мясом. Охотничьих собак у нас кормили пшеничным супом из конины. Трубная площадь сплошь была усеяна лавчонками, палатками, лотками с конским мясом. И сейчас, проезжая по этим местам, я живо представляю кроваво-красный натюрморт из конских голов, мосталыг, ребер и требухи.

На углу площади я увидел в витрине киоска спортивный журнал, на обложке которого была фотография команды ЗКС. Я остановился и прочитал: «Слева направо – С. Ро-

манов, М. Перваков, И. Шурупов, П. Попов, К. Блинков, Н. Лавров, П. Лавров, М. Романов, А. Федоров, П. Исаков, К. Васильев и Н. А. Гюбиев».

Крайним справа на фото стоял элегантно одетый человек с бородкой «буланже», с усами, в черной шляпе. В моем ребячьем представлении возникла ассоциация с Арамисом: суховатая фигура и тонкие черты лица. В дальнейшем на протяжении двадцатилетнего общения с Николаем Александровичем это первое впечатление не изменилось. В жизни он еще больше казался героем из романа Дюма, только в штатском, но всегда элегантно одетым, изысканно вежливый, не терпевший грубого, пренебрежительного тона.

Я сэкономил на собаках пяточок и купил журнал с командой, одетой в черно-красные продольно-полосатые майки, выпущенные поверх черных трусов. Такой была традиционная форма одной из сильнейших команд Москвы.

В то время Гюбиев являлся и меценатом и продюсером команды ЗКС. Он был очень деятельным организатором.

Как-то по всему городу появились афиши, приглашающие болельщиков посмотреть матч между ЗКС и СКЗ (спортивный кружок «Замоскворечье»), командой, вошедшей в силу и ставшей одним из основных конкурентов на звание чемпиона города. Внизу афиши крупными буквами было написано: «Враги на поле – друзья вне поля». Николай Александрович приглашал москвичей на стадион посмотреть встречу под таким девизом замоскворецких футболистов.

Встречи фаворитов московского футбола всегда проходили в интересной спортивной борьбе. Мне особенно запомнилась одна из них, решавшая судьбу чемпионата. Матч проводился на поле СКЗ, которое ютилось за невысоким деревянным забором на правом берегу Москвы-реки, возле Крымского моста.

Серый, без дождя, безветренный осенний день, самая что ни на есть разлюбезная для футбола погода. Море народу на немощеной набережной, толкучка у касс (билеты тогда заранее не продавались), а из-за забора, высунувшись по пояс, в сиреновой рубашке (форма СКЗ) черноголовый, с зализанной прической на пробор футболист пытается передать приятелю контрамарку, зажатую в протянутой руке. Я не досмотрел запомнившейся картины, потому что в этот момент был увлечен могучим людским потоком, прорвавшимся на стадион через не выдержавшие натиска ворота.

Мне удалось пробраться к маленькому деревянному павильону, в котором раздевались футболисты. При появлении на терраске возбужденного Гюбиева среди болельщиков возникли пересуды по его поводу. Злобой дня был эпизод с лихачами. Футболисты ЗКС где-то подгуляли и опаздывали к матчу. Гюбиев отыскал их и на двух лихачах доставил на стадион к началу игры. На более резвого он якобы уселся сам и усадил с собой капитана команды Блинкова, а на втором следовали два других игрока. В спорах уточнялись имена подкативших на «дутиках» футболистов и, как это обычно быва-

ет в футбольных спорах, до истины докопаться было невозможно.

Тогда о тренерах и помина не было. Главными лицами были руководители клубов, своего рода театральные импрессарио. Среди них Гюбиев был самой колоритной и заметной личностью.

Если, вспоминая о Р. Ф. Фульде, мы говорим о нем, как о человеке, которому довелось стать первооснователем чемпионата Москвы по футболу, а учреждение им кубка в какой-то мере преследовало цели поднятия личного престижа, рекламирования своей ювелирной фирмы, то Николай Александрович Гюбиев, наоборот, оставил о себе самую добрую память тем, что служил футболу до конца преданно и бескорыстно.

И в Замоскворецком клубе спорта и везде, где ему в последующем приходилось работать по футболу, он был и тренером, и наставником, и заботливым добрым отцом футбольной молодежи.

В своей любви к этой игре, в своем стремлении постичь все премудрости футбола до конца (как будто это возможно!), он был несколько наивен, простодушен.

Бывало, прибежит запыхавшись на собрание команды. По лицу видно, что переполнен желанием сообщить что-то необычайно важное и для всех приятное.

– Я нашел новую тактику, которая нам сегодня обеспечит победу, – однажды торжественно заявил он собравшимся.

– Какую же, Николай Александрович? – спросили ребята.

– Мы начинаем. Степанов сильно бьет Глазкову, тот, набрав скорость, продвигается с мячом по краю и отпасовывает в центр Степанову, который уже подоспел к штрафной площадке. Удар – гол! Один-ноль в нашу пользу: это очень много значит!

– А вдруг начало не наше, – подал кто-то реплику.

– Ну, друзья мои, жребий надо угадывать...

Мы уже отпраздновали его семидесятилетний юбилей, а он по-прежнему не пропускал ни одного заседания секции. Случалось, что задремлет за столом, прикрыв глаза козырьком ладони, но не сознается, что устал, и на предложение отдохнуть обязательно ответит, что озабочен игрой команды.

В одну из своих поездок представителем сборной команды Москвы на матч со сборной Ленинграда он сломал себе ногу. Он так увлекся ходом борьбы, что упал с трибуны. Это был тот случай, когда травму получил не игрок, выступавший на поле, а представитель администрации.

Вот и в матче с СКЗ он метался из судейской в раздевалку и обратно в судейскую, вызывая добродушно-иронические реплики со стороны всеведущих болельщиков.

Тогда футбольные спектакли самого высокого уровня в сравнении с теперешними были чисто любительскими, я бы даже сказал, домашними. Зритель без труда общался с артистами. Игроки прямо из раздевалки попадали в толпу болельщиков и не без труда протискивались на поле под одоб-

рительные их напутствия: давай, мол, «Стрекоза» (почитатели СКЗ так окрестили любимую команду), спляши сегодня получше. Не без добрых пожеланий провожали свою команду и приверженцы команды Гюбиева. При этом никаких оскорбительных эпитетов в адрес конкурентов не позволялось: пока не началась игра, действовала вторая часть девиза «...друзья вне поля!».

Трудно сказать, из каких частичек души складываются первые симпатии к той или другой команде. Помню только, что мои были на стороне ЗКС. Может быть потому, что я уже вложил частичку своих моральных усилий, когда колебался, обездолить ли собак на пяточок и купить журнал со снимком, или на фунт больше принести конины. А может быть, рассказы о разбитых часах, «дутиках» и других казусах Гюбиева усиливали интерес к клубу, который он опекал. Так или иначе, но мои симпатии были на стороне футболистов, одетых в черно-красную форму, и я изловчился дотронуться рукой до черных трусов Блинкова – «на счастье».

С выходом команд на поле включилась в действие первая часть девиза – «Враги на поле...» О, это был упоительный матч! Участники понимали, что «враги» читаются в кавычках, что они лишь противоборствующие стороны, бойцы в рамках благородных спортивных традиций.

Об этом матче у меня сохранилось самое чистое спортивное воспоминание. Матч запал мне в память, как один из самых спортивных поединков из бесчисленного количества

виденных впоследствии.

Наверное, юношеское восприятие романтически окрашивало происходящее на поле, но волны набегавших атак футболистов в сиреневых рубашках на ворота соперников и ответные устремления воспитанников Гюбиева, в пору сказать, гипнотизировали меня.

Помню золотисто-рыжую голову Селина, взметнувшуюся выше перекладины ворот. Это «король воздуха» прыгнул на перехват мяча, летящего с углового удара. Откинув в воздухе корпус назад, он, как коршун на добычу, вдруг ринулся вперед и сильнейшим ударом головой послал мяч с верхней точки в нижний угол ворот. Но «мертвый», как тогда говорили, мяч в непостижимом по реакции броске отбил на corner вратарь Борис Баклашов.

А уже через минуту ворота Николая Евграфовича Соколова оказались под угрозой взятия. Демонстрировал свое мастерство сам «профессор» – Петр Исаков. Вот был удивительный футболист! Небольшого роста, среднего физического развития, он не обладал высокой скоростью бега. Достаточно сказать, что стометровку Исаков бежал за четырнадцать секунд. Зато у него была действительно профессорская голова, позволявшая ему безошибочно ориентироваться в обстановке на поле и находить лучший тактический ход в каждом игровом моменте. Его передачи были математически точны, потому что он обладал совершенным по постановке ударом с обеих ног. И, что парадоксально, тихходного

«профессора» частенько не могли догнать самые быстроногие защитники, когда он вдруг с выгодной позиции устремлялся к воротам противника на прорыв. С мячом в ногах по футбольному полю он бежал быстрее, чем без мяча по гаревой дорожке.

Вот такой момент и возник: «профессор» вышел с мячом один на один с Евграфычем (нужно ли упоминать, что так любовно звали любители футбола незабываемого вратаря).

Дуэль закончилась в пользу голкипера. Исаков нанес, казалось, безудержный удар. Но Евграфыч ответил на вызов Баклашова, его бросок в нижний угол ворот вызвал взрыв восторга на трибунах. Мяч и в этом случае был отбит вратарем на угловой.

Затем было много драматических ситуаций и у тех и у других ворот. То Константин Блинков показывал свои технические экспромты, то Петр Попов, защитник ЗКС, вызывал аплодисменты у зрителей своими неповторимыми по элегантности прыжками, отбивая высоко летящие мячи. Всего было много. Вижу, как мощный Сергей Бухтеев в своих «нравственных» трусах словно танк разворачивается на центре поля, преграждая пути к штрафной площадке Евграфыча, справа от него Казимир Малахов, а слева Павел Ноготков, постоянные его партнеры по линии полузащиты.

Футбол тех времен был более панорамным. Участники заполняли все поле действия независимо от того, где находился мяч. Если, скажем, игра шла у бровки левого фланга, то

правый крайний этой команды – Перницкий – строго держался бровки на правом фланге поля. Такой широкий фронт линии атаки соответственно растягивал и линию обороны. Возникали широкие и глубокие плацдармы для прорывов. Глубокие потому, что нападающие назад на помощь защитникам не бегали. Естественно, что и защитные линии не могли оставлять их без присмотра. Масштабность расстановки игроков диктовала и средства тактических связей между ними. Количество длинных передач было неизмеримо большим, чем мы наблюдаем в современном футболе. Требовалось и большее индивидуальное мастерство.

Зрелищно футбол был очень привлекательным. Может быть, с позиций тактических премудростей сегодняшних тренеров он был примитивен по схеме расстановки игроков, но зато он представлялся более жизнерадостным, изобиловал индивидуальными поединками, был украшен частыми «пушечными» ударами по воротам и не давал скучать зрителям. Не припомню нулевых ничьих в ту пору, когда я постигал футбол, пребывая пока в числе зрителей.

Тот памятный матч был именно таким, который захватывал зрителя с головой, отключал его от всей жизни, идущей где-то там за забором, со всеми ее заботами о несделанных школьных уроках и сердечных переживаниях.

Все переживания были сосредоточены здесь, на поле, где, с одной стороны, бегали атлеты в сиреневых рубашках, все как на подбор черноволосые (что в особенности было за-

метно, когда они, аккуратно зачесанные, с лоснящимися от бриолина волосами, выбегали на поле и среди них выделялся один, самый высокий и златокудрый, «король воздуха»), а с другой, такие же мужественные ребята, только не в рубашках, а в трикотажных футболках с продольными красно-черными полосами, выпущенными поверх черных трусов.

Они вели честную и бескомпромиссную борьбу. Это были настоящие мужчины, не убиравшие трусливо ногу и не прятавшие голову в плечи в схватке за верхние мячи – «как бы не ушибиться», но и не на мгновение не забывавшие в пылу состязания, что они «друзья вне поля!»

Они пришли сюда по велению сердца, поэтому им в перерыве не надо было напоминать, что победа зарыта в воротах противника. Они искали эту победу на чужой половине поля и устремлялись туда, не щадя своего живота.

Они как бы утвердились в том, что в поисках ничьей незачем выходить из раздевалки. Им нужна была победа, и за ней они прибыли на стадион кто на «дутиках», а кто пешком через весь город. И дух наступательного порыва не покидал их до конца встречи. Первой неписаной их заповедью было уважение к зрителю: вышел – играй! И зритель восторженно приветствовал своих любимцев, потому что даже поражение было окрашено энтузиазмом борьбы неудачника.

Они уходили с поля через плотный живой коридор, в первый ряд которого я не преминул протиснуться. Усталые лица со спутанными на лбу волосами, промокшие от пота футбол-

ки и рубашки, зазелененные и выпачканные в грязи трусы, мужественная удовлетворенность в походке – все это запомнилось, как одно из волнующих впечатлений далекого прошлого. Запомнился и мой «Арамис», возбужденный, с горящими от пережитой неудачи глазами: за несколько минут до конца «Стрекоза» забила гол – ничья, а этого Гюбиеву было мало.

Конечно, в моих воспоминаниях много чисто мальчишеской увлеченности кумирами футбола. Но вместе с тем это действительно были замечательные клубы и люди, которые являются предками наших футбольных команд мастеров столицы.

С подавляющим большинством перечисленных «отцов» футбола мне пришлось в последующем играть. Или в одном клубе или на одном поле, как противнику, в зависимости от того, куда перешел тот или иной игрок, когда клубы СКЗ, ЗКС, КФС и другие перестали существовать в связи с перестройкой физкультурного движения.

Их вспоминают добрым словом в самых отдаленных уголках нашей страны. Я помню, как интересовались норильские любители футбола судьбой Канунникова, Селина, Блинкова.

Когда один из бывших руководителей норильского комбината, Василий Николаевич Ксинтарис, в шутовском тоне отсылал меня на норильский стадион посмотреть, как там играют в футбол, будучи неудовлетворенным нашим выступлением в Мексике, я знаю, что он мерил сегодняшний фут-

бол лучшими игроками прошлого.

Недавно я побывал в Норильске. Нельзя не согласиться с Василием Николаевичем: местные футболисты сильно повысили свой класс игры. В городе хорошо организованный календарь соревнований. Директор стадиона, судья республиканской категории Филипп Миронович Подольский, соратник по футбольным полям известных до войны днепропетровских футболистов – Петра Лейко, Владимира Гребера, – жалуется на нехватку футбольных полей.

И не случайно ветераны, вчерашние игроки сборной команды СССР, во главе с Игорем Нетто, Эдуардом Стрельцовым, Анатолием Масленкиным – проигрывают в товарищеских встречах заполярным футболистам.

Вот как развернулся сегодняшний футбол. От Ширяева поля в Сокольниках до Норильска в Красноярском крае. Эстафета футбольных поколений продолжается. Ветераны, деятели футбола на заре его развития, бескорыстные ревнители кожаного мяча, передали эстафетную палочку надежным поколениям.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ – ПРЕСНЯ

В рассказах Джека Лондона золотоискатели вбивали заявочные столбы на приглянувшихся участках. Прииск знал своего первооткрывателя. Но вот, обращаясь к истории возникновения спортивного общества, такой точности добиться нельзя. Заявочных столбов никто не ставил, значит, и первооткрывателям нет числа.

Было их много и у порога возникновения общества «Спартак». Однако место его рождения было одно. Это все та же Пресня.

Там, у ее заставы, жили братья Канунниковы – Александр, Павел, Анатолий, Николай. По соседству с ними не менее знаменитая семья Артемьевых – Иван, Петр, Тимофей, Георгий, Сергей. Тут же братья Мошаровы – Иван, Павел, Федор, Александр, Виноградовы, Шелягины, Меньшиковы, и все они беззаветно любили футбол.

На маленькой неогороженной площадке у заставы, недалеко от Ваганьковского кладбища, мальчишки могли увидеть знаменитого тогда уже Павла Канунникова, «стукавшего» мяч со своими сверстниками и одноклубниками.

Канунников был живой легендой для мальчишек. Я помню, как Николай, впервые увидавший Канунникова в игре, придя домой рассказывал нам, что это за футболист:

– Бежит – стрела, бьет – пушка, обводит – выюн, а ноги

в бедре, вон как грудь у Джинала, – и он кивал головой на пойнтера, развалившегося, вытянув лапы, под тополем в нашем дворе.

Мороз по коже пробегал, когда, глядя на мощную грудь Джинала, я думал: вот это ноги! – и незаметно ощущивал свои мальчишеские тонкие икры и бедра. Какому же мальчишке не снятся футбольные мощные ноги! Ведь это главный залог успеха в игре.

Другое дело, что более сильного удара, чем у Александра Полякова, игравшего у нас в «Пищевике», мне в своей жизни видеть не приходилось, а ноги у него были совершенно безмускульные – одна кость, да и только. Но это я узнал позднее. А тогда Канунников и его ноги казались мечтой.

И вот к этой мечте можно было приблизиться не во сне, а наяву. «Мечта» стучала мяч на пресненской площадке, всего в пятистах метрах от нашего дома. Раньше так и говорили – пойдём постучим. В самом деле, удар по мячу был слышен за квартал. Сейчас футбол стал беззвучным. В отличие от кино он трансформировался в обратную сторону – из звукового превратился в немой. Бутсы и мячи стали другими – бутсы легкими, как тапочки, мячи эластичными, летающими. Сильнейшие отбойные удары беков ушли в область преданий, пушечные «шюты» форвардов с дальних дистанций живут лишь в воспоминаниях. Игра по принципу «сосед-соседу», пас на короткую дистанцию, никакого шума не производят.

Из всей звуковой гаммы голосившей на все лады Москвы не было для мальчишеского уха более зазывного, чем барабанные удары по мячу – «бум, бум, бум». Услышав их, мальчишка шагом уже не шел, а припускался на эти звуки со всех ног.

Примерно в то же время, что и у заставы, в Грузинах нарождались свои футбольные династии. Братья Голубевы – Михаил и Алексей; Гудовы – Филипп, Николай, Сергей; Лобановы – Алексей, Павел и Александр. Подрастали и четверо Старостиных. Нельзя не вспомнить и пионеров футбола в нашем районе – Владимира Воробьева, Григория и Федора Шелягиных, Сергея Столярова, которым первым пришла мысль организовать на «Горючке» спортплощадку.

Увлекаясь конькобежным спортом, Николай Старостин общался с членами Русского гимнастического общества, известного своими конькобежцами: Струнниковым Николаем Васильевичем, Седовым Николаем Ивановичем, Ипполитовыми Василием и Платоном, прославившими русский конькобежный спорт на весь мир. Но РГО культивировало и футбол. Футбольную команду общество имело, а поля не было.

Тогда Николай и предложил правлению общества арендовать «Горючку». Район показался не дальним: РГО тогда размещалось на Патриарших прудах (ныне Пионерские). Секретарь общества Николай Тимофеевич Михеев заинтересовался предложением и доложил меценату РГО, известному коньячному заводчику В. Н. Шустову.

– У меня волосы дыбом встали, – говорил позднее один из руководителей общества Павел Сергеевич Львов, – когда Михеев назвал этот знаменитый воровской пустырь, предлагая его арендовать.

Но все же осмотр «Горючки» состоялся. Он напоминает посещение артистами и режиссерами Художественного театра Хитрова рынка, как об этом вспоминает В. А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи».

Когда арендаторы пришли на пустырь, жизнь там шла своим чередом. Сидели кучками играющие, окруженные стоящими «мазчиками». Как всегда, в одной из компаний возникла драка. Кстати, как часто драки возникали, так быстро они и утихали, поэтому никого из постоянных обитателей они не волновали. Это была норма горючкинской атмосферы, всегда подогретой азартом, водкой, политурой, ханжой.

Группа хорошо одетых людей интеллигентного вида вызвала подозрительно вопрошающие взгляды у завсегдатаев «Широковки». Под этими колючими, неприязненными взглядами арендаторы, хоть и не теряли спортивной осанки, но все же ближе жались к своему проводнику, которого предусмотрительно Николай посоветовал взять в провожатые. Проводником был Фан Захарыч, чувствовавший себя здесь как рыба в воде.

Он, улыбаясь во весь свой беззубый рот, более красномордый, чем обычно, явно вскураженный доверием, по-свойски балагурил на тарабарском жаргоне с коноводами пустыря,

часто употребляя слова «лафа» и «фарт», что у него просто-душно звучала как «фафа» и «фавт».

А у нас, мальчишек, давно знавших о предстоящих смотринах, замирало сердце от мысли, что вдруг «деловые» откажут. Все надежды мы возлагали на Фан Захарыча.

– Коля, а Коля, это ты наводчик? – обратились к Николаю его бывшие соученики по городскому училищу, затянутые бытом «Широковки» на скользкую дорожку уголовного мира, Меха и Сдобный.

– Что вы, ребята, – говорил им Николай, – какой я наводчик, ведь и нам и вам будет хорошо. Игра-то всего полтора часа идет, а после играйте в штосс сколько влезет. А ведь зато стадион!..

Пока гости шагами вымеряли размеры будущего поля, Фан Захарыч, закончив свои дипломатические переговоры с «лидерами» «Широковки», сообщил Михаилу Ивановичу Петухову, капитану команды РГО по футболу и хоккею, что мешать футболу, если он не нарушит вольной жизни утвердившейся на «Горючке», никто не будет.

– Эх, быва не быва, – обдавая брызгами слюны Михаила Ивановича, выкрикнул рыжий биндюжник, – пвопадай гове-пове (горе-поле, так между собой называли завсегдатаи свой пустырь), заквадывай банк в новую игру! Уговов без шухева! – предостерегающе заключил он.

– Да какой там шухер, – улыбаясь, говорил Михаил Иванович, – вы в карты, мы в мяч, по-добрососедски и жить бу-

дем.

Старший представитель многочисленного спортивного клана Петуховых, фигурой былинный богатырь, Михаил Иванович производил внушительное впечатление.

– Зовотые свова! – заорал Фан Захарыч и так тиснул ладонь гостя, что даже Михаил Иванович поморщился. Сделка состоялась.

Когда уходили, местные нравы все же дали о себе знать. Сумерки сгущались. Немного поотставший Николай Тимофеевич вдруг почувствовал, как его кто-то обхватил сзади, и чьи-то проворные руки зашарили по карманам пальто. Спас опять-таки Фан Захарыч.

– Ах, гады, своих курочить! – взревел он и кинулся, размахивая своими гирями-кулаками, на выручку Михееву. Авторитет рыцаря стенки сработал безотказно, и ответственный секретарь общества поспешил присоединиться к общей группе.

Этот эпизод совсем расстроил милого, интеллигентного Павла Сергеевича Львова. Долго смеялись впоследствии, вспоминая, как, выбравшись за калитку пустыря, он, озираясь, начал креститься и испуганно шептать слова молитвы, всем своим видом высказывая отношение к затеянному предприятию.

Сомнений было много. В нашем доме эта тема была самой животрепещущей. Николай, посещавший РГО, приходил то радостный – «снимают „Горючку“, то подавленный – „Шуст-

ов не хочет“.

Конечно, меценат колебался. Прославленная на весь мир марка шустовского коньяка «Колокол» не очень-то сочеталась с фирменной эмблемой «Горючки» – финкой. Шустов боялся скомпрометировать себя в торговых кругах.

Но футбол есть футбол, желание играть на «своем» поле взяло верх. Для команды класса «Б» – РГО – пустырь в Большом Тишинском переулке был арендован. Правление общества отпустило небольшие финансовые средства на постройку раздевалки и ворот.

Так была брошена долька семени, которая, соединившись со второй, краснопресненской, дала росток жизни будущему «Спартаку».

Это событие прямо-таки потрясло Грузины. Только и разговору было, что о предстоящем футболе на «Горючке».

Дядя Митя, ненавидевший футбол, грозился написать градоначальнику, утвердившись в мнении, что болото притона сильнее голоштанников (так он называл футболистов), оно затянет их в свою трясику, и в районе только прибавится головорезов.

– Пропадут, Петр, твои сорванцы, к добру «Горючка» не приведет, – предостерегал он отца. А младший брат, хмурясь, поглядывал на нас и отвечал: «А вот это на что!» – и многозначительно кивал на висящий на стенке резиновый арапник.

Отец и дядя Митя были сильные люди. Разные по характе-

ру, но одинаково волевые спортсмены-охотники, они служили в Московском обществе охоты имени императора Александра II. Выносливость их ставилась в пример. Отмахать по лесам и болотам двадцать-тридцать верст в день для них ничего не значило. Они никогда не говорили: устали. Они говорили: пора домой – собаки устали.

Дядя Митя закоренелый монархист, отец демократ. Дядя Митя Февральскую революцию воспринял как бунт, отец – восторженно. Когда выступили большевики, отец ходил на баррикады к Кудринской площади и, возвращаясь поздно домой, говорил, потирая руки: «Ну, Сашке Керенскому конец!.. Власть возьмут большевики».

В сущности оба брата к политике никакого отношения не имели. Их убеждения были тверды лишь в раз и навсегда усвоенных правилах поведения в быту, семье и вопросах морали. Почитать старших, выполнять минимум обязанностей по дому, ходить в церковь, прилежно учиться и, упаси боже, курить – вот весь нехитрый житейский кодекс, воспринятый ими от своих предков и без поправок передаваемый потомству.

Февральская революция еще не наступила. Время воевать с Керенским еще не пришло. И потому дядя Митя пока воевал с футболом. Никакому градоначальнику он, конечно, не писал. И мы отлично понимали, что слова его ничего не стоили в сравнении с рублями Шустова. А раз деньги отпущены, то, стало быть, футбольное поле на «Горючке» скоро будет.

С наступлением весны нас охватило половодье футбольных чувств. На пустыре застучали топоры. Лопаты и грабли возделывали футбольное поле. Праздник приближался...

В день открытия «Горючки» я проснулся необычно рано. Николай и Александр уже не спали. Николаю предстояло первое боевое крещение: он должен был выступать за третью команду РГО. Подумать только: он наденет настоящую футболку с продольными желто-черными полосами, выпустив ее поверх белых трусов! Форма, полученная накануне, лежала на комодe в детской комнате. Надо не надо, все мы бесконечное количество раз проходили мимо аккуратно сложенной стопки священного футбольного одеяния, так и приковылавшего глаз. Николай строго следил, чтобы, упаси боже, кто-нибудь не позволил кощунственно дотронуться до спортивных реликвий. Словно посетители музея, Клавдия, Петр и четырехлетняя Вера восхищенно глядели на драгоценный экспонат и, как это всегда бывает, чем строже надпись о запрещении дотрагиваться руками до музейной редкости, тем больше возникает желание пощупать ее.

В неизъяснимо восторженном состоянии духа находился я в то раннее утро погожего воскресного дня открытия «Горючки». Стояло лето. Зеленела стройная шеренга тополей на нашем дворе. Проснувшиеся пойнтеры, сеттеры-гордоны, сеттеры-лавераки бегали по отгороженному собачнику и потихоньку скулили в ожидании утренней порции пшеничного

супа из конины. Солнце заливало светом небольшую площадку, на которой мы играли и в домашний теннис, и в тряпичный футбол, и занимались гимнастическими упражнениями, и соревновались в легкой атлетике.

Радость жизни наполняла меня до краев. Я выбежал во двор и стал упражняться с двадцатифунтовой гирей, служившей нам и тяжелоатлетическим снарядом, и ядром для толкания.

Увидев меня за изнурительным выжиманием «до рекорда» тяжеловесной гири, дядя Митя, вышедший кормить собак, презрительно обронил: «Ты, Грибов, дров бы лучше поколол!»

Он звал меня Грибовым, потому что я был крестником миллионера, текстильного фабриканта Алексея Назаровича Грибова. Кутилы, известного на всю первопрестольную. Он и крестил меня будучи сильно подгулявшим. Как рассказывали, принимая меня из купели, крестный выронил своего крестника из рук и лишь в последний момент изловчился поймать за ногу. «Как утенка», – с ужасом вспоминала это событие мать.

Никакой практической пользы для семьи от родства с миллионером не получилось. Наоборот, барин-охотник стал еще требовательнее относиться к братьям-егерям, которым поручал организовать охоту, когда на смену развлечениям в ресторанах приходило желание пострелять куропаток или поохотиться на волков.

Однажды эта требовательность чуть не закончилась драматически. Отец должен был уехать готовить для кума охоту. По каким-то причинам своевременно выехать не смог. Вдруг к дому подкатила машина, из нее вылез Грибов. Увидев его из окна столовой, отец бросился в спальню и, зная дотошность Грибова, спрятался в гардероб, а мать заперла его на ключ. Грибов походил по комнатам, чтобы убедиться, что отца действительно нет дома и, похлопав меня, крестника, по плечу, начал отдавать дяде Мите приказания для отца.

Я, войдя в это время в спальню и не зная, что отец заперт в гардеробе, с ужасом услышал какие-то стуки и зловещий, как мне показалось, хрип. Я бросился со всех ног к матери и в присутствии крестного истошно закричал, что в спальне кто-то хрипит и стучит.

Замешательства дяди Мити и матери, к счастью, высокий гость не заметил и, усевшись в машину, уехал. А мать, бросившись со всех ног в спальню, открыла гардероб, и из двери при последних признаках сознания на пол вывалился отец.

Замечание дяди Мити насчет колки дров я оставил без внимания. Обычно мы и дрова кололи, и воду носили, и за керосином бегали, и печи растапливали. Но ведь сегодня такой праздник, какие там дрова!

А Николай тем временем готовился. Он начал утро с чистки ботс. Вооружившись сапожной щеткой и байкой с гуталином, он надраивал свои желтые скрумовские ботсы (со следами купленные у Биткова в магазине со скидкой) до солнеч-

ного блеска. Его душа была переполнена предстоящим дебютом в официальном футболе, и он не мог переключиться ни в мыслях, ни в действиях на что-то не футбольное.

Бутсы уже давно достигли пика сияния, а он все тер и тер их, сменяя щетку на бархотку, и наконец закончил тем, что до блеска начистил и шипы и подошвы.

А затем, поскольку солнце начало понемножку припекать, он отправился на кухню и полез в подвал, где хранилась капуста, картошка и огурцы. Там он просидел в темноте и прохладе часа полтора, стойчески сохраняя энергию к предстоящему бою.

С появлением Кости Ульянова, как и мы, страдавшего футболом, нам удалось выманить Николая из подвала, убедив, что в доме не так жарко, да, пожалуй, и пора собираться.

Сработал авторитет Кости. Правда, он зижделся не на футболе, а достигнут был в битвах на «стенке». Он выставил против самого Фан Захарыча, хотя был ему полной противоположностью. Худошавый, он и кулак-то имел прямо-таки женский, но в нем, по-видимому, пропадал первоклассный боксер. Костя имел железный характер, никогда не терял самообладания, вел бой рассудочно, точно нанося своим небольшим кулаком хлесткие удары в голову противника.

Торжественно, под общие советы, что класть раньше – носки или гетры, щитки или бутсы, – священнодействовал Николай над укладкой формы в чемодан. В од ном лишь не было разногласий: футболка должна лежать на самом верху.

Прошло более полувека с тех пор. Но я и сейчас вижу перед собой эту аккуратно сложенную футболку с продольными черными и желтыми полосками, с отложным воротничком и перекрестиями черного шнура на груди, продетого в специально вделанные блочки, по четыре с каждой стороны грудного выема. С такой бережностью и любовью укладываются только подвенечные платья.

В полдень чудесного летнего дня мы сопровождали нашего жениха под венец. Храмом была «Горючка», невестой – игра.

Мне кажется, что я никогда более гордо не шел по улице, чем в тот раз, будучи в почетной свите старшего брата, которому едва-едва исполнилось семнадцать.

В свите находились и Мишка Сухорукий, и Бульдошка, и Косой-подмастерье, и Александр, и Петр, и Костя Ульянов, который во всеуслышание объявил, чтобы в пути ближе, чем на два метра, никто к дебютанту не подходил.

Мы пришли на «стадион», когда он был еще пустынен. Постоянные завсегдатаи, рыцари ночи, еще не проснулись. По полю бродил одиноко господин в шикарном костюме, в лаковых ботинках и котелке. Это был секретарь Русского гимнастического общества, он же секретарь Олимпийского комитета – Николай Тимофеевич Михеев. Легкоатлет, конькобежец, велосипедист, гиревик, он отдавал долю любви и футболу.

В последующем Михеев сделался одним из кумиров горю-

чинских болельщиков. Не высокий класс игры прельщал его почитателей, большим мастерством он не отличался. Левая нога у него, как говорят футболисты, была чужая. Бил он ею на удивление неловко и порою вызывал иронический смешок. Но зато был неудержимо напорист, и ему хватило умения бить правой ногой, чтобы стать одним из наиболее результативных игроков команды. Каждый забитый гол Николай Тимофеевич отмечал оригинальным аттракционом. Как только мяч от его ноги пересекал линию ворот противника, он тут же поворачивался к ним спиной и до центра поля шел колесом. Чем длиннее была дистанция триумфа, тем больше восторга выражали болельщики.

Но все это было впереди. А пока Николай Тимофеевич был озабочен непредвиденным обстоятельством. Стадион был подготовлен к открытию. Павильон, как тогда назывались раздевалки, хоть и был похож на дощатую инструменталку, но мог служить убежищем для двух команд, чтобы обрядиться в футбольные доспехи. И надежность его была достаточна, потому что сделали его без окон: предусмотрительное решение против местных «форточников».

Поле тоже как поле, неважно, что лысое, словно коленка, но полито и размечено по всем правилам футбола, с тем лишь отступлением, что вместо меловых линий вырыты неглубокие канавки.

Но главное восхищение вызывали ворота. Они стояли так же фундаментально, как триумфальные у Александровского

вокзала, теперь перенесенные на Кутузовский проспект.

Штанги квадратного сечения, чуть не в полметра толщиной были вкопаны навечно. Их перекрывала перекладина – балка, на которой при желании можно было бы играть в карты. И все это сооружение с тыльной стороны покрыто железной сеткой.

Словом, все было готово к приему гостей. Но возникла непредвиденная помеха. На поле, совсем близко к центру, лежала, вытянув костлявые голени, павшая лошадь. Как потом выяснилось, она принадлежала Фан Захарычу. Как она сюда попала, осталось не выясненным. Почему прекратила именно здесь свое существование, слухи были самые разно- речивые. Говорили, что он проиграл ее в карты. Потом будто бы отыграл обратно и возникла какая-то ссора между партнерами, жертвой которой оказалась лошадь. А Костя Ульянов высказал простое предположение, что Фан Захарыч подрался с лошадыю – один на один, потому что вчера «стенки» не было.

Так или иначе, лошадь надо было убирать. Тут же вырыли яму и общими усилиями стащили в нее кобылу. Яма была недостаточно глубокой. Часть вздувшегося живота оказалась неприкрытой. За день этот пузырь на глазах зрителей увеличился, и игроки вынуждены были или перепрыгивать или обегать его.

После операции с кобылой перед самым началом соревнования возникло новое осложнение. К стадиону небольшими

группками стали подходить основные обитатели «Широковки». Как лучшие места для наблюдения они облюбовали перекладины ворот, благо по железной сетке, шлейфом спускавшейся до земли, влезть на мощную балку труда не представляло.

Свесив ноги, покуривая, они ожидали представления. Появление судьи вызвало на перекладине оживление. Впервые на «Горючке» появился человек, в руках которого был футбольный мяч. Судья М. М. Корсаков нес его торжественно, вышагивая, как кавалергард на торжественном марше, не сгибая ног, грудь колесом, вытянув вперед согнутую в локте руку и держа на ладони, словно на подносе, новый, блестящий, желтой кожи мяч.

Корсаков был очень колоритной фигурой среди судей того времени. Отличавшийся военной выправкой, он и в обращении с игроками вел себя по военным нормам. Если игрок нарушал правило, он пронзительно свистел и повелительным жестом указывал место нарушения. В случае явной грубости направлялся гусиным шагом к виновному, испепеляя его взглядом. Игрок замирал на месте по стойке «смирно». А судья маршировал к нему иногда добрую половину поля. Футболисты знали его привычки и во избежании удаления с поля стояли не шевелясь. И мне приходилось замирать под грозным взглядом Михаила Максимовича, когда он, печатая шаг (он судил или в сапогах, или в брюках со штрипками), шел ко мне для объявления меры взыскания. Психологически он

сильно воздействовал на провинившегося, поджилки дрожали у новичков, еще не бывших «под Корсаковым». Но, бывалые футболисты знали, что он был абсолютно объективен и никогда не позволял себе пристрастных решений. Главное – после свистка надо было стоять как вкопанному.

Увидев на воротах «посторонних лиц», как он возмущенно потом комментировал этот случай, оскорбленный таким кощунством, судья развернулся «кру-гом!» и отбыл обратно в павильон-инструменталку.

Фан Захарыча не было. Деликатный Павел Сергеевич Львов и Николай Тимофеевич Михеев вступили в переговоры с оккупантами ворот.

– Да чем же мы вам мешаем? – недоумевали они. Помощники судьи – тогда их было четыре: двое у ворот и двое боковые – разъясняли им, что при таких обстоятельствах матч не может начаться.

Любопытство все же взяло верх. Нехотя широкоовцы спустились по железной сетке вниз и расселись на земле вблизи ворот, подогнув ноги калачиком.

Вновь появился судья, выглядевший для торжественного открытия стадиона особенно импозантно: в светлом кителе и брюках со штрипками.

На мгновение Корсаков чуть не сбился с шага и едва удержал мяч в торжественно вытянутой длани, но остался верен себе и шагнул по вспухшему животу кобылы Фан Захарыча.

С первым свистком судьи стадион «Горючка» начал свое

официальное существование. К большому удовлетворению зрителей победителями в обоих матчах стали хозяева поля. Нагляделись всего. Как неудержимо мчался к воротам противника центрфорвард РГО – Василий Гордеев. Как ловко играл головой хавбек Константин Квашнин. Но героем дня был Михеев, забивший решающий гол в ворота команды «Наздар». Когда он со штрафной площадки гостей, пошел колесом к центру поля, поднимая клубы пыли, восторгу зрителей не было конца.

Однако полного счастья нам не удалось пережить. Настроение омрачилось тем, что дебют Николая не состоялся. Оказалось, что он плохо бегают. Тих на ходу, да и ход-то какой-то, как говорят егеря, улогий, то есть мало того, что бег не быстрый, но и движения нескладные. Есть от чего загрустить.

Дядя Митя, как всегда, в котелке и с палкой в руке возвращался из церкви. Увидев толпу народа, уходившую со стадиона, демонстративно прибавил шагу и, придя домой, не преминул сказать: «Еле-еле спасся от поножовщины!»

Домой шли молча. Николай понуро шествовал в том же сопровождении. В полдень мы вели его, как на свадьбу. В сумерки возвращались, как с похорон.

...«Горючка» процветала, а у Николая наступил период непримиримой борьбы за скорость. Чего-чего, а упорства ему не занимать. И в этой борьбе его хватило на несколько лет. Он твердо поставил цель: быть быстреешим в коман-

де. И шел к ней, невзирая ни на что. Пятьдесят-сто рывков в день: вот средство для достижения цели. На Тверской ли улице, на Большой ли Никитской он вдруг срывался с места и мчался среди пешеходов метров двадцать-тридцать изо всех сил. Старушки перепуганно крестились: «Вот одержимый». А иной раз почтенные прохожие грозили полицейским участком. Он же от своего не отступал: изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год гнал за скоростью. И догнал ее. Кто видел Николая Старостина в годы его игры за сборную команду, тот согласится, что это был один из быстрых нападающих советского футбола...

Время летело неудержимо. Империалистическая война переросла в гражданскую. Октябрьская революция пришла как исторически неизбежное свершение после всех тягот, выпавших за эти годы на плечи трудящегося народа. Страна была в развалинах. Разруха в промышленности и на транспорте дошла до крайней точки. Но дух народа, окрыленность молодых сил, вера в светлое будущее только что родившейся Советской республики создавали атмосферу радостной приподнятости.

Я хорошо помню это время, начало двадцатых годов. Детство осталось позади. Наступило отрочество. Часов в сутках не хватало, чтобы успеть с комсомольского собрания на спортивную площадку, на диспут или в театр, к тому же, зная, что в шесть утра надо встать, чтобы к семи попасть в Центральные ремонтные мастерские МОЗО №1, где я рабо-

тал в то время подручным слесаря.

Мастерские эти были расположены возле Солдатенковской (ныне Боткинской) больницы. Там, где сейчас высятся многоэтажные дома Беговой улицы, тогда был огромный участок Петровского огорода, засаженный картофелем, который мне приходилось сторожить по ночам, вооруженным одноствольной берданкой, заряженной дробью. Картофельное поле принадлежало рабочему коллективу мастерских.

Было голодно и трудно, но радостно и увлекательно. В наших мастерских ремонтировались тракторы и сельскохозяйственный инвентарь. Первый восстановленный трактор, гусеничный «Холт» и восьмилемешный плуг «Оливер» приезжал на Ходынку смотреть В. И. Ленин. Николаю посчастливилось. В числе представителей от мастерских он близко видел Владимира Ильича во время осмотра. Я очевидцем не был, а только вместе с рабочими мастерских, оставшихся у своих станков и на рабочих местах, взволнованно переживал это событие.

Старший брат Николай к этому времени стал главой нашей семьи. В феврале 1920 года умер отец. Его, никогда не болевшего человека, убило маленькое насекомое, страшным бедствием обрушившееся на перенапряженный в борьбе со всеми трудностями народ – тифозная вошь. Мы жили в деревне Погост, на родине матери. Отец увез нас туда – мать и младших детей, потому что суп из конины в Москве стал роскошным блюдом. Увы, даже конской требухи достать в

столице было трудно.

Только неделю продержался отец после укуса огромной платяной вши, которую у него обнаружила мать в вороте рубахи, когда приехали в Погост. Я никак не мог понять несоответствия причины и следствия: такой могучий отец и такое ничтожное насекомое. И вот мы стоим на коленях перед его кроватью, плачущая мать, я, Петр, Вера, еще меньше меня понимающие происходящее. Отец в бреду пытается дрожащей рукой благословить нас, хочет что-то сказать, но ничего произнести не может. Мы его похоронили на кладбище села Вашка, в трех километрах от Погоста, где в болотах, поймах, лесах и лугах, лежавших вокруг деревни, отец охотился в течение четверти века. И вскоре мы вернулись в Москву...

«СПАРТАК» – ДОСТОЙНЫЙ ДЕВИЗ

В начале двадцатых годов в футбольной жизни столицы произошло два важных события. На Красной Пресне организовался Московский клуб спорта – МКС, а через год, то есть в 1923 году, по инициативе Ф. Э. Дзержинского было создано московское пролетарское спортивное общество «Динамо» со стадионом, правильнее сказать, со спортивной площадкой, в Орлово-Давыдовском переулке.

Рождение этих спортивных коллективов совпало с бурно развивающимся в стране нэпом.

Помню собственное удивление по поводу крутого экономического поворота в нашей жизни. После скупых норм распределения во время гражданской войны и при хозяйственной послевоенной разрухе вдруг стало возможным купить без карточек французскую булку! При том купить не где-то из-под полы на Сухаревке, а в магазине.

Новая экономическая политика быстро сказалась на внутренней жизни и на внешнем облике города. Появились вывески на магазинах частных торговых фирм.

Нэпманы – как тогда называли частных предпринимателей – воспрянули духом.

Акционерные общества «Товарищества на паях», «Това-

рищества на вере», кооперативно-промысловые артели росли как грибы. Открывались и до утренних часов работали рестораны, кабаре, варьете, бары с эстрадными дивертисмен-тами и цыганскими хорами.

В «Ку-ку», на углу Тверской и Садовой-Триумфальной, в хору под управлением главы знаменитого цыганского клана Егора Полякова пели широко известные исполнительницы цыганских романсов А. А. Добровольская, А. Х. Христофорова, танцевала Мария Артамонова, в «Арбатском подвале» выступала совсем юная Ляля Черная.

Рядом с «Ку-ку», в бывшем помещении театра Зона, предприимчивый делец М. Разумный открыл казино, работавшее круглосуточно. Прилизанные, с пробритыми проборами в редеющих волосах, крупье, как фокусники, манипулировали палетками, сгребая со стола бумажные червонцы, золотые империалы и полуимпериалы, бесстрастно провозглашая: «Игра сделана, ставок больше нет» или «Делайте вашу игру, товарищи!» нередко при этом оговариваясь, вместо «товарищи» – «господа». Музыка костяного рулеточного шарика успешно конкурировала с семиструнной гитарой.

Держатель казино, говорили, огребал миллионы. Эстрадный куплетист не преминул высмеять со сцены посетителей казино, и по Москве покатился популярный рефрен:

...Есть на небе одно солнце,
Много облаков,

Есть в Москве один Разумный,
Много дураков!..

У подъезда казино стояли лихачи во главе с известным владельцем серой кобылы «Пули» Степаном Уткиным, заливчатским тенорком зазывавшим выходящих: «Э-эх, прокачу!..»

Так или иначе, но нэп соблазнял своими развлечениями и увеселениями. В пивных «Левенбрея», «Карнеева и Горшанова» выступали эстрадники. Они скороговоркой читали рифмованные фельетоны и куплеты на тему «Ах, да, как попала в город Акулина...» Одетый в клоунские лохмотья и лаковые ботинки на двойных деревянных подошвах, исполнитель после каждого куплета лихо отбивал чечетку.

Развлечение было недорогое. Бутылка пива стоила восемнадцать копеек, а к ней бесплатное приложение на семи блюдечках – сухарики черные и белые, несколько кусочков воблы, немножко красной икры, мятные бриошки, моченый горох и три-четыре кружочка копченой колбасы.

Тогда, во времена чисто любительского футбола, не считалось смертным грехом зайти к «Левенбрею». Позднее, когда требования игры резко повысились, когда каждый грамм энергии брался на учет, стали говорить: кружка пива – ведро пота! Но это было значительно позже. А в описываемое время к кружке пива относились снисходительно. Да и тренеров никаких не было. Режим поддерживался самодисциплиной.

Никакого ведра пота проливать после выпитой кружки пива на тренировке никто не требовал.

Был у Никитских ворот ресторан «Скала». Пел там цыганский хор под управлением Валентина Ивановича Лебедева, представителя не менее знаменитого, чем поляковский, цыганского клана Лебедевых. И горячительные напитки подавали, и левенбреевское пиво там было. А хозяином являлся милейший малый, приехавший откуда-то из Белоруссии, по имени Бера. Он очень любил футбол, а кроме того, обожал стихи, деля свои симпатии между Маяковским и Есениным, что тогда очень редко сочеталось у любителей поэзии.

Бера всегда восторженно приветствовал именитых мастеров футбола. Улыбка широко расплывалась по его круглому безбровому лицу. Небольшой нос, похожий на птичий клювик, придавал ему сходство с совой. Однако он был очень добродушный на вид и привычная фраза, которую он всегда говорил, встречая спортсменов, не снижала его доброты и гостеприимства.

– Не забывайте, не забывайте призыва замечательного поэта, – мягко напоминал Бера гостям, дружественно провожая и усаживая их за столик. Все уже знали, что речь идет о рекламных стихах Маяковского для Моссельпрома. Они стреляли с синих вывесок моссельпромовских магазинов, ларьков, киосков в покупателя своей лаконичностью и безапелляционностью утверждений, врезааясь в память.

В данном случае Бера напоминал: «Долой пьющих до

невязания лык, а пей кульмбахское пиво, пей двойной золотой ярлык!»

Он знал, что «разговоры о тактике» тянулись долго, часами, и обычно носили характер непримиримых споров. И был обеспокоен, с одной стороны, горячим темпераментом спорщиков, а с другой, малым финансовым оборотом стола.

Чтобы высказать свое мнение «профана», как он деликатно оговаривался перед каждой репликой, по поводу прогрессивности того или иного тактического варианта, радушный хозяин мирился с явными убытками. Стол не окупался, пиво не заказывалось, а спор принимал все более эмоциональную окраску, и ему не видно было конца, потому что нет такого футболиста, будь то Селин, Бутусов, Батырев или никогда не игравший болельщик, чтобы кто-нибудь в футбольной дискуссии признал себя побежденным доводами оппонента. Бера вкрадчиво, с одесским акцентом выкладывал свою позицию по вопросам футбольной тактики, неизменно заканчивая выступление просьбой – побольше пива, дорогие мастера!

– Бера, ты в футболе глуп как пробка, – говаривал ему Федор Селин, прослушав очередное заключение дилетанта.

Позднее, вспоминая дискуссии в «Скале», Бера любил похвастаться тем, что он предсказывал большое будущее нарождавшимся спортивным, коллективам на Пресне и в Орлово-Давыдовском переулке.

– Еще бы, – говорил он, – в МКС пошли братья Канун-

никовы, братья Артемьевы, воспитавшиеся в Новогирееве, игравшие в КФС. Теперь все лучшие футболисты с Пресни объединились в один коллектив.

...Однажды, придя домой, мы жили все в том же небольшом деревянном домике на Пресненском валу, я был чрезвычайно и удивлен и обрадован. В столовой вместе с Николаем сидели, – нет, вы только представьте мое изумление! – Павел Канунников и Иван Артемьев.

– Вот это да-а-а! – шепотом, прикрыв рот рукой, сказал я перепуганному этим знатным посещением Петру.

Из услышанного разговора за столом стало ясно, что речь идет об открытии нового клуба на Пресне. Спортсмены РГО и те, кто проживает в районе, объединятся, построят стадион на площадке у заставы и будут участвовать в московских соревнованиях по тем видам спорта, секции которых организуются при новом клубе и, конечно, в первую очередь по футболу.

Понятно, что в организационных делах я разбирался весьма неглубоко. И потому далеко идущие обобщения и перспективы развития нового клуба меня совсем не трогали. Для меня важен был сам факт общения со светилами футбола. Я так впился в их лица, что Канунников, обратив внимание на мой замороженный взгляд, рассмеявшись, сказал: «Ну, что уставился, давно не видались?» – и дружелюбно потрепал меня по плечу. Он понимал, что творилось у пятнадцатилетнего подростка в душе, впервые так близко сопри-

коснувшегося с мечтой.

Канунников действительно был кумиром моего детства и юношества. Да разве только моего! Он был в ранге тех знаменитостей, которые не нуждаются даже в таких уточнениях, как фамилия. Вся футбольная Россия называла его «Павел». И если в разговорах, спорах, рассказах кто-то произносил это имя, то присутствующие никогда не переспрашивали, кто это, знали, что речь идет о Канунникове.

У Павла была своеобразная, футбольная фигура. Среднего роста, шатен, с правильными чертами лица, он имел некоторую диспропорцию в соотношении корпуса и ног. Узкий в плечах он был наделен непомерно развитыми бедрами. Может быть, отсюда его удивительная устойчивость в игре. Я просто не помню его лежащим на земле. Во всех силовых столкновениях он, ловко применив толчок, выходил победителем. Его знаменитые «подсадки» нарушителей правил в борьбе за верхние мячи всегда вызывали аплодисменты. Вот он готовится принять верхом летящий мяч, а защитник, скажем, решил вступить в борьбу и выиграть схватку: – подумаешь, мол, Канунников. Прыгает с разбегу вверх, выше Павла, не беспокоясь, что толкает форварда в спину. Вдруг незаметное движение бедром, какая-то мгновенная подсечка, и защитник с высоты своего взлета пикирует вниз головой через чуть пригнувшегося Канунникова. Всегда эффектно, всегда под аплодисменты, особенно дружные потому, что сверзившийся на землю защитник к тому же штрафовался

судьей как нарушитель правил.

Но, конечно, не это было главное в футбольном таланте Канунникова. Неподражаемой была его манера игры, доставлявшая эстетическое удовольствие зрителю, потому что делал он свое дело на поле изящно и непринужденно. Он так легко срывался с места, так незаметно применял обманные движения и так быстро шел с мячом к цели, что не мог не вызывать восхищения зрителей. Прорывы заканчивались очень четкими, хлесткими и точными ударами – «канунниковскими», с быстрым и коротким замахом.

Павел раньше времени кончил играть. В какой-то схватке ему выбили руку из плечевого сустава. После проведенного курса лечения он вышел на поле – травма повторилась. Потом перешла в привычный вывих. Не раз в разгар матча он подзывал кого-нибудь из партнеров и просил тут же на поле вправить ему выпавшую из сустава руку.

Другой наш гость, Иван Тимофеевич Артемьев, мне представляется одним из самых своеобразных и уважаемых людей нашего футбола. Его энтузиазм и любовь к футболу были безграничны.

Энтузиастов, фанатиков футбола много и сейчас. Много их было и в Грузинах. Алексей Рыкунов, например, едва ли не рекордсмен среди них. Один сын у любящей матери, он так увлекся футболом, что ни о чем больше слышать не хотел. «Хочу быть и буду Соколовым!» – говорил он своей матери и нам, товарищам по школе, фанатично сверкая, черны-

ми, как уголь, глазами. Зимой он мучил свою мать, заставляя ее «бить», то есть бросать ему по воротам футбольный мяч. В тесной комнатенке он кидался за мячом как тигр. Переломал много мебели, перебил массу посуды, но, главное, совсем извел обессиленную мать.

– Андрюша, – чуть не со слезами на глазах шепотом умоляла она меня, – ну, побейте вы Алешеньке, рук моих не хватает.

Я потихоньку бил, доламывая стулья и добывая недобитую посуду, получая в премию то конфетку, то пирожок от добрейшей Анисьи Никифоровны. А Рыкунов бросался из угла в угол комнаты, не щадя ни рук своих, ни ног.

Дебют его состоялся весной. Случайный дебют, как это бывает в автобиографиях артистов: кто-то из вратарей не явился. «Ну, Алексей, показывай класс», – сказал ему Николай. Но дебют закончился провалом. Рыкунов делал такие нелепые броски: вытягивал руки, пригибая в это время подбородок к груди; падал, когда не нужно; стоял, когда нужно было упасть. Он представлял настолько комическую фигуру, что зрители на стадионе весело и непрерывно смеялись. Ему можно было только пособлезновать: он не имел элементарных способностей к футболу. Природа не наградила его футбольным слухом. При таких условиях нечего и думать, чтобы стать солистом Соколовым.

Он стоически перенес провал. Страдал молча, не проронив ни слова при возвращении домой. И к радости любящей

матери домашние тренировки прекратил, убедившись в бесплодности мечты.

Иван Тимофеевич футбольный слух имел отличный. Он был мастер футбольного дела. В команде «Новогиреево», развенчавшей знаменитых «Морозовцев», Ваня – как звали его все футболисты – занимал место левого края. А в новом клубе его прочили на центрального хавбека. Обычно игрок, выступающий в этом амплуа, должен быть во всеоружии футбольного мастерства: уметь бегать челноком вдоль и поперек поля, обладать техникой, чтобы посылать мяч на нужное расстояние, а при случае нанести удар по воротам с дальней дистанции и, конечно, иметь здравый ум, так как весь тактический ход игры начинается в основном с этого игрока.

Всеми этими качествами Ваня располагал в достаточной степени, чтобы стать одним из лучших московских центр-хавбеков.

Своеобразие же его заключалось в том, что по влюбленности, я бы сказал, одержимости футболом он был в одном ряду с Рыкуновым.

Ваня был чистой души человек. Он болезненно морщился, когда слышал бранное слово. Ругательство «черт» вызывало у него осуждение. «Как это нехорошо, стыдно», – обычно говорил он в таких случаях. Надо ли доказывать, сколько ему пришлось терпеть, вращаясь всю жизнь не в очень-то деликатной футбольной среде.

Он был рекордсменом Москвы на дальность удара по мя-

чу. Но это совсем не мешало ему состязаться, будучи почетным семьянином, с каким-нибудь четырнадцатилетнем мальчишкой. «Ну, обведи, обведи меня», – говорил он пареньку, сгибаясь в корпусе и занимая исходную позицию. Отнимая у партнера мяч, он тут же предлагал: «Ну, отними, отними у меня», – и так часами, лишь, был бы партнер.

Однажды перед серьезной игрой он заболел. На пятке у него вскочил огромный фурункул. Он страдальчески щурил свои монгольского разреза глазки и причитал:

– Как же быть, как же быть!

– Пропустишь одну игру, вот и все, – успокаивал его Николай.

– Да, пропустишь, а разве ее потом вернешь: она уже убежит навсегда, – возражал больной, искренне страдая, что придется пропустить игру.

Но матч тот Ваня все же сыграл. Он вырезал у бутсы задник и с фурункулом, защищенным лишь бинтом и носком, выбежал на поле, тщательно стараясь не хромать, чтобы судья, чего доброго, не запретил играть в неисправной обуви.

...Вскоре на Пресне закипели работы. Младший брат Вани, Петр Артемьев, а попросту, как его все называли, Артем, взбудоражил весь пресненский комсомол. Народ там был горячий, жизнерадостный, боевой. Время настало такое, когда всем хотелось строить, созидать новое. Строить с энтузиазмом молодости, одним словом, как в песне «...Даешь Варшаву, крой Берлин!..»

Арвид Шмюльцберг, Владимир Кириллов, Александр Грамп, вожак комсомола на Пресне, поддержали Артема в организации субботников. Дело закипело.

Но вскоре убедились, что одного энтузиазма недостаточно. В данном случае, не хватало денег. Нет, не на землю: площадка была передана клубу безвозмездно. Деньги нужны были на павильон, на трибуны, на постройку ворот.

Как Артем ни доказывал, что можно на первых порах обойтись без павильона и трибун, но без ворот-то уж никак не обойдешься! И касса комсомола от этих доводов ни одним рублем не пополнилась.

Вот тогда к делу приступил старший брат. Изумленные пресненские жители вдруг увидели странную повозку, которую тянула беспокойно фыркающая лошадь. В повозке с вожжами в руках сидел Иван Тимофеевич Артемьев, а рядом с ним – главный рекламный козырь – огромный медведь. На груди у медведя плакат, приглашающий посетить благотворительный концерт-бал с участием известных спортсменов.

Медведь свое дело сделал: рекреационный зал Гоголевской гимназии не мог вместить всех желающих. Особым успехом был отмечен номер с участием Ивана Тимофеевича Артемьева и Эмилии Викентьевны Леута. Известная эстрадная певица, родная сестра замечательного пресненского хавбека, впоследствии игрока сборной команды СССР, Станислава Леуты, спела дуэтом с Ваней старинный романс «Не искушай меня без нужды...»

Ваня, страдальчески напрягаясь, щуря монгольские глазки, вторил партнерше, но его было совсем не слышно. «... Немой тоски моей не мно-о-о-жь», – как мольбу несло в зал звучное контральто Леуты, и казалось, что это Ваня взывает к судьбе, заставившей его во имя любви к футболу быть поводырем медведя, а вот теперь еще и эстрадным артистом.

Денег собрали много. И, лиха беда начало, стали практиковать устройство в Гоголевке празднеств с раздачей призов. Энтузиазм спортсменов, комсомольцев, не покладая рук трудившихся с лопатами, граблями, молотками и прочим рабочим инструментом на стройке стадиона, получил финансовое подкрепление.

Однако средств от культурно-коммерческой деятельности на строительство не хватило. Ваня пошел на крайнюю жертву. Он продал собственную корову (вспомните, что это было голодное время!) и внес безвозмездно необходимые для окончания работ деньги.

Соседки, укоризненно покачивая головами, говорили: «Артемьев-то-старший совсем свихнулся, корову на мячик променял».

К сезону 1922 года стадион на Пресне был построен. Впрочем, стадион слишком громко сказано. Маленький павильон, то есть деревянный домик, перенесенный на своих плечах по бревнышку через площадь, где он бесполезно стоял до этого, окруженная деревянным забором площадка с возделанным футбольным полем, с деревянными лавочками

в три ряда вдоль боковых линий – вот и весь стадион.

На этом стадионе и возник Московский клуб спорта – МКС, который в последующем переименовывался в СК «Красная Пресня», «Пищевики», «Дукат», «Мукомолы», «Промкооперация» и, наконец, в пожизненно укоренившееся название «Спартак».

Рождение нового клуба на Пресне в 1922 году стало и для меня знаменательной датой. Из дикого футбола я перешел в футбол организованный – в юношескую команду МКС.

На новом стадионе спортивная жизнь текла весело и людно. Болельщиков с «Трехгорки» хоть отбавляй. Спортивные секции множились. В те времена спортсмены, как правило, были универсалами. Подавляющее большинство футболистов играли в хоккей, баскетбол, занимались легкой атлетикой, бегали на коньках, ходили на лыжах.

Костя Квашнин являл собой такой пример разностороннего спортсмена. Он играл за сборную Москвы в футбол, в хоккей, был чемпионом России по классической борьбе, имел высший разряд в боксе, в штанге и в беге на коньках. Жадный до спорта был человек. Споры на спортивные темы любил закончить вызовом: чего, мол, там болтать, выходи, «хощь по борьбе, хощь по гилям, а хощь по боксу...»

Спорт тянул как магнитом. Мне думается, что никогда в последующем не было такого мощного роста массовости, как в то время. И что немаловажно, женский спорт, до революции пребывавший в зачаточном состоянии, пробил себе до-

рогу на стадионы. «Хватит с нас забот только о кухне, церкви и детях, – говорили молодые женщины, – мы тоже хотим бегать, играть, прыгать».

Правда, в МКС на первых порах рекордов из пресненских спортсменок никто не ставил. Но зато жены футболистов, в своем рвении не отстать от мужей, не меньше их проводили времени на новом стадионе. По-видимому, из нравственных соображений спортсменки выступали в широченных шароварах, ниже колена стянутых резинкой. Шаровары пузырились во время бега словно корабельные паруса. В теннис играли в белых юбках длиной до щиколоток. Сейчас бы их назвали «макси». Когда Вера Прокофьева, впоследствии заслуженный мастер спорта, прославленный капитан хоккейной команды, появилась на стадионе в коротких трусиках, то блюстители нравственности восприняли это как «пощечину общественному мнению».

Однако «дамы в пуфах», как презрительно обозвал дядя Митя Клавдию и жену Николая, Антонину, примерявших дома свой спортивный наряд, в нравственной поддержке не нуждались. Их спортивный темперамент, как и футболистов того времени, бил через край. Слезы неудач, смех до слез: эти проявления самого лучшего сплава – молодости и увлеченности – украшали жизнь.

Бывали и курьезы, но не отяжелявшие душу угрызениями совести, мрачными переживаниями за упущенную победу. Игра понималась как игра, не больше. И к ответу за поражение

ние никто не привлекался.

Шура Иванова, одна из пресненских спортивных активисток, играла в баскетбол. Ее спортивное мастерство не было прямо пропорционально темпераменту. Рослая, довольно массивная, она не отличалась ловкостью и быстротой движений. Тактической зрелости она еще не достигла. Главным ее козырем был азарт, с которым она играла.

Раздосадованная и разобиженная до слез удалением с поля, она стояла за линией возле щита, стараясь не разрыдаться. Когда игра приблизилась к ней, Шура, не сдержав порыва, выбежала на поле, схватила мяч и на этот раз ловко забросила его в корзинку, торжествующе подняв руки кверху.

Зрители ответили взрывом искреннего смеха и дружными аплодисментами. Даже ее партнерши по команде залились неудержимым хохотом. Оказывается, Шура закинула мяч в корзину своей команды. Не до смеха было лишь судье. Очки были решающими, а принес их игрок, удаленный с поля.

Давно это было. Но как живо я вижу эту веселую сценку. Вижу Антонину, Машу Квашнину, Клавдию, Настю Леуту. Вон они на площадке, не в силах сдержать смеха, успокаивают свою партнершу по команде, расплакавшуюся от конфуза. Недалеко стоит Ваня и платком утирает слезящиеся от смеха глаза. В плотной толпе зрителей с благодушной шутивостью поздравляют девушек с «успехом» их подруги, развеселые Николай и Костя Квашнин. Падают косые тени зазеленевших тополей на площадку, теплый летний воздух про-

зрачен и чуть затуманен пылью, поднятой на площадке «дамами в пухах», жизнь представляется праздничной и бесконечной. А день еще сулит главное празднество: впереди футбольный матч с клубом спорта «Орехово-Зуево», так теперь называются знаменитые до революции «Морозовцы». Правда, уже не будет в составе команды англичан. Но кто же не знает, что в Орехово-Зуево выросли мастера, играющие так, что никаким Чарнокам и Макдональдам не снилось: вратарь Туранов, беки – Андреев, Леваков, хавбеки – Кротов, Федяев, форварды – Шапошников, Архангельский. Все кандидаты в сборную Москвы. На фоне предстоящего матча мяч, заброшенный в свою корзину Шурой Ивановой, курьезный случай, подумаешь: одним больше, одним меньше...

В тот день мы собрались у Веры. Как всегда, спор о футболе не затихал ни на минуту. Мнения доказывались, ниспровергались, утверждались, опрокидывались. Ведь есть два футбола. Один – словесный, другой – практический, на поле. Словесный футбол – это бессодержательная, нулевая ничья. Никто же из спорящих никогда не согласится с противником. Еще бы, признать себя побежденным!

И вот раздался звонок. Тот зловещий звонок, который мы угадываем сердцем, что он недобрый. Звонила старшая дочь Николая, Женя. Мы поняли, что Николаю нужна поддержка. Сели в машину – я, Александр и Петр. За рулем Костя Ширинян, зять Николая, муж младшей дочери Елены, конечно, тоже футболист, когда-то центр-форвард команды ВВС. Наш

путь лежал в больницу. Проезжая Пресненский вал, мы увидели, что наш дом снесен. Он был вырван, как старый зуб. На его месте зияла пустота. Пересекая площадь Пресненской заставы, я ощутил томление в груди, мы ехали по нашему стадиону, то есть мы ехали по асфальтовой магистрали, но она была проложена прямо по футбольному полю, которое мы когда-то возделывали своими руками. Я даже приподнялся, чтобы облегчить тяжесть несущейся по родному полю машины. Мне казалось, что мы едем по живому. Лежит поверженный стадион, а мы, его создатели и сыновья, катим прямо по груди сраженного. Грустные ощущения. Тем более, когда едешь в больницу к умирающему.

Окно палаты было освещено. Там умирала Антонина. Было поздно, и нас к Николаю не допустили. В освещенном окне мы увидели его силуэт. Несмотря на сгустившиеся сумерки, он через стекло разглядел нас и бросил записку, в которой его прямым, твердым почерком было написано: «Тоня при последних вздохах. Подождите меня». Нелегко написать такое, не дожив с человеком всего нескольких месяцев до золотой свадьбы. Не хотелось верить: ведь мы тоже пятьдесят лет прошли рядом с ними, шаг в шаг, нога в ногу.

Дул сильный ветер, моросил дождь, низкие, темные облака, цепляясь за высокую крышу больницы, как предвестники неизбежного конца, гнались куда-то, словно косматые призраки. А мы, одноклубники Антонины, стояли и смотрели. Вот склонился и исчез силуэт Николая. Быстрее задвигалась

ть сестры-сиделки, стали деловито перемещаться какие-то фигуры. Вновь вырисовался силуэт Николая. Потом свет в окне погас.

Вскоре к нам вышел Николай. «Все?» – спросили мы его, еще тая какую-то ничтожно малую долю надежды. «Все», – ответил он скорбно. Возвращались из больницы мы тем же маршрутом, но больше не сказали ни слова.

Мысли уносили далеко назад и вызывали в памяти беды и боли, обиды и радости, большие поражения и малые победы и, наоборот, малые поражения и большие победы, которые на своем пути пережил спартаковский коллектив, верным другом и неизменным членом которого в течение полувека была Антонина Андреевна Старостина...

В первый же год своего рождения новый клуб на Пресне заявил о себе во весь голос. Все четыре команды вышли в финал весеннего первенства Москвы. Правда, как я писал выше, первая команда потерпела поражение от ОЛЛС. Но такие опыты не проходили бесплодно.

Жизнь в клубе была ключом. Маленький стадион был магнитом, который к вечеру тянул и старых и малых. Тогда потребность проявиться в общественной деятельности носила, не боюсь этого сказать, какой-то эпидемический характер. В «лихорадке буден» того беспокойного времени тяга к спорту была огромная. Я убежденно верил, что только один дядя Митя не любит футбол, да и то, наверное, из упрямства.

Правда, портрет монарха он со стены уже давно снял. С

«главкововерхом» воевать перестал, но действительность принимал критически. Смерть единственного брата его сильно потрясла. Он очень страдал. Сидя в столовой за самоваром, нет-нет да и крикнет, как при жизни отца: «Петрункевич, где ты там запропастился? Иди чай пить!»

В душе он был добрый человек. С виду строг, на словах жесток, на деле мягкий.

В начале двадцатых годов у дяди Мити домашних забот прибавилось. Его любимый и единственный сын Иван, или, как его в доме звали, Ванюшка, не достигнув мечты стать чемпионом в беге на коньках, обыграть Струнникова и Ипполитовых, с которыми безуспешно соревновался на Патриарших прудах, стал излишне, с горя, закладывать за воротник. А тут еще на его глазах произошел трагический случай с конькобежцем Королевым, с которым ему не раз: приходилось соревноваться.

Беговая дорожка тогда отделялась от внутреннего круга невысоким деревянным барьером. Королеву, бежавшему в паре с Платоном Ипполитовым, предстояло финишировать по маленькой, то есть по внутренней, дорожке, плечом почти соприкасаясь с барьером. Любопытствующая публика изнутри круга навалилась на барьер и одна доска, не выдержав напора, сломалась и острым концом отошла от стойки навстречу приближающимся спортсменам. Выйдя из-за поворота на прямую, Королев со всей скоростью грудью налетел на острый конец доски и был пронзен ею насквозь. Он тут

же замертво упал на ледяную дорожку.

Так или иначе, но Ванюша к конькам охладел.

Пугавшая своим растленным влиянием «Горючка» уже прекратила свое существование. А вот трактор Бурлова, вновь открывшийся, стал предметом беспокойства дяди Мити и его супруги Агафьи Никифоровны. Посещение этого заведения Ванюшкой становилось все более частым, а катка – все более редким.

И вот где-то тут вскорости произошел душевный переворот у дяди Мити. Иначе я не могу назвать происшедшее.

Зная, как дядюшка ненавидит футбол, мы никогда и не заикались, чтобы пригласить его на стадион. Он никакие достоинства футбола не признавал. Считал, что имперскую корону футбол оскорбил в 1912 году, проиграв один-два Финляндии и шестнадцать-ноль «немчуре». А в 1923 году, когда впервые выехавшая за рубеж сборная команда РСФСР успешно выступила в Швеции, Норвегии и Германии, он только презрительно отмахнулся рукой: да где там большевикам выиграть, обманули небось!

В одно из воскресений на Красной Пресне был большой спортивный праздник в честь открытия реконструированного стадиона. Все младшее поколение двинулось на Пресню, а дядя Митя, нафабрив усы, обрядившись в котелок и взяв в руки палку с набалдашником из перламутра торжественной походкой отправился к обедне.

Спортивный праздник был в разгаре. Трибуны переполне-

ны. Залитый солнцем стадион сиял красочным многоцветием спортивной формы различных команд. Юные члены общества на трибунах распространяли афишки. Среди них Вера Прокофьева, нередко бывавшая у нас в доме.

Вдруг слышу знакомый голос, оборачиваюсь и глазам своим не верю: дядя Митя возбужденно громко говорит юной спортсменке:

– Верочка, да как же вам не стыдно? В общественном месте, и без юбки!.. – Однако не назидание Верочке удивило меня. Дядя Митя отстал от века: «пуфы» уже перестали быть дамской спортивной формой, на смену пришли короткие трусики. И я и Вера были ошарашены самим фактом присутствия на стадионе дяди Мити.

Кого угодно я мог ожидать встретить на стадионе, но только не дядю Митю, такого старомодного и к тому же неприимого врага футбола. Вот когда я окончательно поверил в гипнотическую силу кожаного мяча.

Правда, как потом выяснилось, дядя Митя фабрил усы перед походом в церковь не только из гигиенических соображений. В церковном хору у него оказалась пассия, певчая. Назревавший роман был пресечен решительными действиями супруги. Дядя Митя был наказан утратой своих самых лучших брюк со штрипками, цвета, схожего с генеральскими, чем он особенно гордился. Обычно тихого нрава и очень преданная жена не смогла смириться с горечью «постыдной измены». В припадке острой ревности она приготовила ему

любимое блюдо «винегрет»: изрезала штаны ножницами на мелкие, мелкие кусочки и, сложив обрезки в огромную миску, поставила ее на обеденный стол.

– Поди, Митенька, покушай, – встретила она поклонника церковного пения по возвращении домой, уже почувывшего беду, но не предполагавшего такого изощренного наказания.

В какой-то мере, может быть, этот случай послужил толчком к смене увлечений, но факт был налицо. Футбольный мяч вступил в борьбу, казалось, в безнадежной позиции и победил. Певчая ушла на дальний план, на передний вышел мяч.

После первого визита на стадион дядя Митя долго отмалчивался. Еще не желая признаться в отказе от своих консервативных взглядов, когда заводилась речь о футболе, он позевывал, вроде бы подчеркивая свое безразличие к теме, но в свою комнату уходить не торопился. Некоторое время он по привычке в праздничные дни выходил на улицу с метлой в руках и поднимал пыль на весь Пресненский вал: практически выражал отношение свое к действительности.

И все же лед тронулся. Все мы поняли, что в сердце дяди Мити зацвела новая весна, когда после удачного выступления сборной команды СССР против сборной Турции, он вдруг спросил, плохо пряча под маской безразличия острую заинтересованность:

– А почему это Павел-то не играл?..

Когда ему разъяснили, что Канунников был болен, он на-

зидательно возразил: когда надо защищать сборную страны, болеть не полагается.

А дальше все пошло по нормам классического развития болезни. Сначала расспросы о предстоящем сопернике. Потом вопросы по составу. Через какой-то промежуток времени вопросы сменяются рекомендациями, кого ставить, а кого заменить. Затем наступает пора неукоснительных требований: «...Мишку не ставить, он, сукин сын, мышей на поле не ловит!»

И под конец уже последняя стадия заболевания, после которой болезнь переходит в хроническую неизлечимую страсть: даются указания по тактике со ссылкой на примеры из истории войн – Брусиловский прорыв... Цусима...

Вскоре футбольный прозелит прекратил пылить метлой по воскресеньям, стал посещать тренировки и не пропускал в свободное от охоты время ни одного футбольного матча нашей команды.

Районные, партийные, комсомольские организации на Красной Пресне любили свою команду. Ребята этого заслуживали. Они ценили внимание и руководителей и болельщиков. Взаимоуважительность царил во всей клубной атмосфере. Я не помню, чтобы на трибунах кого-либо освистали. Взрослые сдерживали крикливых мальчишек. Уважением к старшим прежде всего должен был быть в своем поведении отмечен любой юнец, посещающий стадион. Конечно,

не все они отличались примерным поведением, но эта норма была первой заповедью в кодексе членов клуба. За ее исполнением следила общественность, организованная в секции по видам спорта при клубе. Этот в высшей степени важный институт лег в основу всей работы спартаковского коллектива на долгие годы.

Помню, с каким волнением футболисты ждали результатов заседания секции перед каждым очередным футбольным матчем. Секцию вел обычно Михаил Иванович Петухов. Еще будучи капитаном команды РГО, он во время банкета по поводу получения приза, монументально поднявшись с места, прочувственно, со слезами на глазах, приложив руку к сердцу в подтверждение своей искренности, кратко сказал: «Друзья, футбол – моя стихия!..»

Это были не напрасные слова, не пышная фраза, брошенная случайно. В течение многих лет Михаил Иванович был энтузиастом поля, неутомимым общественным деятелем, строгим и справедливым. Когда он выходил из комнаты заседаний с длинным списком составов шести команд на завтрашний день, у нас, шестнадцати-семнадцатилетних мальчишек, сосала под ложечкой. Поставили или не поставили? Этот гамлетовский вопрос терзал нас каждую субботу. Думается, он никогда не покидает футболиста до конца его футбольных дней. Это всегда волнующий вопрос. Будь ты игроком сборной команды страны, или дублером, или учеником группы подготовки. Всегда сомнения: «быть или не быть?..»

Конечно, если ты следуешь девизу «Футбол – моя стихия!» Ну, а если для тебя ничего не значит этот девиз, то вешай бутсы на гвоздь и ищи другое увлечение.

Чуть заметно улыбаясь из-под пенсне прищуренными глазами, обычно строгими, хоть и дружелюбными, Михаил Иванович прищипливал списки к стене и неторопливо отступал в сторону, наблюдая за реакцией абитуриентов. Иногда, из гордости пряча подступающие слезы, в тот момент почти ненавидя Петухова, я обнаруживал свою фамилию в самом низу списка, в рубрике «запасные».

Печаль делили с Сергеем Ламакиным. Подобно многим, мы бросались во все секции, чтобы быть действующими, а не запасными. Но любовь к футболу не подвела. Попробовав силенки в боксе, легкой атлетике, баскетболе, Сергей все же «нашел себя» на футбольном и ледяных полях. Он добился того, что стал игроком сборной команды Ленинграда в футбол и хоккей.

Немалых трудов это ему стоило. Мы учились в 18-й Трудовой девятилетней школе Краснопресненского района. Вместе организовали СКУ – спортивный кружок учащихся. Создали различные секции. Проводили лыжные походы, для солидности называя их «звездными», но в глубине души страдали футболом.

Нам помогал преподаватель истории Валентин Николаевич Покровский. Среди бесчисленных энтузиастов футбола он остался в памяти как один из самых обаятельных и чи-

стных любителей этой игры. И как замечательный педагог, он врачевал наши душевные раны, утешая, что лавры не пожирают легко. Валентин Николаевич успевал сыграть за нашу команду и без скидок на партнерство в игре принять зачет по реформам Петра Великого.

Валентин Николаевич приходил на игру с двумя дочками-близнецами пятилетнего возраста. Сам он был грузноват и ноги имел «футбольные», толстые, едва гнущиеся в коленях. Играть любил до самозабвения. Он был близорук и играл в пенсне. Постоянный левый крайний нападающий нашей команды, он отличался агрессивностью на поле, шел только по прямой, может быть, в силу своей близорукости – не замечая ни партнеров, ни противников.

Однажды дочери-близнецы, безмятежно играя, выбежали на поле в тот момент, когда наш левый, край в неукротимом желании забить гол прорывался к воротам противника. Он бы затоптал своих детей, но, к счастью, вовремя был сшиблен защитником и растянулся на земле, подняв облако пыли, рядом с заплакавшими от испуга девочками.

Пока для нас с Сергеем это был подготовительный класс. До высшего футбольного образования было, как тогда говорили, «верст сто и все лесом».

В бесконечных битвах на Сущевской площадке с командой 2-го реального училища мы с Сергеем были лидерами СКУ, но на Красной Пресне ходили в запасных. Оставалось набираться опыта в качестве зрителей.

Преподаватели футбольного мастерства в команде Красной Пресни были хорошие и на поле и, что не менее важно, в жизни.

Из ЗКС пришло пополнение – Борис Баклашов, Петр Попов, Константин Блинков, Яков Евстигнеев, которые в содружестве с пресненцами составили очень сильную команду: помимо упомянутых выше Павла Канунникова, Ивана Артемьева была группа молодых и очень одаренных футболистов.

Дублером Баклашова стал Алексей Козлов, доморощенный пресненец, в течение двух лет он в совершенстве постиг вратарское дело. Его броски в нижние и верхние углы ворот были великолепны. Он сменил малорослого вратаря Станислава Мизгера, жизнерадостного балагура и хорошего товарища. Но эти качества не добавляли Мизгеру роста, он с трудом дотягивался в прыжке до перекладины. С уходом из первой команды Станислав, для важности куривший трубку, совсем перестал выпускать ее изо рта, дымил как паровоз, и стал самым закадычным собеседником дяди Мити на футбольные темы.

Кандидатами на крайних защитников были Павел Павлович Тикстон и Владимир Иванович Хайдин. Звезда Александра Старостина еще не успела взойти.

Павел Павлович, играя еще за КФС, привлекал мое внимание своей осанкой, с которой он держался на футбольном поле. Про таких говорят – грудь колесом. Он нес свой корпус, упрочившийся на коренастых, сильно развитых ногах,

подчеркнуто уверенно. Он быстро бегал, ставя ступни носками внутрь, чуть косолапя. Был чемпионом московского «Приза открытия» в беге на 60 метров.

Будучи примером благовоспитанности в жизни, Павел Павлович не терпел неучтивости. Он возвел в правило не оставлять безнаказанным нарушение элементарных норм поведения.

На Тверской улице какой-то франт, развязно шедший навстречу, наступил ему на ногу и даже не обернулся, чтобы извиниться. Павел Павлович деловито повернул обратно, немного прибавив шагу, догнал франта и подчеркнуто умышленно наступил ему на носок ботинка, сказав: «Пока мы в расчете, но я к вашим услугам!» И так всегда. На поле он никогда не грубил. Столкнувшись с ним, ты чувствовал, будто бы налетел на каменную стену: у кого возникнет охота мериться с таким силой!

Судьба свела меня с Павлом Павловичем в заполярном Норильске. Один из пионеров развития физической культуры и спорта в трудных условиях Севера, он и там поражал меня выдержкой и самообладанием, когда в полярную ночь, в пургу и мороз, он стоически вел борьбу со стихией, часами простаивая со шлангом в руке с непреклонным желанием залить в городе каток.

Был и каток, было и футбольное поле и многие другие сооружения, в создание которых частицу труда вложил человек с несгибаемым характером, которому безнаказанно нельзя

было наступить на ногу...

Помягче характером был Владимир Иванович Хайдин. В отличие от Тикстона он был сутуловат, развит больше в высоту, нежели в ширину. Еще на «Горючке» он обращал на себя внимание удлиненными рычагами ног от колена до ступни. Он играл в гетрах, подвязанных под самыми поджилками, и ноги его казались шлагбаумами. Сходство довершали черно-белые поперечные полосы на гетрах.

На его несколько асимметричном лице самое большое место принадлежало тяжелому подбородку. Может быть, поэтому его прозвали «Флюсик». Нисколько не обижаясь на прозвище, так широко применявшиеся в спортивной среде, он много радости доставил своей игрой болельщикам «Горючки».

– Не забудь ставить шлагбаум, – напутствовали его болельщики при выходе на поле. А он весело подмигивал им и потирал длинные, под стать ногам, руки. И «ставил шлагбаум» и радовал народ.

Он же был одним из лучших хоккеистов на месте левого инсайда в столице. Удар у него был страшной силы. Однажды вратарь Слудников, приготовившись к единоборству с Флюсиком, неосторожно открыл рот. Плетеный снаряд после удара нападающего угодил в эту ловушку, выбил несколько передних зубов и застрял так, что потребовался хирургический инструмент, чтобы частями извлечь плетеный мячик.

Каких только курьезов не бывает в спорте...

В средней линии, в полузащите, как шарик катался от штрафной до штрафной плотно сбитый, неутомимый Иван Мошаров. Его очень любили болельщики. Он был доморощенный и футболист и выдвигенец по административной линии – красный директор большого текстильного предприятия. Лысый, он играл в тубетейке. В погоне за убежавшим вперед форвардом Иван срывал тубетейку с головы и, как подхлестнутый, припускался со всех ног за противником.

Под стать ему по старательности в игре был Виктор Прокофьев. Спортсмен-аккуратист. Всегда с приглаженными волосами, в отутюженной и подкрахмаленной рубашке, в расклеванных трусах и с надушенным носовым платочком, торчавшим, как фиалка, у правого бока из-под резинки трусов. Он играл раньше в СКЗ и ЗКС, перешел в МКС и принес с собой неиссякаемый футбольный задор в игре. Широко расставив согнутые в локтях и приподнятые руки, он образовывал такие боковые надолбы, на которые натыкались пытавшиеся атаковать его противники. Он был невысокого роста и острые локти приходились прямо под вздох атакующему. Защитник после столкновения с ним хватал воздух, словно рыба на песке, а наш правый инсайд мчался с мячом вперед как ни в чем не бывало.

Это был веселый и общительный человек. В те времена такие заводилы в командах были нужны. Городской транспорт почти не работал. Миграция футболистов из конца в конец

Москвы, как тогда говорили, «по образу пешего хождения», была делом обычным, с Пресни на Благушу, из Сокольников к Калужской заставе шли страстотерпцы кожаного мяча большими группами в окружении болельщиков. Встречаясь на городских улицах, перекликались: «Вы куда?» – «Мы на ОЛЛС!» – «А мы на ЗКС». Улицы узкие, перекликнуться с одной стороны на другую труда не составляло. Тогдашнюю Тверскую Игорь Тер-Ованесян легко перепрыгнул бы с первой попытки. Махнут приветственно руками и дальше в путь, иногда с шагу переходя на рысь из-за боязни опоздать к началу матча.

Вот в этих походах Виктор Прокофьев был незаменим. Он писал частушки на футбольные темы и своим металлическим тенорком запевал на мотив популярной тогда песни «Дуня»:

...Сидит Дуня чулок вяжет,
Центровая тройка мажет!..

Залихватски затянет запевала, а дружный хор подхватит:

– Эх, эх Дуня, Дуня-я,
комсомолочка моя!..

И улыбаются прохожие. И самим певцам веселее, и путь в десяток верст короче кажется.

Неистошимой энергией был заряжен и Артем, упоминав-

шийся выше средний брат артемьевского клана. Он рассматривал футбол как боевой плацдарм для пропаганды большевистских идей и борьбы за них. Выехав впервые за границу в 1923 году, он обмотался красным флагом с государственной эмблемой и провез его через границу Швеции. Когда перед началом матча на стадионе организаторы встречи повесили только флаг хозяев поля, сославшись на то, что у них нет советского стяга, вот тут-то Артем и предъявил свою «красную пропаганду», как об этом писали на другой день в шведских буржуазных газетах. Так на зарубежном стадионе впервые прозвучал «Интернационал» под развевающийся флаг молодой Советской страны.

Ваня сапожничал, шил великолепные мастерские бутсы. Свободное время отдавал мячу. Петр постоянно был перегружен общественными заботами. Он организовывал встречи спортсменов с комсомольским активом, посещал с футболистами рабочие коллективы на фабриках и заводах Пресни, работал не покладая рук на субботниках, заботился об устройстве ребят на работу, будучи сотрудником биржи труда (было такое учреждение), одновременно учился на рабфаке.

Он был наш неизменный оратор на трибунах ли стадиона, при общении ли футболистов со зрителями, или на каком-либо приеме или встрече с общественностью. Переполненный мыслями, он иногда не успевал подбирать слова, сбивался, путался, употребляя то или иное сравнение или

поговорку, вместо «неурядицы» скажет «неуряхи». У него был револьвер системы «смит-вессон», в запальчивости, шаря по карманам, он угрожающе воскликнул: «Где мой „смит-висит“?»

Такие произвольные каламбуры и оговорки лишь подчеркивали темперамент нашего оратора, по-хорошему смешили аудиторию, но пользы от его выступлений не умаляли.

Великолепный игрок, техничный, совершенно бесстрашный, Петр очень быстро бегал, так стремительно мелкими шажками поглощая пространство, что болельщики звали его «велосипед». Начал он играть на левом краю, а закончил в амплу правого инсайда.

Недавно мы хоронили Ваню Артемьева. Убитый скорбью Артем, сменивший темные волосы на белоснежные, говорил у гроба старшего брата, как всегда, немного не поспевая за мыслью, но, как всегда, о нужном – о дружбе, о традициях, о гражданской ответственности спортсменов-ветеранов за воспитание молодежи, о любви к спорту, футболу, о любви бескорыстной, такой, какой его любил всю свою жизнь Иван Артемьев.

Красная Пресня не забывает своих людей и ценит их общественный многолетний труд. Ежегодно в Краснопресненском парке культуры и отдыха разыгрывается приз имени братьев Артемьевых...

В 1924 году «Красная Пресня» выиграла первенство Москвы. А в 1926-м тот же коллектив, но уже под названием

«Пищевики», вновь завоевал это звание. Только теперь футболисты с Пресни располагали самым большим стадионом в столице. Его построили на средства работников профсоюза пищевой промышленности, сейчас он называется стадионом Юных пионеров.

Немало усилий понадобилось, чтобы на месте трамвайного кладбища построить стадион с трибунами на 12 000 зрителей. Это по тем-то временам!.. От Ленинградского шоссе до Ваганьковского моста в три-четыре ряда стояли трамвайные вагоны, следы транспортной разрухи времен гражданской войны. Много лет свозили их сюда, на незастроенное пространство.

Как взглянешь, бывало, на эти перекореженные, проржавленные вагоны, подумаешь – стоять им тут до конца века. Но жизнь брала свое. Столичные рабочие постепенно, вагон за вагоном, уменьшали «кладбище», и, отремонтированные, они появлялись на трамвайных линиях Москвы.

К моменту открытия стадиона по Ленинградскому шоссе уже ходил трамвай № 6 по маршруту Сокольники – Петровский парк, с конечной остановкой у теперешнего стадиона «Динамо», тогда существовавшего только в проекте архитектора А. Лангмана.

На десять лет новый стадион стал родным домом спортивному коллективу, начавшему свою жизнь на незастроенных пустырях и площадках Краснопресненского района. Будущий «Спартак» мужал, набирал силу, воспитывал в сво-

их рядах первоклассных мастеров футбола. Рост мастерства обуславливался самой жизнью клуба. Связь поколений была неразрывна. После работы или школы бежали в клуб, боясь, не дай бог, пропустить тренировку или просто не пообщаться с ребятами день – изведешься от тоски! Там же все новости: кого выдвинули в сборную, кого поставили, не поставили, дисквалифицировали... Но, главное, там все те же глухие, пожизненно пленившие душу звуки: «бум, бум, бум!..» Сначала стучат по мячу мальчишки и подростки, потом поколение постарше, а затем корифеи выбегают на поле.

Вот на поле располагается по всей его ширине знаменитая пятерка – Николай Старостин, Петр Артемьев, Петр Исаков, Павел Канунников и Валентин Прокофьев. Тренировка для теперешнего тренера наивно проста. Бьют по воротам в два-три мяча. «Какой примитив!..» – сказал бы современный член тренерского совета. Но как бьют, с каким азартом и упорством! Бьют часа два-три. Рубашки, трусы, гетры мокрые. Вратарь Иван Филиппов вынужден просить передышки: сил не хватает бросаться из угла в угол, то вверх, то вниз. Поди-ка, не устань, когда «профессор» Исаков с точностью катапульты кладет мячи и с правой и с левой в любой угол ворот словно по заказу.

Тогда это был единственный метод тренировки. Казалось бы, действительно примитивный. Но каких он воспитывал исполнителей, дриблеров и финтеров! По-видимому, максимальная приближенность к игровой обстановке вырабатыва-

ла, кроме качества удара, еще и сноровку, ловкость, нужную футбольную координацию и, конечно, выносливость, ту самую футбольную выносливость, которая позволяет игроку в течение полутора часов бегать, прыгать, падать, вставать и опять бегать, не зная усталости. Этот «дедовский» метод полезен был бы и сейчас. Но, к сожалению, он очень мало места занимает в сегодняшнем тренировочном уроке.

Бесспорно, что методика тренировки должна быть более разнообразной. Жизнь наталкивает на это. Помню, как удивились все, когда Николай и Артем впервые перед тренировкой побежали вокруг поля для разминки. «Куда это вы?» – иронически неслось с трибун. А они под добродушный смех бежали и бежали. Вскоре легкоатлетические кроссы стали для всех футболистов обязательными.

Главным достоинством футбольной жизни в клубе была сплоченность поколений. На первенство Москвы выступало шесть команд взрослых да еще детские. Чтобы сыграть за шестую команду, надо было вставать в семь часов утра. И все же на играх младших с раннего утра появлялись и старшие, не боясь усталости, приходили посмотреть, как играют мальчишки.

Городской футбол сегодня вниманием маститых не пользуется. Игроки команд мастеров и понятия не имеют, как играют, чем живут их преемники. Так называемый «большой футбол» потерял связь с массовым футболом. Антей оторвался от земли. А ведь массовый-то он, по сути дела, и

есть *БОЛЬШОЙ* футбол. Отцы и дети должны жить одной семьей, иначе порвется связь времен!..

...В жизни каждого человека бывают дни, часы, годы, которые обозначаются в памяти, как своеобразные вехи. Что-то, порой и важное, стирается временем, выпадает из памяти. А что-то таким резцом выгравировается в ней, что по прошествии многих лет читается без усилий.

Вот такой страничкой для меня является день, связанный с организацией общества «Спартак». Все живо в памяти. И легкий морозец, и яркое зимнее солнце, и пушистый снежок первозданной белизны, который мы сгребали, расчищая лед для хоккейной тренировки. И радостное возбуждение от того, что ты молод, полон жизненных сил и вот сейчас, в такую чудесную погоду ты вырвешься на ледяной простор и будешь состязаться в ловкости и силе со своими товарищами, не подозревая, что существует старость, немощь, увядание. Ты молод!..

Вот в этот день и в этот час, упершись клюшкой в борт, служивший движком для очистки льда от снега, Николай мне сказал: «Надо собраться, завтра позвоню, – и пояснил: – Насчет нового общества».

Я уже знал, о чем будет идти речь. Многозначительность тона Николая добавляла весомость предстоящей встрече. Надо сказать, что все мы были взбудоражены предполагаемой организацией добровольного спортивного общества. Но пока это были только разговоры. И вдруг – «завтра надо со-

браться».

На другой день вечером, после телефонного звонка Николая, я отправился к нему на квартиру. Как всегда в особо важных случаях, состоялся «брандмейстерский» сбор всех частей. Все братья с женами и сестры с мужьями. Пришли и одноклубники с давних, можно сказать, «горючкинских», времен – Петр Исаков, Иван Филиппов, Станислав Леута.

Огромный, обитый красной кожей диван, место многолетних футбольных дискуссий, на этот раз вместить всех прибывших на важное совещание, конечно, не мог. Важность его угадывалась в некоторой скованности присутствующих. Пока Антонина Андреевна с помощью нашей матери, Александры Степановны, накрывала на стол, Николай многозначительно молчал, помогая расставлять приборы.

Наконец, когда все чинно расселись за столом, торжественно объявил: «Вчера меня вызвал в ЦК комсомола Александр Васильевич Косарев. Подумайте над организацией добровольного спортивного общества, сказал он, которое объединило бы всех физкультурников промысловой кооперации».

Далее брат в деталях передал всю беседу, упомянув, впрочем, и о том, что Косарев рекомендовал воспользоваться опытом «Динамо», подчеркнув, что дела у динамовцев идут неплохо.

Идея была воспринята с энтузиазмом. Многие из нас работали в системе промысловой кооперации. Александр был

главным бухгалтером фабрики имени А. С. Енукидзе. Петр возглавлял производственный спортивный комбинат Москопромсовета. Я работал директором фабрики «Спорт и туризм».

Ведомство располагало большими финансовыми возможностями. Организация производства основывалась на принципе коллегиального руководства. Основной ячейкой была артель. Естественно, что и организация спортивного общества обуславливалась выборностью органов управления и контроля, выборностью общественных секций и тренерских советов, как главного условия, обеспечивающего широкую демократию и вместе с тем повышенную ответственность всех членов общества.

Перспектива вырисовывалась самая радужная. Правда, «уплывал» стадион. У промкооперации своего стадиона не было, но была загородная спортивная база «Тарасовка». В добрый час эта незатейливая база открыла ворота для членов нового общества. Именно здесь, на двадцать седьмом километре от Москвы, воспитывались поколения спартаковских футболистов, начинавших бегать по тарасовскому футбольному газону с десятилетнего возраста. Тарасовке обязаны своим мастерством такие футболисты, как Игорь Нетто, Сергей Сальников, Борис Татушин, Михаил Огоньков, Олег Тимаков, Серафим Холодков, Анатолий Башашкин, Анатолий Ильин, Владимир Демин...

Сизые клубы дыма плавают по столовой. Давно уже сня-

ты пиджаки. Скоро начнет светать. А спор все идет, и конца ему не предвидится. В памяти всплывает картина выборов кошевого атамана в «Тарасе Бульба». Помните: «Шило пусть будет атаманом!.. В спину тебе шило!..»

Только здесь выбирали не кошевого, а название нового общества. Чего только не предлагали! «Феникс», «Штурм», «Атака». Кто-то из ведомственных патриотических соображений предложил даже «Промкооп». Но презрительно-ироническая реплика: а почему не «Ларек» или «Лоток» – на чисто отвергла предложение.

«Стрела», «Вымпел», «Звезда» – монотонно произносили сидящие в столовой. Но тут же под язвительные возражения названия проваливались. Мы выбились из сил. Зашли в тупик (в который иногда попадает тренерский совет, отбирая кандидатов в основной состав, когда после двадцатого тура голосования верх берет кандидатура, вначале всеми отвергавшаяся).

Но выручил случай. Взгляд Николая упал на книгу, лежащую на столике возле дивана. Книжка называлась «Спартак» Джованьоли.

– Вот что нам нужно! – воскликнул Николай, показывая книгу. – «Спартак» – достойный девиз, отображающий лучшие качества спортсмена: мужество, волю к победе, ловкость и силу, верность идее!»

Всем понравилось. Решение было единодушным. Кто-то вякнул, что название не ново. Но поддержки не нашел. И

с этого дня «Спартак» зашагал сильным и широким шагом вперед.

В московском футболе родился в новом качестве еще один мощный источник пополнения столичной школы футбола высококвалифицированными спортсменами.

К глубокому сожалению, эта традиция воспитания собственных резервов за последние годы плохо поддерживается. Все меньше и меньше москвичей в московских командах мастеров. Традиция нуждается в восстановлении!..

ПОЛЯНКА ПЕТРОВСКОГО ПАРКА

Выйдя из метро на станции «Динамо» и увидев сооружения спортивного комплекса – стадион, бассейн, теннисные корты, – москвичу трудно представить, что вся эта территория совсем недавно представляла собою густой лесной массив, в глубине которого спряталась маленькая полянка.

Крохотная квадратная площадка, забором которой служили многолетние деревья Петровского парка, принадлежала до революций обществу «Санитас». В нем процветал гиревой спорт. Однако на зеленую лужайку в чаще леса Петровского парка проник и футбол. Вот здесь и суждено было родиться динамовскому коллективу. Кто-то из старателей динамовского футбола воткнул заявочный столб, приглядевшись к этому зеленому пятачку. Впоследствии здесь вырос гигантский комплекс спортивных сооружений, давший стране за полвека сотни выдающихся спортсменов-динамовцев.

Правда, первой спортивной базой динамовцев была спортивная площадка в Орлово-Давыдовском переулке, что на 1-й Мещанской улице (сейчас проспект Мира).

В 1923 году было официально объявлено о рождении пролетарского спортивного общества «Динамо», которое должно было объединить спортсменов, работающих в органах ми-

лиции, в ВЧК – ОГПУ.

Слухов в Москве ходило много, спорили о том, кто из известных игроков идет, а кто не идет в новую команду с непривычным названием. Однако все сходились в одном: общество создается на внушительной основе. Шутка сказать: сам Феликс Эдмундович Дзержинский во главе!

Правда, большинство не понимало, что означает название «Динамо». Это стало ясно позднее, когда Алексей Максимович Горький на встрече со спортсменами общества высказал удовлетворение его названием, сказав: «Динамо – сила в движении».

Переходы футболистов тогда осуществлялись просто. Был так называемый «Юрьев день». Наступал весенний предсезонный период, и любой игрок мог перейти из одной команды в другую. Для этого надо было только подать карточку. Но уж если подал – держись. Правила соблюдались строго. Знатность игрока во внимание не принималась. «Профессор» Исаков подал карточку о переходе из ЗКС в СКЗ. Потом передумал: Гюбиев отговорил. Но председатель клуба СКЗ Замуэльсон карточку обратно не отдал. Пришлось Исакову – игроку сборной команды СССР – в первенстве Москвы за клуб участия не принимать. Так и проходил целый сезон на календарные матчи первенства Москвы в качестве зрителя.

И вот наступил июнь 1923 года. Болельщики двинулись в Орлово-Давыдовский переулок.

В переулке за скромным деревянным забором стоял деревянный дом – «павильон». Тут же чернело голое, без травяного покрова футбольное поле, с трех сторон окруженное какими-то строениями. Несколько зеленеющих тополей придавали пейзажу вид провинциальной площадки. Даже по скромным меркам того времени стадионом первую спортивную базу нового общества назвать было нельзя, несмотря на то что небольшие деревянные трибуны окаймляли футбольное поле.

«Облагороженная „Горючка“, – подумалось мне, когда я увидел скромные владения динамовцев. Правда, порядок здесь был образцовый. Публика шла на стадион степенная. Дохлой лошади на поле не валялось. Размечено оно было белыми меловыми линиями, которые на необычно темном земляном грунте выглядели словно аккуратно нашитые белые плерезы на раскинутом черном покрывале. Предупредительность общественников-контролеров, встречавших посетителей, вежливо и деловито объяснявших расположение мест на трибунах, усиливало впечатление порядка. Чувствовалось, что все здесь было продумано до мелочей и что такая организация дела положена в основу спортивной работы нового общества.

По террасе «павильона» сновал элегантный, по-летнему одетый в кремовый костюм и белые ботинки Николай Александрович Гюбиев. Как обычно в день матча вскураженный, на этот раз он беспокоился не об игроках. Они явились на

стадион задолго до начала игры. Команда хозяев поля отбиралась с пристрастием. Гюбиев, один из непосредственных организаторов новой команды, отлично знал всех футболистов, и младших, и старших. Приглашались играть только энтузиасты, те, которые на футбол не опаздывают. Обеспокоен Николай Александрович был погодой. Только что ярко светившее солнце вдруг закрылось тучей во весь горизонт. Дождь еще не начался, но был неизбежен. Мой Арамис почувал беду: шипы! Он сразу смекнул: поперечные, невысокие шипы были бы хороши для сухого, жесткого поля, а на грязном играть с поперечными все равно что в валенках на льду.

– Сапожники!.. Сапожники! Где сапожники? – взволнованно кричал он, бегая по террасе, забыв, что перебить шипы всем игрокам не хватит времени...

Это был эпохальный матч. Именно он положил начало встречам, которые долгие годы являлись украшением нашего футбола, с него начинается счет матчам «Динамо» – «Спартак», потому что, как я писал об этом выше, «Красная Пресня», игравшая в этот день с хозяевами поля в Орлово-Давыдовском переулке, была прародителем будущего «Спартака».

Вскоре зарокотал гром и хлынул проливной дождь. Ливень в одну минуту смыл все разметки поля и превратил его в черноземное месиво. Не забудем, что тогда афиши обязательно «вещали»: «Матч состоится при любой погоде».

Здесь я должен упомянуть, что команду хозяев выводил

на поле Ваня Артемьев. Так уж получилось, что один из главных организаторов пресненского футбола стал одним из организаторов команды «Динамо». В нашу команду в тот год пришли игроки Замоскворецкого клуба спорта – Блинков, Попов, Евстигнеев и Баклашов. Возникла серьезная конкуренция за места в основном составе. И Ваня, взвесив свои возможности и перспективы нового общества, ответил согласием на предложение перейти в «Динамо».

Таким образом, под проливным дождем шла «принципиальная» борьба. Кроме Вани, в составе команды динамовцев играли бывшие одноклубники по КФС и «Пресне»: Николай Краснов, Василий Житарев. Кстати, Житарев и открыл счет матча еще по сухому полю.

Но мокрый грунт был на пользу футболистам с Пресни. Здесь преимущество получают более техничные игроки. «Профессор» Исаков показывал высший пилотаж в футболе. Его ложные замахи, обманные движения корпусом вызывали восхищение зрителей. Не дотрагиваясь до мяча, он заставлял противников бросаться в сторону одним едва заметным наклоном тела или коротким взмахом ноги. Эти как бы гипнотические экспромты сопровождались одобрителем смехом болельщиков, и небольшая фигурка форварда, вся залепленная грязью, металась и металась по полю.

Дебютный матч динамовцы проиграли. Я помню страдальческое лицо Вани Артемьева после матча. Надо было знать его подвижническую любовь к футболу, чтобы понять,

что творилось в его душе. Тут же сновал Николай Александрович Губиев. Но боже мой, в каком он был виде! Кремовый костюм и белые ботинки под дождем и от грязи футбольного поля пришли в жалкое состояние. Отчаяние делало его фигуру трагикомической. Милейший и добрейший в жизни человек, он неистовствовал, проклинал и погоду, и «абсурдные» правила, и дежурного милиционера, которого он безуспешно призывал прекратить матч, когда до его окончания оставалось несколько минут.

Но вскоре он успокоился. Ушло уныние и с лица Вани. «Друзья вне поля» – право же отношения между футболистами такими и были – шутками, добрыми словами развеяли грусть побежденных, все согласились, что главное в сегодняшнем празднике не результат игры, а то, что он открылся под тропическим дождем, обещающим по всем спортивным приметам великие радости...

Динамо́вский футбол зашагал уверенно к вершинам спортивного успеха. Особенно класс игры динамовцев поднялся, когда они получили замечательный стадион. Разговоры о его строительстве начались года за три до Спартакиады народов СССР. Стадион открылся в год ее проведения – 1928-й.

Стадион поднимался на наших глазах, наращивая свои бетонные стены поверх зеленых ветвей деревьев Петровского парка. Он представлялся гигантским, да и был таким. Наш стадион, переманивший команду с Пресненской заставы в Петровский парк, казался лилипутом рядом с Гулливером.

«Конкурент» через дорогу пугал своими размерами.

Дядя Митя, прочно укрепившийся в болельщицких рядах, заглядывая с бегов на строительство, только покачивал головой и говорил:

– Ну, смотрите, ребята, несдобровать вам, на таком стадионе слабой команды быть не может!

В «Динамо» перешел Федор Селин. За ним так и осталась кличка «король воздуха». Я думаю, что он не развенчан до сих пор. Во всяком случае, мне не довелось видеть футболиста, для которого воздух был бы такой же родной стихией. Его прыжки вверх или в длину для удара головой или ногой были акробатичны и очень масштабны. Вот смотришь – толкучка у ворот, форварды и беки готовятся принять летящий по воздуху мяч, и вдруг ярко рыжая голова Селина резко взмывает вверх и легко отбивает его на высоте, превышающей перекладину ворот. Громовыми аплодисментами был награжден Селин, когда в решающем матче сборных команд СССР – Турция выбил головой мяч, пушечным ударом направленный турецким форвардом прямо в «девятку».

Федор был инженер по образованию. Но футбол любил самозабвенно. В жизни широкий, добродушный, жизнерадостный, в игре он компромиссов не знал. В одном из матчей «Спартак» – «Динамо» «рыжий черт» кинулся на высоко летящий мяч, поданный с углового удара, пытаясь ногой ударить по мячу. Я прыгнул, намереваясь сыграть головой. Потом мы восхищались классическим шпагатом рыжеволосо-

го гиганта, исполненным на брумелевской высоте, рассматривая удачно схваченный фоторепортером момент. Но тогда он угодил мне бутсой в лицо, и я долго залечивал сломанный нос. А Федор, дружески посмеиваясь, говорил мне:

«Ничего, Андрей, нос починишь: главное – гол спас...»

К тому времени в московском футболе подросло молодое талантливое поколение. Особенно заметным среди динамовцев был Василий Павлов. Он получил не менее звучное прозвище, чем Селин – «король голов». Так короновала его турецкая спортивная печать, когда он в составе сборной команды СССР сражался на футбольных полях Стамбула, Анкары и Измира.

С турецкими футболистами у нас давние счеты. Они первыми из зарубежных команд встретились в матче с советскими футболистами. «Турецкий цикл» занял большое место в развитии нашего футбола. Он начался в первой половине двадцатых годов и довольно планомерно продолжался до второй половины тридцатых. Его особенность заключалась в том, что турецкие футболисты, из года в год проигрывая нам, каждую очередную встречу называли «генеральной». Все, мол, что было до сих пор, не считается, а вот теперь сыграем «генеральную».

С такими настроениями они и встретили нас в Стамбуле. В первом матче на стадионе «Таксим» мы и впрямь чуть было не проиграли. Усталые с дороги, к концу игры мы отквитались, и матч закончился вничью. Вот когда пресса зашуме-

ла о следующем «генеральном» сражении. И оно состоялось через три дня на главном стамбульском стадионе, на котором поле заставляло вспоминать и «Горючку» и Орлово-Давыдовский переулок, как идеальные поля. Каменистый казарменный плац с трибунами, подходившими почти к самым боковым линиям, – вот что такое главный стадион Стамбула.

Зрителей собралось полным-полно. На трибунах скрежет трещоток, громогласие труб, барабанный бой: какофония! Но мне показалось, что топот шипов наших бутс был громче: уж больно жестким было поле.

Мне вспоминается этот матч как самый грубый из всех, в которых приходилось выступать. У турок левый защитник, Бурхан – этакий верзила, – играл слабо, бежал тихо, а компенсировал эти недостатки откровенной грубостью. Кстати говоря, типичное явление для игроков всех футболов, всех времен. Начал он свои подвиги с того, что ударил со всего маху пробежавшего мимо него Николая по коленке. А потом, благодаря попустительству судьи, совсем распоясался. Конечно, мы вторую щеку не подставляли. Команда у нас, как говорится, один к одному, я средний по ранжиру со своими ста восьмьюдесятью сантиметрами роста. А уж, как бойцы, чего только стоили Костя Фомин и Федор Селин! Одним словом, на поле шла потасовка ни с каким протоколом международных товарищеских встреч несовместимая.

Вот в этих труднейших по жесткости игры условиях пришлось показывать свое мастерство Василию Павлову, чело-

веку очень скромному и тихому в жизни и совсем не умеющему грубить на поле, что, между прочим, свойственно всем выдающимся футболистам, начиная от Григория Федотова и кончая Пеле.

После первого гола, забитого Михаилом Бутусовым с подачи Николая Старостина, за что последний и получил от Бурхана по коленке, игра с каждой минутой ожесточалась. К перерыву страсти и на поле и на трибунах накалились до предела. Когда мы отдохали, в раздевалку к нам зашли гости во главе с премьер-министром Исетом Иненю. С ними были наш посол в Турции Яков Захарович Суриц, военный атташе и товарищи из советской колонии. Пришли и турецкие футболисты.

«Враги на поле», сейчас мы собрались вместе в одной комнате и вид у нас такой мирный, что и тени сомнений не было в том, что мы «друзья вне поля»...

Мы все, а с нами и Бурхан, соглашались с тем, что джентльменский дух покинул поле и что во втором тайме его надо вернуть. И никто, выходя из раздевалки, не сомневался в том, что будет следовать принятому решению. Но верен обещанию остался, пожалуй, лишь один Василий Павлов. Корректной игра так и не стала.

Вскоре после начала второго тайма наш левый инсайд предпринял свой классический рывок с мячом. И когда мяч затрепыхался в сетке, нападающего догнал Бурхан. Догнал только для того, чтобы беззастенчиво грубо сшибить с ног.

Счет стал два-ноль, что подлило масла в огонь и без того уже полыхавших страстей. Тут же Бурхан ударяет пробегающего мимо Бутусова кулаком ниже пояса.

– Судья!!! – взвыл Михаил, приседая от боли. Но что можно услышать в этом аду, когда неистовство трибун, солнце, сделавшее казарменный плац жаровней, азарт противостоящих сторон совсем лишили нашего судью самообладания и реального восприятия происходящего на поле. Арбитром был советский, очень опытный судья, Василий Лукьянович Васильев. После игры он признался, что все происходящее воспринимал как дурной сон. «Надо было вас всех с поля гнать», – сокрушался он в раздевалке. А вот Василий Павлов самообладания не потерял. В ответ на дерзкий наскок Бурхана динамовец ответил своим оружием, которым грубиян не располагал. Он ответил мастерством.

...Мяч у Павлова. В стремительном беге он продвигается с мячом все ближе к воротам противника, вот он уже возле штрафной, и медлительный Бурхан – в который раз! – сшибает нашего нападающего подножкой. Поднимаясь с земли, Василий почувствовал, что Бурхан оказывает ему «помощь», тащит вверх, ухватив за волосы. Клок волос, и без того не пышной шевелюры Павлова, остался в пятерне у Бурхана.

И все же Павлов не вышел из равновесия, он продолжал воевать своим испытанным оружием – умением быстро бегать, ловко обрабатывать мяч и наносить неотразимые удары

по воротам.

Награда пришла к концу игры. Пренебрегая осторожностью, не боясь в любое мгновение получить травму (кстати говоря, смелые, мужественные игроки получают их реже слабовольных), Василий вновь резким рывком вышел на ударную позицию и пробил по воротам. Все это он сделал так быстро, что злой гений Бурхана не успел его настичь. На последних минутах игры турки вынимали из ворот четвертый гол!

Это был полный триумф и форварда и команды. Причесываясь после душа у зеркала, Василий, обращая ко мне, сказал:

– Еще два-три таких «генеральных», и я совсем стану лысый...

Однако, чтобы заслужить у турецкой прессы звание «короля голов», клочка волос не хватило. Павлова на другой день очень хвалили. Его нельзя было не хвалить. Он был в расцвете своих творческих спортивных сил. Но все же понадобился еще матч, чтобы признание стало абсолютным.

Это был четвертый и последний матч. Предыдущий, третий, мы тоже выиграли, Василий забил единственный гол, который принес нам победу. Слово «генеральный» повсюду слышалось и читалось. Хозяева во что бы то ни стало хотели взять реванш. Но ведь и нам проигрывать было не к лицу.

Дело для нас осложнялось тем, что наши маститые ветераны – Федор Селин, Михаил Бутусов и капитан команды Ни-

колай Старостин, – получившие повреждения не без помощи Бурхана, в игре принять участия не могли. Правда, и Бурхан не играл. На другой день после вышеописанного матча он был дисквалифицирован турецкой федерацией за неспортивное поведение.

Мне запомнился последний матч драматизмом событий, на этот раз протекавший без особой грубости. Но чрезмерная темпераментность нашего защитника Константина Фомина дорого нам стоила. Судья, наученный горьким опытом, недолго думая, удалил Фомина сразу после первой попытки применить недозволённый прием.

Нас осталось десять игроков.

Турецкая октябрьская жара. Палящее солнце и тучи раскаленного песка бьют в глаза, гонимые сильным, но не освежающим ветром. Поле в отличие от стамбульского мягкое, но песчаное, утопаешь в нем по щиколотку. И мы проигрываем со счетом два-один. И вот-вот проиграем еще больше, потому что хозяева поля во главе со своим нападающим Вахабом обрушивают на нас одну за другой свои яростные атаки. Они близки к цели выиграть, наконец, свое «генеральное» сражение. Но в воротах у нас стоял Александр Бабкин. Он играл так, как можно сыграть только один раз в жизни. Я не боюсь сказать – он играл вдохновенно. Он вынес на себе главную тяжесть обороны. Мы удержали счет. Наши ворота во втором тайме остались неприкосновенными. А вот вторая задача – поразить ворота противника – легла главным обра-

зом на плечи Василия Павлова. И он ее блистательно решил. Сначала ему удалось уравнять результат, а потом произошло то, что не забывается.

...До конца матча остаются считанные секунды. На обочине поля сквозь песчаную дымку проглядываются высокие фигуры наших ветеранов. Ветер доносит слова: «Жмите, ребята! Жмите...» Это, сложив руки рупором, дружно кричат они нам, изнемогающим от жары, усталости и волнения.

Вот тут-то и появился Василий на подступах к штрафной площадке турок, на стремительном бегу укрощая трудно поддающийся управлению мяч. Против него свистящий ветер, плотный оборонительный заслон противника и двадцать метров пространства. Но он все преодолевает и с гроссмейстерской уверенностью бьет по мячу с полулета. Вот он полетел, этот мяч, словно снаряд, пущенный из катапульты. Никто и ахнуть не успел, как он затрепыхался в сетке. Великолепный заключительный аккорд! А с ним и очередная победа! Вот когда только динамовскому футболисту турецкой прессой было присвоено звание «король голов»...

В это же время в динамовской команде взошла и другая яркая звезда – Сергей Ильин. Он начал играть в Коломне. Задолго до его переезда в Москву в футбольных кругах столицы о нем шло много разговоров. Не все верили, что в Коломне объявился самородок: мало ли легенд ходило о футбольных богатырях, которым и пенальти бить запрещалось – сколько, мол, рук Бутусов сломал вратарям! Говорили же,

что будто бы Канунников носил на левой ноге повязку с предупредительной надписью: «Убью – не отвечаю!» Меня серьезно спрашивал очень солидный человек: верно ли, что однажды ударом мяча я сломал штангу футбольных ворот. При этом он назвал место происшествия, стадион в Сокольниках.

Правда, был такой случай, что после моего удара ворота сломались в момент, когда мяч попал в перекладину. Но они рухнули потому, что одновременно с мячом штангу сильно толкнул вратарь, бросившийся на мяч. Ворота были дряхлые, с подгнившими штангами и перекладиной, они и не выдержали удара. Если бы сделал своевременно ремонт нерадивый завхоз стадиона, то легенда не родилась бы, потому что в природе не существует смертоносных ударов, ломающих руки вратарям и разрушающих футбольные ворота. И, конечно, никаким Бутусовым и Канунниковым бить пенальти не запрещали и повязки носить не приказывали.

Но слухи об удивительных способностях коломенского парнишки все росли. Наконец я его увидел. Мы приехали с молодежной сборной столицы играть в Коломну. На левом краю хозяев поля определился худенький, небольшого росточка черноголовый паренек. Боксер в весе пера – не больше. Против него занял место наш правый полузащитник Александр Яковлев. Ох, задал же нам коломенский левый край жару. Не только Яковлеву (по тогдашней системе «пять в линию» крайних держали полузащитники), но всем защитникам, в том числе и мне – центральному полузащитнику.

Он шнырял по лабиринтам наших оборонительных рубежей с акробатической ловкостью, верткий, как вьюн. Он так искусно обманывал нас своими финтами, что зрители громко смеялись, подбадривая своего форварда. А он и рад стараться: то пролетит мимо противника, словно бы на коньках, а тот в валенках; то заложит, ни дать ни взять, слалом и по быстроте и по спиралеобразным виткам, только не как на лыжах, а в бутсах и с мячом в ногах.

В его действиях было много неэффективного, то есть не приносящего пользы, но зато много эффектного. Специалисты сразу сказали «самородок»! И не ошиблись. В динамовской школе талант его отшлифовался, все лишнее отлетело, все ценное проявилось. Немногословный парнишка из Подмосковья, Сереня, так его называли футболисты за добрый нрав и неприязательность, вскоре сделался любимцем московских зрителей.

Сложилось так, что по футбольной дороге долгие годы мы шли с ним шаг в шаг. Уже в 1930 году на месте левого крайнего в сборной команде СССР Ильин восхищал своей игрой финских, шведских и норвежских зрителей. А в 1936 году на стадионе «Парк де Прэнс» в Париже 60000 зрителей восторженно кричали ему: «Бу-Буль!!!.. Бу-Буль!..» Они забыли, что болеют за «Рэсинг», их покорила этот игрок советской команды, внешне похожий на знаменитого французского баловня эстрады. Но не внешним сходством с любимым артистом пленил он парижан, их удивило его высокое мастер-

ство, футбольный артистизм, и они так же, как когда-то коломенские зрители, весело и дружелюбно подбадривали гостя.

Мы проиграли французам. Это было обидное поражение. Вся французская пресса наперебой хвалила мастерство советских футболистов. «Артисты футбольного башмака», – восторгалась «Пари суар» в отчете о матче. Ей вторили «Эксельсьонор», «Матэн», «Пари-Миди»... А мы проиграли.

На следующий день для нас прочитал лекцию о современном футболе английский тренер Кэмптон, специально приглашенный «Рэсингом» готовить команду к встрече с советскими футболистами. С английского переводил нам лекцию Алексей Алексеевич Игнатьев, автор книги «50 лет в строю», бывший кавалергард. Кэмптон объективно проанализировал матч, отдал должное каждому игроку и на примере вчерашнего матча показал нам, что такое система «дубль-ве», о которой до встречи с «Рэсингом» мы знали только понаслышке.

Все печальные события, происшедшие в твоей жизни, не запомнишь. Но те, которые послужили хорошим уроком, остаются в памяти навсегда. Такой урок мы получили в Париже. Алексей Алексеевич, человек военный, в футболе разбирался плохо. Спортивная терминология его смущала. Он добродушно иронизировал:

– Что такое атака, мне понятно: я много лет в строю. Защита тоже не ставит меня в тупик. Но вот, что такое полуза-

щита – увольте, не постигну!

И как бы для подтверждения своей растерянности обратился к супруге:

– Наташа, может быть, ты мне поможешь?

После лекции Кэмптона, который закончил свой анализ высокой похвалой мастерству наших футболистов, отметив тактическую отсталость нашего футбола, Алексей Алексеевич, сказал:

– Для меня все ясно – нужно тактическое перевооружение. Вы, дорогие друзья, вчера получили предметный урок. За это надо расплачиваться.

Сидели мы в уютной гостиной нашего посольства. Пили вкусный кофе. За окном сиял солнечный январский день. А на душе горечь поражения.

В самом деле, ведь мы слышали несколько лет назад, что англичане уже давно играют по системе «дубль-ве». Прошедший профессиональную школу английского футбола, турецкий центрфорвард Вахаб рассказывал нам, что Запад принял новую систему игры. А мы посмеивались, тактические премудрости нас не интересовали. Мы больше надеялись на «королей воздуха» и «королей голов». И не задумывались над тем, что прошло то время, когда яркие индивидуальности ценились превыше всяких тактик. Привычные представления уходили в область преданий. Оказывается, существуют тренерские разработки, план игры, установка для команды в целом и для каждого игрока в отдельности. Да и рас-

становка игроков резко отличается от принятой у нас по так называемой и от века существовавшей системе «пять в линию».

И обидным было то, что по признанию самого Кэмптона, наши игроки по классу спортивного мастерства превосходили французских футболистов в этой игре.

– О-о! Бу-буль, – одобрительно улыбаясь, сказал маститый английский тренер, – ему открыты двери в любой профессиональный клуб Англии.

– А что, Сереня, как бы мы воспринимали все это, если бы ты не запалял голову Шмидту? – спросил я рядом сидящего Ильина.

Дело в том, что всю ночь обсуждая поражение, много говорили об игровом эпизоде во вчерашнем матче. Вот о каком. У ворот парижан произошла свалка после нескольких повторных ударов, каждый из которых казался неотразимым. Вратарь Ру творил чудеса, раз за разом отбивая мяч в поле. Последний удар наносил Сергей Ильин. Удар был страшной силы. Мяч неизбежно должен был пересечь линию ворот, а он ударился о голову не успевшего встать с земли защитника. Шмидт довольно долго пребывал в состоянии шока. Но нужного гола не было. Мы проиграли один-два.

– Шмидт Шмидтом, – ответил мне Сергей, – а вот Алексей Алексеевич правильно говорит, перевооружаться надо...

Позднее я расскажу, как это перевооружение произошло. А сейчас мне хочется отметить, что в «стае славных» довоен-

ного футбола динамовский левый крайний нападающий занимал особое место, и не случайно корпус спортивных журналистов единодушно называет его кандидатом в сборную команду СССР всех времен...

В ряд с Ильиным можно поставить целую группу его партнеров по динамовской команде, которые в тридцатых годах прославляли знамя общества и выводили московский футбол в признанные лидеры. С именами вратарей – Евгения Фокина и Александра Квасникова; защитников – Виктора Тетерина и Льва Корчебокова; полузащитников – Александра Ремина и Виктора Дубинина; нападающих – Сергея Иванова, Василия Смирнова, Евгения Елисеева и Алексея Лапшина связаны годы расцвета и становления динамовского футбола на рубеже двадцатых – тридцатых годов.

ЕЩЕ ДВА ЛИДЕРА

Я не историк и в своих воспоминаниях совсем не претендую на роль летописца, бесстрастно определяющего пути развития московского футбола. Кто возьмется за такую работу, тот обречен на неудачу. Нельзя со скрупулезной точностью определить, где футбол был лучше, а где хуже. Кто сделал больше для развития этой игры, а кто меньше.

Я лишь делюсь с читателями своими впечатлениями о далеком и настоящем, высказывая свою точку зрения, свои взгляды, ничего не опровергая и ничего категорически не утверждая. Футбол не любит категорических утверждений.

И если я в своих воспоминаниях больше пишу, скажем, о Пресне, чем о Благуше, так это только потому, что я родился на Пресненском валу. Но это совсем не значит, что на Благуше футбол меньше любили и, соответственно, он меньшим вкладом обозначился в истории московского футбола.

Мы уже говорили, что на заре развития наиболее массовым был футбол «дикий». Напомним, что этот «институт» прошли все знаменитости прошлого. Не миновали его и Федор Селин, и Павел Канунников в Москве; Михаил Бутусов и Павел Батырев в Ленинграде; Александр Злочевский в Одессе, Андро Жордания в Тбилиси.

Любителям поиграть в футбол за недостатком футбольных полей приходилось довольствоваться пустырями и окра-

инными лужайками. Вот и бродили они в поисках партнеров с утра до вечера. Соревнования возникали мгновенно. Ворота сооружались из чего попало – камней, кепок, пиджаков. Играли, как говорится, в чем бог послал: в сапогах, в ботинках, а то и босиком.

На Ходынке таких «диких» команд было видимо-невидимо. Да и за любой заставой Москвы их было, наверное, не меньше. Пойди найди, кто тут зачинатель.

В истории «диких» значительное место занимает Рогожская застава. Там, на окраине пролетарского района, «дикий» футбол особенно буйно развивался. Именно там нашелся человек, который сумел организовать «дикие» команды. На рабочей окраине возник Рогожский кружок спорта – РКС. Инициатором и организатором его был Борис Михайлович Чесноков. С удовлетворением хочется отметить, что недавно праздновался восьмидесятилетний юбилей Бориса Михайловича, по сие время не утратившего ни бодрости духа, ни твердости характера. В те времена это был молодой студент невысокого роста и, как говорится, неширокий в кости. Однако он был ладно скроен и крепко сшит. Энергии у него и сегодня хоть отбавляй.

В организованный им кружок входили и студенты, и рабочие, и служащие.

В отличие от фешенебельных клубов, членом которых можно было стать только по особой рекомендации и где членский взнос был не по карману рабочему человеку, в та-

ких, например, как императорский Московский речной яхт-клуб или Московский клуб лыжников, в Рогожский кружок спорта доступ был совершенно свободен и членскими взносами не обременен.

Играли в этом кружке водовозы, братья Васильевы. Перед ними при вступлении в кружок встала другая трудность, с рублем не связанная. Отец-старообрядец и слышать не хотел о «крамольном игрище». Но мяч оказался сильнее религии. Нередко можно было видеть, как братья, восседая на бочках с водой, тайком от папаши подъезжали к футбольной площадке. Стриженные под кружок, в армяках, они привязывали лошадей к дереву и, истово осенив себя крестным знаменем, прямо в картузах и сапожищах кидались в схватку.

Нередко старый кержак на потеху играющим появлялся у футбольного поля и учил крамольников уму-разуму. Сыновья только поеживались, когда отцовский кнут со свистом прохаживался вдоль взмокших от пота спин. Но футбол брал свое. Спортивный кружок процветал. Команда выиграла приз, учрежденный для «диких» команд журналом «К спорту», редактором которого был все тот же Борис Михайлович Чесноков.

Кружок множил свои ряды, привлекая к футболу и любителей поиграть и зрителей с близ лежащих заводов и предприятий. «Недреманное око» забеспокоилось, заподозрив, что рабочие используют «стадион» для нелегальных сборищ. Бориса Михайловича потянули в полицейский участок к от-

вету, где он получил строгое внушение, как личность, способствующая «возникновению возможных беспорядков».

Неизвестно, чем бы все это закончилось, поскольку Бориса Михайловича застрашать было не так-то просто: характера он был норовистого. Но его и ведущих игроков кружка вдруг пригласили перейти в классную команду «Новогиреево».

И вскоре произошла футбольная сенсация. Вчерашние «дикие», выступая за «Новогиреево», нанесли сокрушительное поражение самим «Морозовцам». Я уже упоминал об этой знаменитой команде непобедимых «Морозовцах» из Орехово-Зуева.

Команда возникла при текстильной фабрике, принадлежащей знаменитой купеческой фамилии Морозовых. Русский фабрикант дал публикацию в английских газетах о том, что для Орехово-Зуевской мануфактуры нужны специалисты, «умеющие играть в футбол»... Вскоре в подмосковный город прибыли футболисты, действительно умевшие хорошо играть в футбол – Гринвуд, Томлиссон, Макдональд и братья Чарноки, один из которых, рыжий Вилли, несколько лет ходил в фаворитах московского футбола.

«Морозовцы» долго были непобедимой командой. Ее так и называли – «Гроза Москвы». Команда, выступая в первенстве столицы, с явным превосходством выигрывала чемпионат. Перенимали футбольное мастерство у англичан и ореховские доморощенные футболисты. Наряду с англичанами

в состав команды входили русские спортсмены – Кынин, Мишин, Голубков. А в последующем «ореховский родник» дал целую плеяду высококлассных футболистов в сборную команду Москвы и России – Туранова, Андреева, Архангельского, Шапошникова, Белякова.

Вот этих непобедимых «Морозовцев» и развенчали вчерашние «дикие» под флагом «Новогиреева» во главе со своим капитаном Борисом Чесноковым.

Как-то, обмениваясь впечатлениями о современном футболе, Борис Михайлович шутливо сказал о демократичности сегодняшнего футбола. Я, несколько недоумевая, переспросил, что это значит. Борис Михайлович разъяснил:

– Ну, что сейчас играют – кого хочешь, того и толкнул!

– То есть как – толкнул? – опять спросил я.

– Да так, невзирая, как говорится, на лица. А в наше время поди-ка, к примеру, Чарноку на ногу наступи – неприятностей не оберешься.

И я вспомнил крупную полемику в спортивной прессе двух капитанов – Чеснокова и Чарнока, возникшую по поводу недостаточного якобы «почтения» к персоне англичанина со стороны русского футболиста. Англичане выходили на поле с девизом – «Душу богу – тело клубу». Звучит совсем неплохо. Жертвенно, так сказать. Но дело в том, что тело-то подразумевалось не свое, а противника.

Перебирая в памяти впечатления о далеком прошлом футбольной Москвы, я не искажу истины, если назову этот

пролетарский район у Рогожской заставы одним из истоков столичного футбола.

Как мне представляется, именно здесь зародился замечательный футбольный коллектив, который носит сейчас название «Торпедо». В те времена теперешний автомобильный завод имени И. А. Лихачева был крохотным предприятием и назывался АМО. Советскому народу этот завод остался в наследие от крупного русского промышленника Рябушинского. О его мощности можно судить хотя бы по такой цифре, что к ноябрьским праздникам в 1924 году были выпущены первые десять советских автомобилей.

Я помню названия команд того периода, возникавшие в той части Москвы: РСКС – Рогожско-Симоновский клуб спорта, «Рускабель», «Пролетарская кузница», РКимА – Рабочий клуб имени Астахова. У каждого из этих клубов была своя судьба, свои взлеты и падения, все они оставили след в развитии футбола в Москве.

И все в какой-то мере являются прародителями сегодня существующих клубов.

Рогожско-Симоновская застава. О, как это казалось далеко! Через кривые московские переулки, по булыжным мостовым, по зеленому массиву Садового кольца, через полянки и пустыри возле Симоновского монастыря, с маленькими чемоданчиками в руках и с огромным энтузиазмом в сердцах шли футболисты померяться силами. На ходу делились мнениями о достоинствах противника, обсуждали фаворитов. А

фаворитами в РСКС тогда были братья Канаевы – Павел, Василий и Константин, – Симаков, Зуев, Силин. Там же начинали играть братья Поляковы – Андрей, Василий и Сергей.

На Рогожке мне запомнился Иван Астахов. Высокий, с большой круглой, как ядро, головой на мощном торсе, крепко стоящий на отлитых из чугуна ногах. Обычная его исходная позиция – согнутые в локтях и запястьях руки, напряженная готовность во всей фигуре ринуться в атаку на владеющего мячом противника – вызывала у любителей футбола восхищение. Уж больно он был колоритен своей футбольной могучестью. Этакий Васька Буслаев, да и только! Но его народная кличка неизвестного происхождения была более прозаичной: его добродушно называли «Бамбула».

Тонким спортивным мастерством Астахов, может быть, и не обладал. Но он играл в лучших традициях того времени: смело – не грубо! – и честно.

На смелости и честности мне хочется остановиться подробнее.

...Судьба сводит иногда с людьми, которые вдруг делаются для нас необходимыми. Так случилось и со мной.

Мы сидели в ресторане «Метрополь» – Федор Селин, Константин Блинков, Валентин Прокофьев и я. Тема извечная – футбол. Как раз ввели новые правила, и мы спорили о том, будет ли теперь в футболе двузначный счет или нет. Ведь с упразднением третьего противника (правило «вне игры» теперь фиксировалось не по трем, а по двум игрокам) беков

обували в чугунные ботсы. Так многим казалось.

– Поди поиграй против пятерки нападающих, если она выстроится на рубеже последнего защитника, – говорили центр-хавбеки Селин и Блинков.

Темпераментный Прокофьев небезосновательно возражал, сардонически улыбаясь:

– Да вы вместо одного упраздненного, еще пятерых защитников в штрафную площадь притащите...

Спор, как всегда в футболе, не обещал установить истину, и я, все чаще отвлекаясь от него, заглядывал на соседний стол, за которым ужинали четверо мужчин.

Мое внимание приковал мужчина с головой мыслителя. Большой лоб и энергичный, четырехугольный подбородок делали его лицо необыкновенно выразительным. В глубоко посаженных серых глазах вдруг вспыхивали искорки веселья и громко звучало раскатистое «Ха-ха-ха». Он так искренне, непосредственно смеялся, отделяя каждое «ха» в самостоятельный звук, что собеседники отвечали ему таким же заразительным смехом, и жизнерадостность этой четверки вызывала зависть. По-видимому, подумал я, у них тема поинтересней нашей «вне игры».

К их столу подошла барменша. Статная, красивая женщина с короной светло-золотых волос на голове. Мой герой поднялся и, обхватив ладонями ее голову, торжественно поцеловал в лоб.

– Королева! – восхищенно произнес он, и она благодарно

ему улыбнулась. Угадывалось, что они давно знакомы и что это приветствие дань подчеркнутого уважения к красоте. Ни тени вульгарности не промелькнуло в этой сцене.

Однако я был огорчен. Образ принизился в буквальном смысле слова: мужчина, чтобы поцеловать женщину в лоб, должен был приподняться на носки и вытянуться во весь рост. «Какая досада, – подумал я, – такая царственная голова и такой явно для нее недостаточный рост».

Когда соседи вышли из-за стола, я услышал реплику так заинтересовавшего меня человека, сказанную им в ответ на какое-то замечание собеседника:

– Все может пропасть, кроме чести!..

Фраза запомнилась, как остался в памяти и образ невысокого человека, покинувшего ресторан походкой, напоминающей чаплинскую.

Спустя какое-то время на углу Манежной и улицы Горького я встретил Александра Александровича Фадеева. Он стоял и разговаривал с моим ресторанным героем.

– Познакомься, – сказал мне Фадеев. – Юрий Карлович Олеша.

Я почувствовал, что знакомство серьезное, и надолго. Почувствовал потому, что тональность первого обращения, манера разговора, непосредственность общения у Юрия Карловича были совершенно необычными.

– Я друг Богемского, – подчеркнуто значимо, лаконично обозначил он свою причастность к футболу.

Я знал, что его литературный талант не прошел мимо футбольной темы. Одним из любимых мною произведений советской литературы была его «Зависть», в которой он с присущей ему романтичностью описывает футбол. За долгие годы нашей дружбы я не раз слышал, как Юрий Карлович с гордостью говорил, что он первым из русских литераторов ввел в художественную литературу футбольную тему.

В тот день, долго беседуя с ним, я узнал его футбольную биографию. С ней не трудно познакомиться всем, кого она заинтересует. Прочтите посмертно изданную книгу Юрия Карловича с предисловием Виктора Борисовича Шкловского «Ни дня без строчки». В ней отображены юношеские воспоминания Олеси о футбольном мире Одессы, о Богемском... «Он сейчас побежит, и все поле побежит за ним, публика, флаги, облака, жизнь!...»

У него был свой, олешинский, угол зрения на происходящее вокруг. Художественное видение позволяло ему в самых, казалось бы, обыденных вещах обнаружить романтическое, найти узел противоречий, драматургическое столкновение. Масштабность его фантазии была поразительной. Он обладал феноменальной памятью, был переполнен знаниями и с блеском великолепного рассказчика переплавлял их за столом в литературные экспромты, миниатюрные новеллы. Юрий Карлович был увлекательнейшим собеседником, которому понятно все – музыка, живопись, мореплавание, литература...

Во взглядах на футбол он высказывал свою триединую ипостась – красота, сила, честь.

Он долгое время не ходил на футбол, считая, что игра стала чуть ли не ремеслом, утратила красоту индивидуального мастерства.

– Я не терплю футбол в мундире, – говорил он, – если я полулевый форвард (он пользовался старинной терминологией южан), то мне незачем бежать к своим воротам, я буду искать победу на половине поля противника.

Юрий Карлович прав: путь к победе лежит через ворота противника.

Все же я уговорил его однажды поехать на стадион. Это было уже в послевоенные годы. Нашим спутником был Александр Александрович Фадеев.

Шел важный для обеих соревнующихся сторон матч. Противники не брезговали «грязными» приемами. Вот прорвавшегося нападающего ухватил за майку защитник. Вскоре нападающий сбил подножкой защитника. Игра носила явно оборонительный и потому бесцветный характер...

– Куда вы меня привели? – гневно обратился к нам Олеша. – Надо позвать милиционера или бригадмил, чтобы убрать с поля распоясавшихся мальчишек. Ведь это же общественное место!

И, не слушая наших возражений, с сарказмом продолжал:
– Они меня привели на футбол! Где вы видите футбол? Где нет чести – там нет футбола!

Он поднялся и, не дожидаясь окончания первого тайма, двинулся с трибун к выходу.

Вечером того же дня в кафе «Националь» шел разговор о футболе. Юрий Карлович делился впечатлениями о сегодняшней игре. Он говорил: если футболист преднамеренно нарушает правила, значит, он нечестный спортсмен. Вспоминал, что даже на Куликовском поле в Одессе, среди «диких», царил рыцарский дух. Умышленная подножка каралась немедленным изгнанием провинившегося.

За много лет близкого общения с Юрием Карловичем футбольная тема занимала немалое место в наших разговорах. Он очень любил спорт, восхищался сильными людьми. Но силу признавал только в сочетании с красотой и честью. Право же, нельзя возразить против такого девиза.

Когда я еще сам выступал в футболе, именно Юрий Карлович был незримым судьей для меня в моей спортивной этике...

Возвращаясь к любимцу рогожской публики, «Бамбуле», скажу, что это богатырь умышленных подножек не ставил и за майку никого не ловил. Влюбленный в футбол, он беззаветно отдавался игре и на поле выходил, руководствуясь девизом – не уронить достоинства и чести «грязной» игрой.

Под этим девизом воспитывались первые поколения московских футболистов, создавая традиции советского футбола. Свою лепту в их становление внесли и ребята Рогожско-Симоновской заставы.

Клуб «Торпедо» при заводе имени Лихачева постепенно получал широкую известность. В него стремились попасть ребята из местных команд района, и он принимал наиболее одаренных, которые, образовав крепкий и сплоченный коллектив, добились того, что с годами их команда стала одной из сильнейших в стране.

В начале тридцатых годов славу клубу завоевывали братья Поляковы – Андрей, Василий и Сергей, Виктор Маслов, Николай Путистин, позднее Владимир Мошкаркин, Александр Загорецкий...

Забегая немного вперед, скажу, что именно «Торпедо» при тренере Сергее Бухтееве, сменившем к тому времени «нравственные» трусы на тренировочный костюм наставника, первой из наших команд в законченном виде продемонстрировало новую систему игры в «три защитника». Ох, какой поднялся переполох в нашем футболе, когда, по выражению репортера, «английская команда» – торпедовцы не только применили новую тактику, но и переоделись в новую форму – черные трусы с белой майкой, как у английской сборной – стала громить всех маститых, не взирая на ранги, показывая широкую, красивую игру.

Но главные успехи торпедовцев были впереди. В то время в списках чемпионов страны и обладателей Кубка СССР команды «Торпедо» еще не было. Честь первооткрывателей завоевали московские команды «Динамо» и «Спартак». И совершенно неожиданно для всех первыми обладателями куб-

ка оказались железнодорожники.

Общество «Локомотив» одно из старейших в стране. Истоки его уходят опять-таки в Сокольники. На Стромынке, где сейчас поднялся великолепный Дворец имени братьев Знаменских, располагался стадион с самым большим футбольным полем. Его так и называли «лошадиное поле». Принадлежал стадион Сокольническому клубу лыжников, у которого была и своя футбольная команда. Одно время она даже выступала по первой московской лиге. Название команды не раз менялось, хотя играла она все на том же «лошадином поле». Выступали они и под флагом МСПО и клуба Октябрьской революции. Такие изменения претерпевали в то время все клубы. И постепенно сложился футбольный коллектив со своими традициями, своим характером и под флагом клуба Октябрьской революции стал играть заметную роль в футболе столицы.

Молодые ребята, приходившие на стадион, не очень страдали от перемены названий команды. Главное, стадион был, задора тоже хватало, а мастерство росло от игры к игре. Молодежь училась у старшего поколения. Бывшие экскаэловцы Николай Бункин и Владимир Савкин, прославившиеся еще на дореволюционной лыжне, умели хорошо играть и в футбол: Бункин – хавбек, а Савин – голкипер.

Как и везде, были здесь свои герои и энтузиасты, до сих пор не остывшие в своей любви к футболу. Со времен дореволюционного СКЛа пребывает на переднем крае в москов-

ском футболе Виктор Григорьевич Григорьев. Мастер лыжного спорта, он и в футболе был отменным центральным хавбеком.

Валентин Гранаткин – игрок сборных команд по футболу и хоккею сейчас возглавляет Федерацию футбола СССР и является вице-председателем ФИФА. Владимир Мошкаркин – великолепный футболист-«диспетчер», после долгой и славной футбольной карьеры и сейчас не оставивший общественной работы в спорте. Николай Разумовский – вратарь «яшинских масштабов», соратник и конкурент Акимова и Жмелькова. Я упоминаю эти фамилии потому, что все они тесно связаны с обществом «Локомотив».

Путь этого общества по футбольным боевым дорогам не был усыпан розами. Команда несколько раз покидала высшую лигу. Но, к большой ее чести, возвращалась в семью сильнейших только при помощи собственных ног.

Я бы назвал это тягчайшим испытанием. Коллектив, который в состоянии повторить свое возрождение, заслуживает высшей похвалы.

Это не только мое мнение. Известный драматург Александр Константинович Гладков, давний почитатель «Локомотива», любит эту команду именно за трудную ее судьбу. За долгие годы пребывания в футболе я познакомился и порой сдружился со многими болельщиками. Я наизусть могу назвать, приверженцем какой команды является тот или иной артист, писатель, художник. Например, Алексея Нико-

лаевича Арбузова и Юрия Валентиновича Трифонова не отделишь от «Спартака», Константина Яковлевича Ваншенкина от ЦСКА, Анатолия Владимировича Сафронова – от «Динамо». А вот Гладкову подай «Локомотив».

Я понимаю его болельщицкую привязанность. Ни одна из маститых московских команд не терпела таких передраг. Говорят, звание чемпиона легче выиграть, чем сохранить. Это верно, как верно и то, что впервые попасть в высшую лигу легче, чем, потеряв это право, вернуть его обратно. Железнодорожникам это удавалось. Вот и привлекают они симпатии тем, что вера в команду оправдывается делом.

Убежденность в том, что «они все могут», где-то подсознательно укрепилась и во мне. Вспоминается здесь случай с Бубукиным, воспитанником «Локомотива».

Перед полуфинальным матчем с испанской командой на Кубок Европы – я был начальником сборной команды – мы с Гавриилом Дмитриевичем Качалиным большие надежды возлагали именно на Бубукина. Валентин был игрок, что говорится, двужильный. Это ценнейшее качество, если к нему добавить сильнейший удар, хорошую техническую оснащенность и зрелый футбольный ум. Бубукин всем этим обладал и потому занимал твердое место полусреднего нападающего в содружестве с Валентином Ивановым и Виктором Понедельником.

Все у нас вроде бы ладилось, подготовка шла отлично, никаких ЧП. И состав команды подобрался сильный. Но вот бе-

да, болельщики невзлюбили Бубукина. С чего эта неприязнь началась, не поймешь. Один раз в игре он ударил с близкого расстояния и не забил гол. Другой раз не ударил и потому тоже не забил. Кто-то на трибунах свистнул. В следующий игре два раза подряд ошибся в передаче. Зрители вспомнили прошлые ошибки, свистки умножились. И стали они преследовать спортсмена за малейший промах. Несправедливая и жестокая нетерпимость с каждым разом все более усложняла игру для футболиста. Чем больше свистели и улюлюкали трибуны, тем больше делал ошибок Бубукин.

Балагур, весельчак, душа коллектива, полный ко всем доброжелательства, всегда жизнерадостный, Валентин заскучал. Мы видели, что дело принимает тяжелый оборот.

Мы посоветовались сначала между собой, «на руководстве». Потом с ведущими игроками –левой Яшиным, Игорем Нетто. Предстояла последняя отчетная игра: ставить или не ставить? Пойти на поводу у зрителя – не ставить и не брать на финальные игры – или «наперекор стихии» поставить и взять в поездку за рубеж?

Задачу помог решить сам Валентин. Дело происходило накануне игры. Мы жили на сборе в подмосковном доме отдыха «Озеры». В солнечный июньский день вся команда отдыхала на берегу озера. В гости к ребятам приехали жены, друзья. Обстановка была самая непринужденная. Смех, шутки, воспоминания, анекдоты. Обычно Бубукин, неистощимый в рассказах, всегда был в центре внимания. На этот раз

грустный, с опущенной головой, сидел в одиночестве, потом подошел ко мне:

– Андрей Петрович, можно вас на минуточку...

– Конечно, можно, Валя, – ответил я, догадываясь, о чем будет идти разговор. Мы остановились в тени за огромным кустом сирени. На его лице застыла виновато-горькая улыбка смущения. Я видел, как ему тяжело. Большой спортсмен переживал драму, находясь в расцвете творческих лет. Наконец, после небольшой паузы, подбодренный мною – «говори, говори», – он негромко сказал:

– Андрей Петрович, не ставьте меня завтра.

С озера доносился веселый смех, запах сирени разливался вокруг, теплое синее небо раскинулось над нами – живи, и радуйся! – а мы стоим с Бубукиным, и на душе у обоих тягостно...

– Ладно, посоветуемся, – коротко ответил я ему и, чувствуя, что слова утешения сейчас ни к чему, крепко хлопнул его по плечу. Мы поняли друг друга. С такой же просьбой он обратился и к Качалину.

Мы спрятали Бубукина от «раздраженного» зрителя. На эту игру его не поставили в основной состав, но из сборной команды не исключили, а, наоборот, предупредили, что в следующем официальном матче на Кубок Европы за рубежом он будет играть в основном составе.

Кубок Европы сборная команда СССР в тот раз выиграла, а Валентин Бубукин вернулся из-за границы, получив в

зарубежной прессе самые восторженные отзывы за свои выступления в финальной части турнира.

Я рассказал эту историю Александру Константиновичу Гладкову. Он, весело посмеиваясь, с удовлетворением говорил: да, да, от них всего можно ждать, в них надо только верить.

Вспоминая далекое близкое, можно было бы назвать много футбольных команд и фамилий футболистов, которые в той или иной степени способствовали развитию столичного футбола и влияли на его организацию и последующую реорганизацию. Здесь можно было бы упомянуть и «Металлург», игравший в свое время видную роль в довоенном чемпионате страны, «Совторгслужащие», «Гознак», «Циндель», «Райкомвод», «Трехгорка», «Рускабель» – все это коллективы в свое время были широко известные в московских футбольных кругах.

Но исторически сложилось так, что пять команд выдержали проверку временем и встали во главе столичного футбола на многие десятилетия, обеспечивая ему положение лидера во всесоюзном футболе.

СПАРТАКИАДА

Шел 1928 год. Приближался день открытия Спартакиады народов СССР. Это должен был быть грандиозный спортивный праздник, участвовать в котором были приглашены спортсмены из многих стран мира. Футболисты ждали гостей из Германии, Франции, Швейцарии. Но особенно будоражил умы ожидаемый приезд уругвайцев. Команда из далекой, мало знакомой и поэтому загадочной страны стала очень популярной в Европе после триумфальных побед на Олимпийских играх в Париже и Антверпене. Правда, профессионалы к участию в спартакиаде не допускались, но и любители из страны, где футбол так высоко развит, заслуживали должного уважения.

Основными конкурентами среди своих называли сборные команды Москвы, Ленинграда и Украины. Это были лидеры советского футбола. Каждая из них представляла свою школу футбола, имеющую свои отличительные особенности, свои оттенки, нюансы, манеру ведения игры. Для неопытного глаза, может быть, и не заметно, а специалист всегда отличит балерину ленинградской школы от балерины, закончившей школу Большого театра. Я говорю не о преимуществах или недостатках в технике прыжка, а именно о той специфичности, которую и обозначить-то трудно. Так и в футболе.

В нашем футболе долгое время гегемоном был Ленин-

град. До революции в сборной команде страны больше всего было питерцев. В первые годы молодой Советской республики петроградцы также занимали господствующее положение. Выдающиеся мастера футбола – братья Бутусовы, Филипповы, Гостевы, Батырев, Ежов, Полежаев, Карнеев, Эммерих, Григорьев и их сверстники – продолжали сложившиеся традиции и удерживали знамя лидера отечественного футбола на берегах Невы.

Я помню, с каким восторгом мы наблюдали выступления сборной команды Ленинграда в традиционных матчах против сборной команды Москвы. Московские футболисты терпели поражения, а мы аплодировали гостям. Это была дань признания талантам, мастерам своего дела, первопроходцам в тактических исканиях.

У ленинградцев, как и в балете, был свой почерк, своя школа в футболе. В основу ее было положено сочетание рационального и эстетического. Я не могу себе представить Павла Батырева или Михаила Бутусова «зажигающими „свечу“»: было такое выражение. Бабахнет защитник изо всех сил мяч вверх, а неискушенный по тем временам зритель громом аплодисментов награждает факельщика. Ленинградская школа не терпела этих вульгаризмов.

Свои традиции просматривались и в украинском футболе. Имена Злочевского, Шпаковского, Штрауба, Норова, Кротова, Натарова, Привалова, братьев Фоминых и других были широко известны в нашем футболе, как представителей

школы футбола высокотехнического.

Можно много сказать и о футболе грузинском, азербайджанском, армянском или любом другом, поскольку везде были свои замечательные игроки, основывающие традиции национального футбола, с присущими ему особенностями и своеобразием.

К этому времени московский футбол имел уже крепкий фундамент. Подросли прекрасные футболисты из второго поколения. И к ленинградскому принципу сочетания в игре рационального и эстетического, москвичи добавили еще одно важнейшее условие – быстроту действий.

С открытием спартакиады совпадал пятилетний юбилей общества «Динамо». К этим двум торжественным событиям заканчивалось строительство стадиона в Петровском парке.

– Какой там ЗКС, – презрительно махнув рукой, рассказывал дядя Митя никогда не бывавшему на футболе дяде Кирсану, вернувшись после первого посещения «Динамо», – махина! Понимаешь, махина! Я так думаю, пол-Москвы упрятать можно.

Двоюродный дядя Кирсан, тоже егерь-пскович, простодушный толстяк, воспринимал рассказы о футболе с наивным ужасом:

– Ах, и бесовская же игра! Анафемская, истинно дьявольская сила! Неужели пол-Москвы?

– Вот истинный бог, Кирсан, пол-Москвы!..

– Смотри, Митя, как бы Ходынка не повторилась, – опас-

ливо подытожил дядя Кирсан.

Дядя Митя от злости даже подпрыгнул на стуле и пошел «громить» теперь уже дядю Кирсана за «отсталость от запросов дня»...

С восторженными впечатлениями дяди Мити нельзя было не согласиться. Новый стадион восхищал своей монументальностью. За границей уже возводили мощные спортивные сооружения. Но кто их видел? Знали о них только понаслышке или по фото. И вдруг такая махина на глазах выросла.

– Не хуже Грюневальдского, – только и слышалось от посетителей, знавших об одном из крупнейших стадионов в Европе, незадолго до того построенного невдалеке от Берлина.

– Ну, уж извините, этот стадион современнее вашего Грюневальдского, – не без оснований возражал архитектор Аркадий Лангман, по проекту которого вырос динамовский красавец.

Наш стадион «Пищевиков» с его деревянными трибунами ушел теперь в тень. Правда, беговая дорожка там была великолепная и поэтому легкоатлетические соревнования спартакиады начались именно там. Как стрела пронесся по ней стометровую дистанцию накануне никому не известный бегун с Дальнего Востока, Тимофей Корниенко, повторив много лет стоявший рекорд русского спринтера Архипова – 10,8 секунды.

Но финальная часть футбольного турнира, конечно же,

проводилась на новом стадионе.

На трибунах было тесно. Шел полуфинальный матч между сборными командами Ленинграда и Москвы. Оказалось, что любовь к футболу перешагнула расчеты архитектора Лангмана. Трамваи, автобусы, автомобили загрохотали всю улицу Горького и Ленинградское шоссе. Народу двигалось к стадиону, что говорится, видимо-невидимо. Трамваи были увешаны людьми, словно гроздьями винограда. Болельщики свисали с поручней передней и задней площадок вагонов, с их внешней и внутренней стороны.

Это был большой футбольный праздник. Кожаный мяч набирал все большую силу, десятками тысяч привлекая на стадионы зрителей.

Прежде чем рассказать об игре, мне хочется познакомить читателей с ее участниками. Команду Москвы составляли игроки, начавшие гонять футбольный мяч на пустырях и лужайках за Рогожской, Пресненской заставами, в Сокольниках и Хамовниках. Смотрю на фото и вспоминаю тот далекий день, когда эти одиннадцать ребят принесли огромную радость столичным болельщикам и утвердили приоритет столичного футбола на долгие годы.

...«Сборная Москвы 1928 года. Слева: С. Егоров, Ал. Старостин, Н. Троицкий, Ф. Селин, М. Рушинский, М. Леонов, С. Леута, П. Исаков, В. Блинков, А. Холин, Н. Старостин». Так напечатано под фото. Они заслуживают, чтобы рассказать о них.

...Недавно я встретил Михаила Леонова. Конечно, и он постарел. Но все тот же веселый нрав. Все так же при улыбке зажигается в узких щелках глаз лукавый огонек. Я вспомнил...

В Вене шел бескомпромиссный матч сборной команды Москвы и сборной Вены. Мощного сложения австрийский вратарь вывел из игры бросками в ноги троих наших игроков. У бровки поля лежал с поврежденным голеностопом Николай Старостин, неподалеку находился подбитый Исаков, хромя, играл травмированный Леута и за отсутствием резервов в роли полевого игрока сражался на левом краю второй вратарь Иван Филиппов.

Обстановка была тяжелейшая. Австрийцы нажимали на наши ворота. Команда у них была очень сильная. Центральным полузащитником играл Ройтерер, один из сильнейших профессионалов Европы. Хозяева атаковали ворота сборной Москвы всеми силами, стараясь сломить сопротивление ослабленного противника. Наша защита несла огромную нагрузку во главе со своим вратарем, отразившим в ходе этого наступления несколько опаснейших ударов и снискавшим уже признание многочисленных зрителей. Счет был один-ноль в пользу гостей.

И в этот момент судья назначил одиннадцатиметровый удар. Наступила кульминационная минута. Как полагается, мяч установили на отметке, игроки покинули пределы штрафной площадки. В воротах маячила одинокая фигу-

ра Леонова, изготовившегося для поединка с исполняющим удар противником. А тот неторопливо бежал к установленному мячу от своей штрафной площадки. На стадионе воцарилась тишина – лети муха, услышишь. Все взоры устремлены на бегущего, все ближе и ближе приближающегося к мячу. Наконец, эта психическая атака на вратаря закончилась сильнейшим ударом. Мяч со скоростью пушечного ядра полетел в нижний угол ворот. Но вратарь оказался быстрее. Гром аплодисментов раскатился с трибун, когда Леонов в непостижимом броске, вытянувшись в струнку, отбил этот мяч. Матч был спасен: сборная Москвы победила 2:0.

Существует мнение специалистов, что точно и сильно пробитый одиннадцатиметровый штрафной удар неотразим. Леонов опроверг эту, казалось бы, незыблемую истину. Да и есть ли они в футболе, эти истины? Мне кажется, тайна притягательности игры в том и состоит, что установленные специалистами футбольные каноны, догмы, истины в ходе игры рушатся, опровергаются и вновь восстанавливаются. Этим зрители затягиваются в бесконечные споры о красоте, силе, ловкости, о возможностях того или иного игрока, того или иного коллектива: «Сегодня ты, а завтра я...»

Еще до начала венского матча зрители были взбудоражены разминкой приезжих незнакомцев. Ведь тогда наш футбол не был известен за рубежом. «Умеют ли они по мячу-то бить?» – задавали, наверное, себе вопрос сидевшие на трибунах венцы, избалованные блистательными выступлениями

своей прославившейся на весь мир сборной командой, известной в истории международного футбола под названием «вундер-тим» – чудо команда.

И как умеют бить москвичи, показал на разминке Михаил Руцинский, защитник сборной команды СССР. Находясь в центровом круге, он нанес по опускающемуся мячу удар «хав-воллей», с полулета, очень трудный в техническом исполнении. Сильнейший, массированный полет мяча заморозил зрителей. Леонов сделал все, чтобы отразить направленный в ворота мяч. Его бросок был безукоризненным по скорости реакции. Но мяч влетел в верхний угол ворот. Несколько десятков тысяч человек единодушно ответили на него аплодисментами. Это был редчайший случай, когда на разминке футболист был удостоен всеобщего признания. На игру Руцинского приходили посмотреть во многом потому, что удар у него был поставлен первоклассно и выполнял он его артистично.

По-видимому, нельзя установить предела возможного и невозможного в футболе. Как в жизни, так и в игре – все по полочкам не разложишь...

Под стать Руцинскому в сборной команде Москвы был Сергей Егоров. Воспитанник пресненского футбола, он был влюблен в мяч беззаветно. Работая электриком на фабрике «Большевик», он в обеденный перерыв перемахивал на стадион прямо через забор и, не успев доесть на ходу бутерброд, дожевывал его под удары по мячу. На вечернюю тренировку

он приходил первым и уходил последним. Не удивительно, что удар он отработал до автоматизма. И за три-четыре года «Егорушка», так звали его пресненские болельщики, прошел путь от пятой команды до сборной команды Москвы.

К сожалению, его карьера была недолгой. Тяжелая травма коленного сустава перечеркнула ее. Московский футбол потерял талантливого игрока. Медицина того времени в лице известных в спортивном мире хирургов – Бома, Березкина, Ланды – только разрабатывала методику операций коленных суставов. А Зоя Сергеевна Миронова – ангел-хранитель сегодняшних футболистов, тогда еще бегала на ледяной дорожке, догоняя золотые медали чемпионки конькобежного спорта...

Молодое поколение в команде Москвы представляли Станислав Леута и Александр Старостин. У левого полузащитника Леуты было огромное количество поклонников. Его любили за разносторонность дарования, он одинаково успешно играл на любом месте в команде. «И жнец, и швец, и на дуде игрец», – говаривал про него Ваня Артемьев, когда Станислав начинал свою футбольную карьеру на левом краю нападения в «Красной Пресне».

Он прошел свои «университеты» в годы разгула на Украине махновских и петлюровских банд. Совсем юным красноармейцем сражался он за Советскую власть. Потом судьба бросила его помощником маркера в бильярдную одной из гостиниц Николаева. Приехал в Москву умудренный нелег-

ким житейским опытом, но с неутраченной жизнерадостностью и неиссякаемым украинским юмором. Однако на поле шуток не терпел. Черноголовый, с темными глазами, он добела бледнел, устремив испепеляющий взгляд на виновника, если тот позволял в игре недобросовестный прием, грубость. Сам же он вел безукоризненно честную спортивную игру и благодаря техническому мастерству в «подсобных» средствах не нуждался. Он без них был одним из выдающихся игроков сборной команды СССР.

Он и по сие время не расстаётся с футболом, активно работает в общественных организациях федерации футбола и так же непримиримо относится к любителям «грязной» игры...

Левый защитник москвичей Александр Старостин – «сто-процентный», так называли мы его в шутовском тоне, поздравляя с оценкой, которую выдала ему пресса после дебюта в сборной команде Москвы. Наверное, она была справедливой, тем более, что с ней был согласен тренер сборной команды Михаил Давыдович Ромм. Но выше я сказал, что истин в футболе нет и потому говорю предположительно, а не категорически утвердительно.

Футбольный талант Александра созрел и раскрывался на моих глазах. Сколько я себя помню, столько я играл вместе с ним в одной команде, начиная с детской комнаты в домике на Пресненском валу, кончая играми за сборные Москвы, России и Советского Союза. Разве что в каждой из этих

команд он начинал выступать на год-два раньше меня.

Он шел к вершине мастерства, ни разу не оступившись. Он надежно закреплялся на каждой очередной высоте своего восхождения. От третьей команды «Красная Пресня», в которую его включили в 1924 году, минуя вторую, он за год дошел до первой, став основным игроком.

В своей книжке «Большой футбол» я написал:

«... – Скрывайся! – скомандовал он. Обычно так предлагалось начинать игру в сыщики. С револьвером в руках брат выглядел весьма убедительно.

Все комнаты нашей квартиры соединялись между собой. Шурка быстро отыскал меня в Ванюшкиной комнате:

– Руки вверх!

Я и ахнуть не успел, как грохнул выстрел. Пуля, каким-то чудом минуя мою голову, ударилась о подоконник и рикошетом пробила окно...»

Как видно из этого, чуть не закончившегося трагедией эпизода, Александр в домашних играх был горяч и осмотрительностью не отличался. Но в футболе он был удивительно уравновешен и хладнокровен. Во время игры он какими-то внутренними регуляторами поддерживал пыл сердца и охлаждал рассудок. Его способность мгновенно оценить неразбериху на футбольном поле была поразительной. Он почти не ошибался в своем предвидении развития атаки противника и в нужный момент, казалось бы, самый критический и необратимый, вдруг неожиданно возникал перед прорывав-

шимся форвардом и забирал у него мяч. Представьте, каким высоким процентом эффективности обозначалась его игра, если к сказанному добавить, что он быстро бегал, имел прекрасный, равноценный с обеих ног удар, был высоко оснащен технически и великолепно играл головой.

Пожалуй, действительно стопроцентный!..

Примерно такого же возраста был Владимир Блинков – правый инсайд команды – младший брат Константина Георгиевича. Воспитанник Замоскворецкого клуба спорта, он к этому времени встал в первый ряд кандидатов в сборную команду Москвы. Как и старший брат, он был хороший техник и очень разнообразно действовал на поле. Противник с трудом разгадывал его загадки: то ли Володя сыграет сам, «сфинтит», то ли призовет на помощь партнера, то ли вдруг неожиданно издалека нанесет сильнейший удар носком по воротам. Он владел этим ударом в совершенстве, нередко ловя вратарей врасплох, так как удар наносился без замаха. А то вдруг длинным-длинным пасом переведет мяч на левый фланг, где не упустит возможности воспользоваться этим левый крайний Александр Холин. Небольшого роста, некрупного сложения, Холин, однако, обладал сильным ударом с обеих ног. Бегал он, делая на ходу длинейший, казалось бы, не по росту, шаг. Мяч вел одинаково искусно и левой и правой ногой, не снижая скорости, благодаря чему противник легко поддавался обману: трудно угадать, куда он двинется – влево или вправо. Пока тот сообразит, а Александр уже в

штрафной площадке заносит ногу для беспощадного удара по воротам.

Его «каверзы» я испытал, будучи дебютантом в игре за команду мастеров в 1926 году против команды «Трехгорки», за которую выступал Холин. Он так быстро скользнул мимо меня в центр штрафной площадки, что я глазом не успел моргнуть. Пытаясь наверстать упущенное, я сделал опрометчивый подкат сзади: Холин мяч упустил, но, поверженный, лежал на земле. Судья назначил одиннадцатиметровый удар.

Помню соболезнующий, без укоризны взгляд Александра, когда мяч устанавливали, чтобы произвести удар. Он понимал, как никто, что творилось у меня на душе. «Опять руки вверх!» – мелькнуло у меня в голове. Но судьба сжалилась надо мной вторично. Пенальти нам не забили.

Самым старшим в команде был Николай Троицкий, Он выступал еще за команду «Новогиреево» на месте правого инсайда. Центровая тройка – Троицкий, Цыпленков, Канунников – считалась в Москве грозной силой. «Поп», – как нарекли его футболисты, по-видимому за фамилию, распространенную среди священнослужителей, – был приглашен Михаилом Давыдовичем Роммом в команду за опыт, мастерство и спортивную злость. Ой оправдал выбор тренера и чаяния московских любителей футбола.

О Федоре Селине, Петре Исакове и Николае Старостине я говорил выше. Это был морально-психологический стержень команды, укреплявший боевой дух коллектива, вселяв-

ший уверенность и в старшее и в младшее поколение.

Вот какой была команда, которую спешили посмотреть на новом стадионе в Петровском парке московские жители.

Волнений было много. Как бы ты ни верил в силу своей команды, все равно в душе полно сомнений. Первое – сильнейшие ли отобраны? Тогда сборную команду составляли коллегиально. На президиуме футбольной секции Москвы шли бурные споры. В отличие от сегодняшней практики, когда тренер безраздельно властвует сборной командой, тогда он, впервые возглавивший подготовку сборной, подчинялся общему мнению. Кандидаты в сборную утверждались голосованием. О достоинствах того или иного игрока представители клуба говорили со страстью. Выступления футболиста за сборную команду считалось высшей честью для клуба. Конечно, в пылу возбужденных споров не обходилось и без ошибок. Бывало так, что после бесконечного количества безрезультатных голосований, вдруг большинство голосов набирала кандидатура заведомо слабейшего игрока. Но эти исключения подтверждали правило, что коллективное мнение в конечном счете ближе к объективной истине, нежели мнение одного специалиста.

В данном случае тренер Ромм сумел, с одной стороны, убедить секцию в полезности отдельных игроков из нового поколения, с другой, нашел в себе силы согласиться с отдельными кандидатурами, выдвинутыми президиумом.

Выступление команды Москвы на спартакиаде было

в центре внимания спортивной общественности столицы. Всех интересовал состав, ведь сборная выступала не каждый день.

– Коля, верно ли я слышал, что тебя Ромм на правого инсайда поставил? Он что – с ума сошел! – не дожидаясь ответа, резюмировал дядя Митя.

Михаил Давыдович действительно решил реконструировать команду. Место правого инсайда у него не «заполнялось». Ветерана он ставить не хотел, а сильного молодого не находил. У него и возникла мысль поставить брата Николая. Но, не дожидаясь критики, он изменил решение после тренировочной игры и остановился на кандидатуре Троицкого, сохранив Николая на месте правого крайнего форварда...

В жаркий августовский день огромная чаша стадиона «Динамо» заполнилась до отказа. Команда Ленинграда выбежала на разминку в традиционных голубых футболках и белых трусиках. Зрители тепло приветствовали непререкаемых лидеров русского футбола – Петра Филиппова, Павла Батырева, Петра Ежова, Петра Григорьева, Михаила Бутусова. С ними вышел сам Евграфыч, когда-то москвич, а теперь ленинградец, – непревзойденный мастер игры в воротах.

Правда, к этому времени москвичи чаще выходили победителями над ленинградцами, чем это имело место в более ранние годы, но все равно, авторитет гостей столицы давил на сознание и сеял смятение в душе.

Начало игры усугубило тревогу за исход встречи. Вско-

ре после свистка судьи правый крайний нападающий ленинградцев Петр Григорьев, пройдя по флангу, остро отпасовал мяч Бутусову, и грозный ленинградец внес его грудью в ворота хозяев поля.

Продолжающиеся атаки футболистов в голубых майках ничего хорошего москвичам не сулили. Ленинградцы вели игру в традициях свой школы, разыгрывая многоходовые комбинации с помощью коротких передач. Играли красиво. Бутусов получил возможность забить второй гол. Но в последний момент «стопроцентный» защитник изловчился ликвидировать опасность.

А в середине тайма наступил перелом. Его внес важнейший футбольный фактор: быстрота! Московская школа футбола первой заповедью для всех футболистов определила – кратчайшим путем быстро к воротам противника!

Об этом не забывал и Леута. Овладев мячом, он, не раздумывая, передал его на правый край Николаю. Вот тут-то и сказались его годы борьбы за скорость. Десятки рывков в день, тысячи за год, десятки тысяч за время от «Горючки» до стадиона «Динамо». Он получил мяч в районе средней линии и начал скоростной рейд одновременно с быстрого хавбеком из Ленинграда Гуськовым, специально отряженным для прикрытия Николая. На старте ленинградец проиграл москвичу полтора метра. Но еще полсотни метров до ворот с мячом в ногах. Под гул трибун устремился форвард «кратчайшим путем» к воротам Соколова. Гуськов,

запрокинув голову, по-спринтерски высоко поднимая колени, помчался в погоню. В ходе этой битвы за пространство хавбеку удавалось сократить разрыв до полуметра, но, когда он готовился выбить мяч, форвард молниеносно толкал кожаный снаряд вперед, увеличивая скорость и восстанавливая первоначальную дистанцию – дистанцию отдаления. Два... три... четыре... Такие спорадические усилия придали этой борьбе на короткой дистанции незабываемое впечатление. Финал схватки усилил эффект: мимо выбежавшего навстречу Соколова Николай пушечным ударом направил мяч в сетку ворот ленинградцев.

К концу тайма схватка повторилась. Как будто бы публике показывали вторично один и тот же эпизод, как это делается на экране телевизора. После счета 2:1 хозяева поля сделали хозяевами игры. Во втором тайме два гола забивает Блинков и один Холин. Два гола престижа, забитые ленинградцами, ничего не решали. Сборная Москвы вышла в финал спартакиады...

Турнирные трудности в футболе прямо пропорциональны высоте. Как в горах: чем выше, тем труднее дышать, так и здесь, чем выше команда в графике турнира, тем труднее играть.

Москвичи уже знали, что их противником в финале будут украинские футболисты. Во втором полуфинальном матче они выиграли у уругвайцев, которых мы с таким трепетом и любопытством ждали. Победа москвичей утверждала их как

сильнейший отряд отечественного футбола. Поражение же оборачивалось утратой наметившегося лидирующего положения, а вместе с тем и сомнениями: дескать, какие там у вас преимущества, какая там московская школа!

Финальный матч москвичи выиграли со счетом 1:0. Решающий гол забил Николай Троицкий. Ветеран русского футбола поставил точку в последней главе своей большой футбольной карьеры. Он как бы передавал наказ дальнейшим поколениям земляков – бейте, не боясь промазать, будьте смелее в ударах по воротам! Гол он действительно забил лихо. Вот как написал об этом Михаил Давыдович Ромм, долго размышлявший, ставить или не ставить на игру ветерана Троицкого:

«...Получив мяч, заслуженный новогиреевец тряхнул стариной: не останавливаясь, прямо с ходу, почти без взмаха, всадил его возле самой стойки в ворота...»

А дядя Митя, привыкший к сопоставлениям из охотничьей жизни, участвуя в застольном обсуждении финального матча, коротко сказал:

– Молодец «Поп», как из штуцера саданул! – и уничтожающе взглянув на двоюродного брата, добавил: – А ты, Кирсан, говоришь «Ходынка». Чудак, ей-богу!..

Все были сильно взбудоражены победой москвичей. Сборная команда столицы, в виде поощрения, командировалась в Австрию.

ПРОФЕССИОНАЛЫ

Еще когда мы мальчишками гоняли тряпичный мяч, то слышали немало легенд о великих профессиональных волшебниках футбола. Говорили, что хавбек сборной команды Уругвая Андрадэ, негр, показывал чудеса на парижском стадионе «Коломбо» во время Олимпийских игр 1924 года. Будто бы уругваец принял мяч на голову в центре поля и побежал с ним к воротам противника – «словно котелок надел на голову», – да так и прошмыгнул в ворота мимо ошеломленного вратаря.

И верили. А попробуйте усомниться, если уругвайцы, впервые приехав в Европу, прошли в товарищеских пред-олимпийских матчах победным «церемониальным маршем» по ее стадионам. Уругвайские футболисты стали тогда не менее популярны во всем мире, чем сейчас бразильцы. И олимпийский турнир они выиграли без особого напряжения. А затем повторили триумф на следующих Олимпийских играх в Антверпене. Как тут не поверишь в фантастические возможности профессионалов!

Однако здравый смысл самих футболистов не покидал. Как бы ни пугали их заморскими чудесами, они больше видели, лучше знали и понимали игру и не поддавались сказочным измышлениям людей, только понаслышке знакомых с профессиональным футболом. Правда, не было мальчиш-

ки, который бы с восторгом не произносил имени Заморры, легендарного вратаря испанской сборной команды, считавшегося «непробиваемым». Но когда заходил разговор о профессионалах, футболисты защищали достоинства своего любительского футбола, уверенные, что «не боги горшки обжигают».

Действительно, наш футбол был чисто любительский. Но он набрал достаточно сил, чтобы мы без страха слушали о профессионалах. С турками играть нам уже стало неинтересно. Мы были значительно сильнее и зарубежных рабочих команд. Двухзначный счет, который мы показывали в международных встречах, ни нас, ни зрителей не устраивал. Однажды, когда наша команды играла с представителями рабочего французского спорта и счет перешел на третий десяток в пользу хозяев, зрители выбежали на поле и, изъявляя самые дружеские чувства французским гостям, восторженно проводили их в раздевалку до окончания матча. Братская солидарность, непосредственное общение с зарубежными футболистами оказались более по душе и гостям и зрителям, чем потерявшая спортивный интерес игра.

Мы горели желанием сразиться с заморскими «кудесниками». Это произошло в 1934 году.

Только что закончился скандальный финал мирового чемпионата. Хвастливый и нечистоплотный «дуче», диктатор Италии Муссолини пообещал баснословные премии «Скуадра-адзурре» сборной команде Италии. Как писала

пресса, было оказано давление на судью. И римский стадион, на котором выступали в финальном матче хозяева поля против сборной команды Чехословакии, сделался ареной спортивной несправедливости. Гости показали великолепный футбол. Левый крайний команды Пуч блестящим ударом вывел команду вперед. Чехословацкие футболисты захватили инициативу. По признанию специалистов, обозревателей и спортивных журналистов, весь матч превосходство было на стороне чехословацких футболистов. Но победу у них отняли в самом конце игры неправомерно засчитанным голом. В дополнительное время при попустительстве судьи итальянцы забили решающий гол в ворота сборной команды Чехословакии.

Имена чехословацких футболистов сделались широко известными во всем мире. Вратарь Планичка встал вровень с Заморрой. Защитник Женишек, полузащитник Неядлы, нападающие – Свобода, Сobotка, Пуч – вошли в элиту мирового футбола. Однако официальным вторым (после Уругвая) чемпионом мира стала сборная команда Италии.

Вернувшихся в Прагу футболистов встречали с триумфом. Старожилы говорили, что со времени приезда австрийского императора Франца-Иосифа пражские улицы не были так запружены народом, как в этот день. Болельщики прямо с вокзала разнесли футболистов по домам на руках. Чехословацкий футбол вышел на переднюю линию в мировом футболе. Он получил за рубежом всеобщее признание.

Вот с лучшими представителями этой школы и выпало московским футболистам встретиться в том же 1934 году, вскоре после второго чемпионата мира.

Слух о предполагаемой встрече с профессионалами распространился по всей Москве. И как это часто бывает, новость обрастала нелепостями. Никто ничего не знал: кто поедет, куда поедет, с кем предстоит играть... Говорили и об Уругвае, как одной, из самых популярных команд у наших любителей футбола. С чьей-то легкой руки команду тбилисского «Динамо» стали называть в прессе «Большие уругвайцы».

К концу лета горизонт прояснился. Оказалось, что спортивная делегация поедет в Чехословакию. Вот тут-то и началось всемосковское обсуждение. Мы, футболисты, узнали об этом по возвращении из Парижа. Сборная команда столицы вернулась из Франции в почетном звании обладателя Кубка Мира рабочих спортивных организаций. Сильнейшим нашим противником была сборная команда Норвегии. Мы не без труда выиграли у нее финальную игру и стали победителями турнира. Международные официальные турниры легко не выигрываются, даже среди любительских команд. Конечно, они уступают по напряженности турнирам с участием профессионалов. Но все равно у победителей есть основания испытывать гордость. Вот мы и приехали в приподнятом настроении с чувством исполненного долга.

И все же известие о поездке в Чехословакию приняли с

большим волнением. «Ведь с профессионалами!» —осмысливали мы степень трудности предстоящей задачи. Уж очень много неизвестных было в этом футбольном уравнении.

В свои силы мы верили и полагали, что их не мало. Но мы «не знали брода», а нас, где бы ни судачили о профессионалах, пугали глубиной водоема. А вера нуждается в укреплении. Часто доброе слово друга и есть самый целительный бальзам для сомневающегося.

Как это ни покажется, может быть, странным, но слова одобрения я слышал не столько в среде футбольной, сколько от людей искусства, театра, литературы. Я уже говорил, что футбол в то время завоевал всеобщую любовь москвичей.

Мне особенно было приятно, что многих артистов увлек футбол.

...С Михаилом Михайловичем Яншиным нас связала общность интересов: театр, спорт, литература, бильярд, живопись, цыганское пение и бега. Я познакомился с ним, когда он стал знаменит «Лариосиком». В то время это был изящно сложенный молодой человек. Возвращаясь домой из театра, он так легко и грациозно мог пробежать мазурку по московскому тротуару в паре с Лялей Черной, что позавидовал бы профессиональный танцор. Задушевно пел: «В тень зеленого старого дуба голосистая птичка попала»... Словом, был в расцвете жизненных и артистических сил.

Но что характерно для него, что с первого дня общения с ним замечалось всеми, это нелицеприятность суждения.

– Да будет вам ерунду-то городить! Играли плохо... И вы в том числе. А судья тут ни при чем!.. – не раз я слышал от него. Это всегда злило, но не обижало. Несмотря на «крупные стычки», добрые отношения не прерывались и сохранились до сих пор. Когда нужно привести в чувство зазнаек, а они всегда в спорте есть, я обязательно приглашаю «в гости» к футболистам Яншина. Он хорошо отрезвляет и руководителей и игроков. И самое главное, не вызывают обиды его слова, потому что он нелицеприятно служит правде.

Вот и тогда, когда по всей Москве судили и рядили о встрече с профессионалами, он с открытым забралом шел в бой за наш футбол против нытиков и маловеров, против тех, кто предрекал двузначный счет в пользу наших будущих противников.

В какой-то степени полемика тех времен перекликается с нынешней в хоккее с шайбой. Только с той разницей, что наши хоккеисты знают канадских профессионалов хорошо, много раз видели их, а мы только слышали об Андрадэ, что мяч он в игре, как котелок на голове носит, слышали, что Заморре гола забить невозможно, а видеть в глаза их не видели. Одним словом, сомнений было много.

Запомнился мне «брандмейстерский» сбор, как вы помните, так мы называем обычай, когда вся наша семья собирается на квартире у Николая: четверо братьев с женами да две сестры с мужьями – команда! И все мастера спорта.

В житейских вопросах у нас в семье в должной мере со-

блюдается патриархальная уважительность к старшему. Николай – глава клана по мужской линии, мать была по женской. Но в вопросах футбола никаких авторитетов нет. Только и слышно: «Да ты в футболе ничего не понимаешь!..» Крику на этих брандмейстерских сборах больше, чем на поле.

И этот раз шумели громче обычного. Тема подогревалась.

Яншин, слушая наши споры, сказал с иронической укоризной:

– Дверку в клетке открыли, говорят птице – лети! А она пятится к стенке: боится лететь, засиделась...

Где бы я в те дни ни появлялся, неизбежно заходил разговор о поездке.

И в артистическо-художественном кружке, где директором был замечательный «домовой» Борис Михайлович Филиппов, и ныне благополучно здравствующий в такой же должности, но в Центральном доме литераторов, о футболе говорили так же увлеченно, как и на Спиридоньевке, только не так громко. Говорили с любовью, верой и надеждой: «Наши побьют»...

Говорили и в бильярдной «Метрополя». Профессиональные бильярдисты, искушенные в киях, шарах и лузах за свою многолетнюю практику игры «на интерес», большие мастера бильярдной игры, не очень верили нам, «пижонам». Профессия, мол, человека кормит, тут не игра, а труд. А любитель, дескать, что? Хочу – играю, хочу – нет: увеселение.

Я всегда считал, что для всех игр, какие только существуют на свете, есть какие-то неписанные общие законы. Их формулой или параграфами не обозначишь. Они относятся к области человеческой психики, состоянию духа игрока, его характеру. По-видимому, такие категории, как смелость, решительность, самообладание, непримиримость в борьбе, составляют суть этих законов, роднящих между собой все игры.

Может быть, поэтому я с большим интересом прислушивался к суждениям всех профессионалов в том или ином виде спорта. И в данном случае профессионалы кия аргументировали свое мнение убедительно.

Прервав все споры, патриарх бильярдного спорта (кстати говоря, до войны очень интересно проходили первенства страны по бильярду) Бейлис (Александр Березин) уверенно заключил... «Наши побьют! Конечно, в спорте всякое бывает»... Я понял, почему он добавил про «всякое».

В бильярдной стоял маркером заучившийся на интегральных исчислениях бывший студент, никогда не державший кия в руках. Как-то возник спор: бильярд – искусство или ремесло? Маркер заключил пари, что он положит шар, стоящий на точке, с первого удара, шаром, стоящим на другой точке. «Тут надо всего лишь немного сноровки и математики», – аргументировал он свою уверенность. Против него спорила вся бильярдная во главе с Бейлисом. Было очевидно, что не игравший никогда маркер взял на себя задачу,

непосильную даже для самого Бейлиса.

Маркер же вымерил кий, прикинул диаметр шара, приоровился кием для замаха, многозначительно произнес – «рычаг второго рода» – и стал целить по шару. Потом нанес удар и заказанный шар со звоном «на клопштоссе» влетел в назначенную лузу!

Он отказался повторить пари. И маниакальная убежденность одного победила здравый смысл пятидесяти.

Вот какие неожиданности бывают в играх. Профессионал Бейлис, чемпион СССР по бильярду, потерпел поражение от жалкого любителя.

Кто-то верил в нашу победу над профессионалами, кто-то сомневался, но это уже не играло никакой роли. Встреча с чехословацкими футболистами была уже делом решенным. Мы, конечно, волновались, может быть, даже чуть больше, чем перед другими международными встречами. Но все чувствовали, что действительно птица засиделась на слабых встречах и пора ей лететь на широкие просторы профессиональных стадионов.

В дождливый сентябрьский вечер 1934 года сборная команда Москвы отбыла в Чехословакию для первой встречи с профессионалами.

В купе у руководителя делегации было тесно. Иван Иванович Харченко, впервые возглавивший футбольную дружину в зарубежной поездке, волновался не меньше других. Стараясь скрыть волнение и успокоиться, он шутил, смеялся с

нами и, ощупывая ноги ребятам, балагурил.

– Да разве есть сильнее ноги, – говорил он, постукивая по бедру Вадима Потапова, нашего правого края. У того действительно ноги были что чугунные тумбы – короткие, могучие.

В ноги свои мы верили. Но сердце нет-нет да зайдется, будто вниз на качелях летишь. Это хорошее волнение: безразличие чуждо спорту.

Но вот и Прага. Вся привокзальная площадь заполнена людьми. Лишь в середине этой плотной массы, крепко спаявшись друг с другом руками в живую цепь, полицейские с трудом сберегали узенький коридор, по которому мы прошли к автобусу. И на протяжении всего пути от вокзала до гостиницы «Акса» нас приветствовал народ.

Так бывало везде. Куда бы мы ни приезжали, широкие массы тепло приветствовали представителей, тогда еще очень молодой Советской страны.

Нашим противником определилась профессиональная команда «Жиденице». Лидер профессионального футбола, только что побившая всемирно известных фаворитов местного футбола – «Славию» и «Спарту».

Накануне матча радио оповестило, что в Брно потянулись специальные поезда с болельщиками из Праги. А Москва звонила, слала телеграммы – «вы их побьете»... Мы же, в нарушение всех научно обоснованных инструкций о спортивном режиме, ночь напролет не спим, ворочаясь в своих

необычно низких кроватях с боку на бок, закроешь глаза и проносятся мимо штанги, негр с мячом на голове, непробиваемые Заморры, Пучи, Планички. Сна нет.

...Переполненный стадион. Голое, без единой травинки гаревое поле. Оркестр играет государственные гимны. Стоят по линии центрального круга в красных майках одиннадцать человек – вратарь Иван Рыжов, беки – Виктор Тетерин, Александр Старостин, хавбеки – Станислав Леута, Андрей Старостин, Евгений Никишин, форварды – Вадим Потапов, Владимир Степанов, Сергей Иванов, Михаил Якушин, Сергей Ильин. Сборная Москвы. А напротив в белых футболках профессионалы.

Смотрим на них: футболисты как футболисты. Ростом не выше нас и ноги не толще. «Да, был ли мальчик-то?..» Мы ждем чудес, а может, их и в помине нет...

Раздался свисток, и мы бросились в бой, совсем не зная, что нас ожидает.

Однако через несколько минут почувствовали, что озноб неуверенности проходит. Оказалось, что противник допускает ошибки и в передачах и в ударах. Не таким уж страшным показался и дриблинг после того, как Станислав Леута, а потом Виктор Тетерин и Джек Никишин ловко отбирали мяч у пытавшихся обвести их противников. И в скорости мы им не уступали. А наши крайние форварды – Ильин и Потапов – так просто были быстрее игравших против них защитников.

Вскоре произошел эпизод из тех, которые не забываются пожизненно. Михаил Якушин прорвался в «мертвое пространство». Он с мячом да вратарь, и ни души, кто бы мог вмешаться. Наш форвард был знаменит тем, что никогда не терял самообладания. Вот и сейчас он неторопливо продвигался с мячом вперед, будучи полным хозяином позиции. До вратаря, застывшего в беспомощной позе, оставалось десять метров... восемь... шесть... четыре... А Михей все не бьет, ищет мгновение для ложного замаха. И когда до вратаря осталось метра два, он этот ложный замах сделал. Но вратарь как стоял, так и остался стоять, словно окаменевший. И Михей тихо толкнул ему мяч прямо в руки. Как на блюде преподнес. Вот как проявилось безмерное волнение.

Но ни Михея, ни кого-либо другого этот казус не обескуражил. Наоборот, прибавил уверенности. Если один раз удалось прорваться к воротам, то почему это не сделать и второй и третий.

И ребята это сделали. Сначала гол головой забил тот же Михей. «Отошел», – шутил он позже. А под конец первого тайма Вадим Потапов ворвался с правого фланга в штрафную площадку и с ее угла нанес неотразимый удар в верхний угол ворот.

На перерыв опьяненные успехом мы ушли со счетом 2:0. Приехавшие с нами спортсмены, работники советского посольства наперебой поздравляли нас с победой (а до нее было еще далеко!). Забыв про приметы, пословицы и здравый

смысл, мы смеялись и радовались, чуть ли не напевая «нам не страшен серый волк...»

Возмездие не заставило себя долго ждать. К двадцатой минуте второй половины игры счет уже был 2:2!

А вот что происходило дальше, об этом я писал в книге «Большой футбол».

«...Двадцать минут после этого штурмовали наши ворота чехи. Двадцать минут шла героическая оборона. Мы выстояли. А когда осталось играть десять минут, то среди бурно шумящего стадиона раздался отчаянный возглас Якушина:

– Володя, дай!..»

И Володя Степанов дал. Замечательный продольный пас на вырыв! Михей успел грудью протолкнуть мяч и проскочить между двумя защитниками. Нет, сейчас он не подкрадывался к воротам. Он летел стремглав на своих длинных худых ногах, неумолимо приближаясь к воротам, яростно преследуемый полузащитниками. Михей успел ударить с шестнадцати метров, и мяч с силой влетел в нижний угол ворот.

Двадцать с лишним лет прошло с тех пор. Но как ясно я вижу перед собой эту картину! Вратарь чехов в броске левой рукой тянется за мячом: сшибленный после удара на землю Якушин; мяч, пересекающий линию ворот; восторженный крик наших ребят и унылые лица чешских футболистов...»

Да, теперь уже не двадцать, а около сорока лет прошло с тех пор, но в памяти все сохранилось с прежней яркостью.

Московский футбол одержал крупную победу. Престиж

советских футболистов на международной арене заметно вырос. Известный импрессарио Бернар Леви, один из руководителей профессионального клуба «Рэсинг» в Париже, вскоре после нашей встречи с чехословацкими профессионалами предложил московским командам «Динамо» и «Спартаку» турне по Франции. Главная встреча намечалась на второе января 1936 года в Париже на стадионе «Парк де Прэнс», вмещавшем свыше 60 000 зрителей.

Выше я говорил, как она печально для нас закончилась. Наше поражение было расплатой за отставание в тактических построениях. По всей Европе уже распространилась система игры в «три защитника», а мы еще играли по схеме «пять в линию». Оставим для теоретиков разбор преимуществ той или иной системы игры. Согласимся лишь с тем, что в игре с «Рэсингом» мы тактически просчитались. И поняли это не сразу, понадобился еще урок с басками, чтобы разобраться, что хорошо, а что плохо.

Великие радости сопровождаются великим шумом, великие печали – тишиной. В раздевалке у нас после игры с «Рэсингом» царил гробовое молчание. Но хотя сборная команда Москвы и проиграла сильнейшему в Европе профессиональному клубу со счетом 2:1, престижа она не уронила. Об этом свидетельствовала пресса. Вот некоторые выдержки из газет, откликнувшихся на прошедший матч:

«Московская команда подтвердила международный класс

русского футбола. Счастье изменчиво. Вчера оно оказалось на стороне „Рэсинга“, но ничейный результат матча был бы более справедливым. Обе команды полностью оправдали доверие и чаяния своих сторонников. Исключительно хорошо играл Акимов, показавший технику, ставящую его в один ряд с такими международными знаменитостями, как Хиден, Заморра, Комби и Планичка».

«Эксцельсиор».

«Советские футболисты покорили вчера Париж. Никто не ожидал такого блестящего зрелища. Московские футболисты выявили бесспорное техническое превосходство. Их стиль – форменное откровение. Мы увидели команду, играющую с большим изяществом, легкостью и непринужденностью».

«Пари суар».

«Качество игры русских тем более достойно похвал, что они редко встречаются с первоклассными иностранными командами. Москвичи произвели прекрасное впечатление. Отличное владение мячом, хорошая обводка и ловкость – вот что характерно для них. Не хватает им умения завершать комбинации ударом по воротам».

«Журналь».

Европейская пресса высоко оценила советский футбол. Тем обиднее было сознавать, что «счастье было так возможно, так близко»...

Помню, что мы были очень удивлены, когда, прильнув к

окнам медленно тащившегося вдоль платформы вагона, увидели, что нас встречает очень много народу. В толпе мелькали знакомые и незнакомые лица. Обычно так бывает, когда возвращаются с победой.

Оказывается, все считали, что наше поражение, хотя и немало огорчило любителей спорта, но престижа советского футбола не уронило. Пока мы разъезжали по Франции: спартаковцы по югу (Тулон – Марсель – Ницца), динамовцы по северу – отзвуки о высокой оценке игры москвичей против «Рэсинга» широко распространились в спортивных кругах столицы.

– Кто такой Акимов?.. Кто такой Акимов?.. – без конца спрашивали нас, как только мы ступили на платформу вокзала.

Акимов действительно до Парижа был никому не известной фигурой. Его взяли запасным. Накануне матча, засыпая в номере небольшого отеля «Кавур» на улице Лафайет, он не знал, что к вечеру следующего дня его имя разнесется газетами по всей Европе и достигнет Москвы раньше, чем он в нее вернется.

Его многосторонний дебют – впервые защищал цвета сборной столицы, первый раз участвовал в международном матче, впервые выехал за границу – принес ему заслуженный успех. Он показал акробатическую гибкость в сочетании с удивительной реакцией. Во многих витринах парижских магазинов в те дни можно было видеть огромную фотографию,

на которой наш вратарь изображен стоящим на голове, задравши ноги выше перекладины ворот и крепко руками прижимающий к груди мяч, намертво схваченный после удара французского центр-форварда Куара.

На перроне все с любопытством рассматривали высокого, худого парня в модном заграничном пальто и светлой спортивной кепке, которому от роду было семнадцать лет.

А через три месяца он с треском провалился в Москве, выступая за «Спартак». Нервы не выдержали, он не устоял под натиском обогнавшей его славы. Ведь москвичи приехали на стадион «Сталинец» посмотреть легендарного Акимова. Надо было расплачиваться по крупному счету за те авансы, на которые не поскупилась зарубежная пресса.

Акимов в этом матче пропускал такие мячи, которые мог бы взять любой вратарь. Тяжкое испытание, однако, не сломило его. Природный талант и стойкий характер взяли верх и «парижский незнакомец» на долгие годы упрочился в лидерах советских вратарей.

Не только Акимов привлек на Белорусский вокзал массу встречающих. У всех накопилось много вопросов, ответ на которые они хотели получить из первых уст. Уже было известно и о лекции Кэмптона, и о какой-то новой системе игры, родившейся в Англии. Говорили о новом амплуа в команде – «полицейском». Но только никто не понимал, на что «напоролась» так хорошо игравшая команда, потерпевшая поражение «на тактическом просчете».

Эти вопросы посыпались на меня и дома. Мы жили тогда на Спиридоновке (ныне улица А. Толстого). На одной лестничной клетке сходились двери квартир – Николая, Петра, Серафима Знаменского, Станислава Леуты. К вечеру в небольшой моей двухкомнатной квартире нельзя было вернуться. Телефон звонил непрерывно: «Приехали? Сейчас зайду»...

Певуче, неторопливо, растягивая фразу, добродушно иронизировал Яншин: оседлали, мол, теоретики тактическую лошадку, станут на ней теперь бог весть куда скакать, а всего-то и надо было еще один гол забить.

Евгений Захарович Архангельский допрашивал меня, почему за «Рэсинг» играл англичанин Кеннеди, алжирец Куар, немец Шмидт, африканец Диань, югослав Живкович, «ведь это же сборная Европы!..»

Александр Васильевич Кожин, центральный нападающий команды «Буревестник», заведующий спартаковским спортивным магазином, резонно спрашивает, почему по воротам не били.

Мастер-наездник Павел Матвеевич Чуенко, в свою очередь, замечает, что, видимо, у команды «не хватило работы». В переводе с бегового языка на футбольный это значит, что мы были недотренированы. И он не ошибается. Ведь играли мы в январе, время далеко не футбольное для нас.

Да, классическая беговая формула «порядок бьет класс» и в данном случае себя оправдала. Французы были в своей

лучшей форме – порядок! Мы блеснули высокими техниче-скими качествами – класс!

Порядок оказался надежнее и побил класс.

Но Мартыну Ивановичу Мержанову, патриарху футболь-ной журналистики, такое элементарное обоснование нашей неудачи не по душе. Дотошнее его до теории футбола никого нет. И он со страстностью углубляется в суть вопроса.

«Почему защитники „Рэсинга“ Шмидт и Диань держали наших крайних нападающих – Ильина и Лапшина? Почему центральный полузащитник Жордан все время отсиживался в штрафной площадке французов? Кто же вел борьбу за центр поля в французской команде, если Жордан в глубоком тылу, а центральный нападающий Куар все время находится на острие атаки и не отходит назад?..»

На все его «почему» мы не можем дать исчерпывающего ответа. Прослушав лекцию Кэмптона, мы пока очень смутно представляем характер новой системы. Идем ощупью. И, не опровергая умозрительные построения Мартына Ивановича «здесь что-то есть» – и мне представляется, что есть, – я одновременно испытываю чувство личной виновности.

В самом деле, Куар играл центрального форварда. Я – центрального хавбека. Меня хвалили, говорили, что я сыграл хорошо. Но ведь именно Куар, хотя его и не очень хвалили, забил оба гола!

Безусловно, «здесь что-то есть!»... Но нам еще предстояло получить предметные уроки на футбольном поле, прежде

чем мы до конца разобрались во внутреннем механизме новой тактической схемы, во взаимосвязях ее звеньев и прочности узлов сопряжений в линиях защиты, полузащиты и нападения.

В тот затянувшийся январский вечер 1936 года спор о футболе принял, как теперь говорят, глобальный характер. Сдержанный Серафим Знаменский и закатывающийся раскатистым смехом его брат, Георгий, многократно повторяли: «Обидно, обидно проиграли, должны бы победить».

...В 1937 году к нам приехали баски. Это было огромное событие в нашей спортивной жизни. В Испании полыхала гражданская война. Мадрид не сдавался. Лозунг «Но пасаран!» был лозунгом не только испанских патриотов: все прогрессивное человечество поддерживало героический испанский народ, с оружием в руках отстаивающий свою свободу от фашистов.

Впервые мы встречали гостей такого высокого футбольного ранга. На последнем чемпионате мира в Италии испанские футболисты были признанными фаворитами, претендующими на звание чемпиона. Но жребий свел их в одной четвертой финала с хозяевами поля. Понадобилось две встречи, чтобы выявить победителя. Первая закончилась вничью 1:1. Во второй со счетом 1:0 выиграли итальянцы. Но я уже говорил, каким способом пробивались хозяева поля к золотым медалям. Несмотря на проигрыш чемпиону мира, игра испанцев в этом турнире вызвала восхищение в зарубеж-

ной прессе. Достаточно сказать, что звание «Золотого канонира» получил центральный нападающий испанской команды Исидро Лангара. А в «идеальную сборную – 34» журналисты включили четверых его партнеров – вратаря Заморру, защитника Кинкочеса, полузащитника Силаурена и нападающего Луиса Регейро.

Команда басков прибыла вечером 16 июня на Белорусский вокзал. До этого баски прошли победным маршем по стадионам Франции, Польши, Чехословакии.

Каждая профессия в какой-то мере накладывает отпечаток на внешность человека. У футболистов-профессионалов, например, сходят ли они с самолета или с поезда, приезжают ли на стадион, всегда проглядывает неторопливость в походке. То ли это от частых переездов, отъездов, приездов, то ли от подсознательного стремления беречь энергию, такую нужную им на поле, то ли от сознания «мы все видели», но уверенная поступь и размеренность движений отличает профессионального футболиста, скажем, от туриста, который первый раз приехал в город и торопится все оглядеть, едва опустит ногу с подножки вагона поезда.

Баски шли по перрону уверенно, неторопливо, солидно. Растянувшись в недлинную цепочку, с небольшими чемоданами в руках, они признательно улыбались в ответ на приветственные возгласы встречающих.

Басков долго ждали. То говорили, что скоро приедут, то проносился слух, что приехать не могут. И вот наконец они

здесь, на привокзальной площади, запруженной москвичами, пришедшими встретить спортсменов, представляющих свободную Испанию.

– Да здравствует Советский Союз, который не забывает нас в самые трагические минуты! – взволнованно воскликнул руководитель делегации Мануэль де ла Сота в ответ на приветствия встречающих.

Гости разместились в гостинице «Метрополь». Сгорая от любопытства, я отправился в гостиницу и застал их за обеденным столом в ресторане.

Здесь сидела вся команда вместе со своим прославленным капитаном – Луисом Регейро. Узкая голова, чуть намечающиеся залысины от висков в темноволосой гладкой прическе на пробор. Аскетическое, коричневое от загара лицо и море доброжелательности в открытой улыбке. Он ладно, пофутбольному, скроен: в меру широк, в меру высок, ни грамма лишнего веса. Регейро подтвердил игрой, что все звезды мирового футбола неутомимые труженики. Во всех матчах он колесил по футбольному полю в погоне за мячом, не зная усталости. Луис был настоящий капитан, пользующийся неколебимым авторитетом в команде. Он приобрел этот авторитет благодаря своей воспитанности и такту.

Его ближайший партнер в линии атаки Исидро Лангара поражал своей физической мощью. За левые взгляды франкистские газеты прозвали его «Красный Лангара» и сообщили, что он «убит наповал» при защите Барселоны. А он с ап-

петитом Гаргантюа трапезничал за столом в московском ресторане.

Это был самый габаритный центрфорвард в мировой элите бомбардиров. Исидро не обладал верткостью Сергея Ильина или математической точностью передач Петра Исакова, но он располагал грозным оружием: шел к воротам противника кратчайшим, прямым путем и при первой возможности наносил сокрушительный удар по цели. Добавьте к этому: быстрый бег, высокую технику и неустрашимость в борьбе за верхние мячи. Лангара блистательно оправдал на наших стадионах прозвище, полученное на мировом чемпионате в Италии, «Золотой канонир». В каждом матче он забивал «свой» гол.

Третьим из признанной центральной тройки гостей был Хосе Иррарогори, участник знаменитой атаки республиканцев на Вильярреаль. Футболист экстра-класса, по манере игры он был близок своему капитану, с которым они, образно говоря, составляли великолепную пару пристяжных к могучему кореннику – Лангаре.

Крайние нападающие – Горостица и Ларинага. Маленький, плотный правый крайний Горостица был быстр, смел, хитер. Ларинага среднего роста. Обладал незаурядной тактической сметкой и на прострельную передачу с правого фланга всегда поспевал вовремя, заканчивая ее пушечным ударом по воротам противника.

Особое внимание привлекал Силаурен. В Испании он был

одним из популярнейших игроков. За столом он мало походил на футболиста. Одутловатое лицо, редущие белесые волосы, упитанное тело под мешковатым пиджаком старили его. Медлительные движения и, как казалось, созерцательное отношение ко всему окружающему никак не сообразовывались с представлением о знаменитом хавбеке, включенным в состав «идеальной сборной команды мира – 34».

Но на поле он вызывал восхищение зрителей, хотя футбольная форма не скрывала его тучности – эдакий Пьер Безухов в трусах. Силаурен своим техническим мастерством и ясностью футбольной мысли показал неизмеримый диапазон возможностей мастера, даже не обладающего высокими атлетическими качествами.

Нет, я совсем не хочу сказать, что он плохо и мало бегал. Несмотря на свою полноту, он был достаточно подвижен. Однако его «коньком» была техника, помноженная на тактический расчет.

Если к перечисленным футболистам добавить имена их партнеров – вратаря Грегорио Бласко, Эмилио Алонсо, Педро Регейра, Луиса Эччебария, по классу игры находящихся в одном разряде с своими прославленными одноклубниками, то нетрудно себе представить, что за команда пожаловала к нам в гости.

...В жаркий июльский день стадион «Динамо» был заполнен до отказа. В таких случаях говорят: яблоку негде упасть. В дирекцию стадиона из разных городов страны поступило

коллективных заявок на два миллиона билетов! Ажиотаж вокруг матча был невообразимый.

Дебют басков в матче с московским «Локомотивом» превзошел все ожидания. Немного команд в истории мирового футбола могли бы оставить такое впечатление о своей игре, какое оставили баски. Их игра была насыщена творческим мастерством, артистизмом исполнения, с той зрелищной красотой, которая позволяет футбол относить к одной из категорий искусства. Они произвели такой же фурор, как сборная команда Бразилии на чемпионате мира в Швеции.

Баски выиграли у «Локомотива» со счетом 5:1. Гол престижа в ворота басков забил воспитанник орехово-зюевского футбола, потомок знаменитых «Морозовцев», выступавший за «Локомотив», Петр Теренков.

А дальше гости пошли пожинать лавры успеха в Тбилиси и в Минске, в Киеве и еще раз в Москве. Во всех городах они одержали победы. Лишь сборная Ленинграда сумела свести с ними игру вничью: 2:2.

Когда гости, имена которых, теперь были известны каждому мальчишке, вернулись в Москву, то им предложили сыграть в столице еще два матча: реванш с московским «Динамо», у которого они выиграли в первой встрече со счетом 2:1, и чемпионом страны «Спартаком».

Баски домой не торопились. Территория, где находились их родные дома, была оккупирована франкистскими мятежниками. В последующем большинство из них в Испанию не

возвратилось. Об этом я расскажу позднее.

Гости согласились сыграть с московскими командами – «Динамо» и «Спартаком».

В моей книге раньше я писал:

«Испанцы тоже готовились к реваншу. На первых же минутах игры они обрушили на динамовцев всю мощь и силу своей футбольной машины. Да, именно машины, которая слаженно, четко и планомерно развивала атаки. К тридцатой минуте счет был 4:0 в пользу испанцев.

Вся наша команда приехала смотреть этот матч. Теперь нам нужно было до тонкости изучить все тактические приемы нашего будущего соперника.

Растерянно глядели мы на поле, когда по влажной после дождя траве катилась эта казавшаяся неуправляемой лавина испанского нападения и пушечными ударами расстреливала динамовские ворота.

В начале игры четыре-ноль! Да что же это такое!

Динамо, сделали почти невозможное. К началу второй половины игры они сравняли счет. Какое титаническое усилие! Но у басков остался еще не исчерпанный запас энергии. Лангара, Эччебария и еще раз Лангара заставили динамовцев трижды начать игру с центра поля. «Динамо» проиграло со счетом четыре-семь.

Теперь вся надежда была на нас, на «Спартак»...

Здесь следует несколько слов сказать о главном: чем знаменателен был приезд басков для нашего футбола.

Индивидуальное мастерство, техника наших гостей соответствовали высшим международным стандартам того времени. Однако для нас все это не являлось откровением. В Чехословакии мы встретились с игроками, входившими в состав сборной этой страны, которая на чемпионате мира в Риме стала серебряным призером. В той же «идеальной сборной – 34» на месте левого инсайда красовалась фамилия Неедлы. Планичка, Женишек, Пуч, Свобода, Сobotка были известны в мире не менее наших прославленных гостей. Нам уже довелось видеть их мастерство в игре. Но дело было не в индивидуальном мастерстве. Первоклассные солисты были и у нас. Испанцы продемонстрировали нам силу сыгранного ансамбля в новой, для нас еще не распознанной системе игры «в три защитника», показав, что в этом главное отличие ее от устаревшей системы «пять в линию». После их отъезда для нас перестали быть секретом особенности новой системы.

Неискушенным в вопросах тактики игры в футбол следует вкратце рассказать, к чему сводилась суть дела. В нашей системе «пять в линию» команда конструируется по принципу – два защитника, три полузащитника и пять нападающих. О вратаре спора нет: он при всех системах один.

При такой расстановке игроков персональные функции по опеке противников выполняют два крайних хавбека. Они неусыпно следят за крайними нападающими противника. Два бека – левый и правый – охраняют зону перед штрафной

площадкой. Центральный хавбек – основной организатор атак своей пятерки форвардов и одновременно дезорганизатор игры центральной тройки форвардов противника. Прямо скажем, задача у центрального хавбека была архитрудная. Но с этим мирились, потому что противник играл по той же схеме.

Заметим, что тренерская мысль все время ищет пути прорвать оборону противника, ведущего игру в закостеневших тактических формах. И вот в английском футболе возникла идея изменить изначальную расстановку игроков, чтобы создать благоприятные условия для атаки. Английские тренеры функции хавбеков передали бекам, широко расставив их по флангам поля. Центральный хавбек перестал существовать, так как игрок на это амплуа был оттянут назад и превратился в центрального бека. Два хавбека с флангов поля переместились к центру, сблизившись для лучшей организации игры. Вместе с оттянутыми назад двумя инсайдами они составили тот четырехугольник, который стал главным тактическим устройством, организующим комбинационную игру команды.

В передней линии остались три форварда. Центральный занимает позицию прямо против вратаря – кинжал, нацеленный в грудь последнего защитника линии обороны команды.

Теперь мы поняли, почему Куар в парижском матче забил два гола: против кинжала не был выставлен щит. Против остронацеленного на ворота центрального форварда дол-

жен был играть центральный бек, а у нас играли левый и правый. «Ворота» штрафной площади были открыты, «нарушитель» проникал через них раньше, чем они успевали сомкнуться. Так Куар, будучи за спиной у меня и имея слева и справа широко расставленных противоборствующих беков Александра Старостина и Льва Корчебекова, сумел два раза беспрепятственно проскочить в штрафную площадь и поразить цель.

Теперь «нарушителем» на наших полях был Лангара. После долгих размышлений и споров большинством тренерского совета было принято решение переквалифицировать меня из центрального хавбека в центрального бека. В предстоящем матче я персонально должен был заблокировать Лангару.

– Неужели вы приняли на себя такую унижительную должность, – возмущенно говорил мне Юрий Карлович Олеша. – Ведь это же неблагородный труд разрушителя!

Я отшучивался, но в глубине души оставалась досада. С широких просторов футбольного поля я переходил на ограниченный участок, радиусом примерно в двадцать метров. Задача упрощалась, разрушать всегда легче, чем созидать. Возможности для творчества сокращались до минимума, а ответственность возрастала неизмеримо. Когда забил гол Куар, мы так и не нашли прямого виновника. Теперь, если забьет Лангара, первый спрос с меня.

В такое же положение попадали и беки. Раньше у нас тро-

их был простейший план игры. Выходя на поле, мы договаривались взять под общий контроль одного из наиболее опасных игроков центральной тройки противника, а остальное, мол, «по игре», то есть действовать в соответствии с игровой ситуацией. Но этого «остального» за полтора часа матча возникало столько, что самый скрупулезный анализ не мог выявить, кто был прав, а кто виноват, когда центральной форвард той стороны забивал гол в наши ворота. Теперь беки тоже облекались полномочиями персональной опеки: правый бек отвечал за левого края противника, а левый – за правого.

В этом и заключалась основа тактической реконструкции. ...Мы вышли на игру с басками в прощальном матче под флагом московского «Спартака». Команда была усилена футболистами из других клубов. Вот ее состав: Анатолий Акимов, Виктор Соколов, Андрей Старостин, Александр Старостин, Александр Михайлов (все «Спартак»); Константин Малинин (ЦДКА); Виктор Шиловский (киевское «Динамо»); Владимир Степанов, Виктор Семенов (оба «Спартак»); Константин Щегодский (киевское «Динамо») и Григорий Федотов (ЦДКА). Кроме них, в ходе матча включились в игру Петр Теренков («Локомотив»), Станислав Леута, Петр Старостин и Георгий Глазков (все «Спартак»), заменившие выбывших из-за травм.

Много страстей кипело в этой футбольной схватке. Забил свой гол Лангара. Классическим ударом поразил воро-

та Акимова Иррагори. Но наши ребята не остались в долгу. Неудержимо штурмуя оборонительные рубежи испанцев, они забили шесть мячей в ворота Грегорио Бласко. И не в одном из пропущенных голов нет доли вины этого замечательного вратаря.

Московский футбол одержал крупную победу. Победа была важна не только тем, что подняла престиж нашего футбола. Главная ее ценность заключалась в другом: она подтвердила правильность выбранного пути, необходимость тактической перестройки нашего футбола.

Настал период становления системы «дубль-ве», названной у нас системой «три защитника».

Все новое внедряется отнюдь не безболезненно. Недовольство реформой высказывал не только Юрий Карлович Олеша. Его позиция как художника, создателя, была в определенной мере оправдана. Он любил и воспитался на романтическом футболе, где творческие проявления ничем не ограничивались и рыцарский дух победы витал выше каких-то опекунских обязанностей. Защитники о них не знали, не говоря уже о его кумире Григории Богемском.

Странно, что новую систему критиковали специалисты. Вот что писал один из них в газете:

«Игра Андрея Старостина тактически не может быть оправдана. Занятая им позиция в глубине обороны лишает спартаковское нападение должной поддержки со стороны своего центрального полузащитника».

Я хорошо помню свои сомнения в то время. С одной стороны, иронические намеки: «Что это ты все сзади да сзади трусишь?» Или: «Не успеваешь, что ли, вперед-то, старый стал?» С другой, за моими плечами был горький опыт: мне уже довелось сыграть и против «неистового каталонца» и против Вахаба, свежи были в памяти Куар и Лангара.

Но как бы ни цеплялось за жизнь отмирающее – новое победит. Вчерашнее уступит место сегодняшнему, на смену которому придет завтрашнее.

Я никогда не рассматривал систему, схему, тактический вариант как догму, которая рождает успех. Может быть, поэтому, всегда больше верил в талант игрока, нежели в тактические разработки тренера. Мне довелось однажды видеть, как известный тренер и его помощник изнемогали от бесплодных усилий найти формулу квадратуры круга – добыть на макете с металлическими фигурками двадцати двух футболистов неопровергаемую победу в предстоящем матче.

Уже брезжил в окно утренний рассвет, а они все двигали фигурки, вопрошая в тысячный раз: «Ну, а если я сюда?» – и слыша неизменный ответ: «Тогда я – сюда» – и атаковую фигурку тут же встречал противник. Двухсантиметровый «лангара» никак не мог справиться с оловянным центральным защитником. Ничейная смерть на макете торжествовала победу. Лишь однажды – как о курьезе, рассказывал мне об этом Виктор Александрович Маслов – поражение было неопровергаемо. И только потому, что на макете у од-

ной стороны оказался лишний оловянный футболист.

Однако нигилистически относиться к тактике было бы дилетантством. Тактика очень важный компонент футбола. Это все время изменяющийся процесс развития игры, рождающий все новые и новые формы. Речь идет лишь о том, что футбол, как жизнь, не терпит догматизма, а стремится к обновлению.

Такой новой формой и явилась для нас система «три защитника». За последующие два года у нас не осталось ни одной команды, которая не перешла бы на игру по новой системе.

Московский футбол тактически перевооружался быстро. Команда «Торпедо», под руководством тренера С. В. Бухтеева, победоносно начала очередной чемпионат страны. Быстро освоенная расстановка игроков по новой схеме позволила футболистам автозавода имени Лихачева наносить поражение за поражением лидерам чемпионата. Однако спартаковцы не отстали от них в тактическом перевооружении и по спортивным результатам пришли на финиш сезона впереди всех.

Успешно выступая в новом тактическом качестве, московский «Спартак» установил своеобразный футбольный рекорд, не побитый до сего времени. Два года подряд – 1938-й и 1939-й – команда была чемпионом страны и обладателем кубка СССР. Новая тактика «три защитника» укоренилась в московском футболе надолго.

ЧЕМПИОНАТ СТРАНЫ

В 1936 году произошло крупнейшее событие в истории нашего футбола. Высшими спортивными инстанциями было принято решение о проведении первенства СССР для клубных команд и розыгрыше Кубка СССР по футболу.

Теперь уже не сборной команде Москвы, в которой приходилось пребывать половину сезона ведущим игрокам клубных команд, а отдельным клубам предстояло защищать честь столичного флага. Справедливости ради следует сказать, что в то время за сборной Москвы не было славы непобедимой команды. Терпела она поражения и от ленинградских, харьковских, киевских, и других футболистов. Но все же сборная столицы чаще других выигрывала официальные встречи на республиканских соревнованиях, в матчах трех и четырех городов с участием Москвы, Ленинграда, Харькова и в последнее время Киева.

Теперь право представлять Москву в первом чемпионате страны получили «Динамо», «Спартак», ЦДКА, «Локомотив».

Московские болельщики не обманулись в своих надеждах. Успех в первых всесоюзных клубных соревнованиях выпал на долю трех московских команд. Динамовцы выиграли весеннее первенство страны. Они стали первыми чемпионами Советского Союза по футболу.

В острой финальной борьбе «Локомотив» одержал победу над тбилисским «Динамо» и стал первым обладателем Кубка СССР.

Утешение к спартаковцам и их приверженцам пришло осенью того же года.

Москва тогда располагала лишь одним крупным стадионом – динамовским, в Петровском парке. У «Спартака» своего стадиона в Москве не было, нет его, к сожалению, и сейчас. Играть приходилось в Сокольниках и на Стромынке. Этот осенний матч на финише чемпионата, в котором решалась судьба золотых медалей, проходил на Стромынке. Болельщики у «Спартака» – люди преданные и решительные. Ни осенний дождь, ни холодный ветер, ни расстояние, ни давка не помешали им приехать на стадион. Народу собралось видимо-невидимо. Многие остались за воротами. Я не очень удивился, когда на деревянной трибуне стадиона увидел Алексея Николаевича Арбузова и режиссера Валентина Николаевича Плучека. Они, видно, решили присутствовать при рождении успеха или пережить вместе с нами великую печаль.

Вдруг под напором болельщиков ворота стадиона не выдержали и широко распахнулись. Неудержимым потоком в них устремился народ. Лавина неслась к трибунам и, к великому моему изумлению, из гущи толпы вынырнули Юрий Карлович Олеша и Александр Александрович Фадеев.

С взлохмаченной гривой седеющих волос, в пальто, за-

стегнутом на одну верхнюю пуговицу и фалдами расходящимися книзу, Олеша возбужденно выкрикивал:

– Вот, наш голубой Сандро решил доставить мне удовольствие!

А Фадеев – молодое, задорное лицо, седые в голубизну волосы – залиvisto смеется, отшучиваясь словами из своей любимой песни: «Любо, братцы, любо, любо братцы жить!..»

Я припомнил нашу первую встречу. Это было в Сухуми. У буфета гостиницы «Рица» стояла очередь пестро одетых отдыхающих. Жара разморила людей, в обеденное время всем хотелось освежиться. Последним в очереди стоял высокий, с моложавым лицом, не по погоде одетый человек: он был в защитной гимнастерке, галифе и сапогах.

– Вы последний? – спросил я его, встав за ним в очередь.

– Теперь вроде бы вы, – ответил он.

Задиристый на иронические выпады на этот раз я совсем не почувствовал язвительности в ответе: чего, дескать, спрашиваешь, – не видишь, что ли. Наоборот, тон был полон благожелательности. Да и весь облик его светился какой-то голубизной. Потом я понял почему: у него были ясные, голубые глаза и не по возрасту седые в голубизну волосы. Открытое лицо с чуть припухлыми губами, улыбка, которая приоткрывала белые зубы, загар цвета светлой бронзы – все дышало простотой, жизнерадостностью и вызывало ответную улыбку. Помнится только, что я никак не мог взять в толк несоответствие, даже несуразность его костюма. Впо-

следствии он мне разъяснил, залиvisto смеясь, что какая-то спешка не позволила ему «принять вид джентльмена».

Мы разговорились. Коснулись футбола. Наша команда как раз плохо сыграла в Сухуми. Я искусственно (любые неудачи я переживал тяжело) отшутился: играли, мол, по малому счету, игра никакого значения не имела. Он, став серьезным, сказал, что играть надо «всегда по большому счету».

Когда подошла наша очередь, буфетчица вопросительно поглядела на нас в ожидании заказа: сухое вино наливалось в маленькие и большие кружки.

– Две больших, – попросил я и, обратившись к своему собеседнику, добавил: – Будем играть по большому счету?

Он ответил залиivistым смехом. Мы немало времени просидели в буфете. Я прикипел к нему сразу, еще не зная, с кем веду беседу: он отрекомендовался просто Саша.

Но когда мы сели в лодку и выгребли в море, я уже знал, что он Фадеев, знаменитый автор «Разгрома». Это выяснилось в разговоре. Однако свойственная людям стеснительность при знакомстве со знаменитостями в данном случае меня не сковала: не было к этому повода. Наоборот, отношения упрощались с каждой минутой: он опустил весла, снял гимнастерку, стянул сапоги, размотал портянки, освободился от галифе и остался в коленкорových белых исподних, завязанных у лодыжек тесемками. Встав на сиденье и вытянув вверх руки, он, как завзятый пловец, ринулся в воду.

Пловец я не ахти какой, но сидеть в лодке было почему-то неловко, и, раздевшись, я последовал за ним. Здесь я сыграл действительно по большому счету: мы были далеко в море и до берега я бы не доплыл. Вся надежда была на лодку, к которой я и старался быть поближе.

После того как мы высадились на берег и уединились на пустынном пляже, блаженно растянувшись на песке под косыми лучами еще не спрятавшегося солнца, я, посмеиваясь над собой, рассказал ему о моих страхах перед прыжком с лодки.

– А я это видел, у тебя на лице все было написано, – сказал он, глядя в небо.

Согласившись, что по лицу можно прочесть многое, я рассказал ему случай из своей школьной жизни. В классе расследовался дерзкий проступок – хулиганская надпись на доске в адрес одного из учителей. Класс знал виновника, но упорно хранил молчание. Увещевания и убеждения всеми любимой старшей преподавательницы Елизаветы Николаевны, что сговор по укрывательству виноватого лишен логики, так как класс защищает неблагородного человека, раз у провинившегося нет смелости сознаться и снять со всего класса ответственность за аморальное молчание, не действовали. Класс молчал как немой.

Тогда Елизавета Николаевна потребовала, чтобы каждый ученик выходил к доске и, обращаясь к классу, говорил одну фразу:

– Товарищи, это сделал не я!

Уже больше половины учащихся прошли испытание, а виновный не находился. Преподавательница продолжала вызывать следующего. И вдруг после очередного признания «Товарищи, это сделал не я!» Елизавета Николаевна, вспыхнув как маков цвет, обличительно заявила:

– Неправда, Булыга, это сделал ты!..

Фадеев встрепенулся и переспросил фамилию ученика. Я повторил. А он вдруг, по-фадеевски, залился смехом. В самом деле, получился курьез. Герой моего рассказа оказался однофамильцем Фадеева, у которого была вторая фамилия – Булыга.

За долгие годы последующих частых общений мы всегда в шутовском тоне задавали друг другу вопрос: «ну, что ты читаешь на моем лице?» Однако не этим курьезным совпадением фамилий запомнилась мне первая встреча с Фадеевым. Навсегда в память врезалось его мгновенно посерьезневшее лицо, когда он сказал мне, что «играть надо всегда по большому счету».

Сколько я его знал, он руководствовался этим принципом и в жизни. Он был коммунистом и разумом и сердцем. Любил народ и верил в него бесконечно.

Почему-то в жизни так сложилось, что все меня называют Андрей: друзья, приятели, братья, сестры. А Фадеев говорил: «Андрюша». Суровая школа жизни не лишила его природной душевности.

Помню вечером в военную пору пришли мы с ним ко мне домой на Никитский бульвар. Поднялись на третий этаж, зашли в столовую, задраили окна портьерами, разложили на столе закуску, поставили бутылку очень в то время ходового вина зеленого цвета «Тархун». Только что налили по чарке, как за окном вдруг бабахнет. Мы бросились к окну – весь двор был освещен необычным светом. Зажигательная бомба упала. Началась первая бомбежка Москвы. Смотрим, наш дворник старик Пахомыч, с ведром и лопатой торопливой трусцой бежит к бомбе. И тут же засыпал «зажигалку» песком, погрузив двор в непроницаемый мрак.

Маленький старичок, ходивший летом по деревенской привычке в валенках, с таким деловым видом, с таким презрением к опасности, расправился с бомбой, что не мог не вызвать чувства умильного восторга.

– Вот так Пахомыч! – восхищался Фадеев. – Да разве с таким народом пропадешь, – все повторял он, уже стоя на крыше нашего дома, куда мы с ним забрались под грохот зенитных батарей, защищавших Москву от вражеских налетов...

Незадолго до его трагической кончины я встретился с Фадеевым после нескольких лет разлуки. Это было на даче у И. В. Штока в Переделкине. Мы лежали в саду, под сенью деревьев, на траве и вспоминали безмятежные довоенные годы. Вокруг нас буйствовала природа, лился яркий солнечный свет, было тепло и радостно на душе. Часа два мы бродили в воспоминаниях по дорогам нашей жизни. Не прошли

мимо Булыги и Пахомыча, не забыли и о футболе. Расстались мы, дружески пожав друг другу руки. Я и на миг не представлял себе, что это было последнее наше рукопожатие...

Матч «Спартак» выиграл и стал чемпионом страны. О радостях, пережитых тогда, мы недавно вспоминали с Алексеем Николаевичем Арбузовым, встретившись в Центральном доме литераторов и сетуя о неудачах сегодняшнего «Спартака».

...Весной тридцать шестого года секретарь ЦК комсомола, Александр Васильевич Косарев в беседе с Николаем Старостиным высказал пожелание показать футбол во время парада на Красной площади в День физкультурника.

Когда это предложение обсуждалось спартаковским городским руководством, ироническим репликам не было конца. В самом деле, на Красной площади брусчатка, ни ворот, ни разметок. Чего доброго мяч за кремлевскую стену улетит, а то и того хуже: попадет в кого-нибудь на трибунах.

Однако дело закрутилось. Решено было Красную площадь накрыть мягким войлочным ковром и превратить ее в стадион с полным спортивным ядром: футбольным полем, беговыми дорожками, легкоатлетическими секторами.

Началась ковровая страда. Иначе не скажешь: пошивка ковра отняла у спартаковских спортсменов много бессонных ночей.

Как только прекращалось уличное движение, спортсме-

ны, вооружившись шорными шилами – иглами, принимались шить ковер из пластинок шорного войлока. Пластины были квадратные, небольшие, может быть, метра полтора на полтора. Их надо было сшить неисчислимое множество. Мы, ползая на коленях, прокалывали войлок и бечевой соединяли пластину с пластиной, не видя конца своей работе. Ломило согнутую спину, пылали натертые бечевой ладони, болели наколотые шилом пальцы. Медленно, трудно, но дело шло. Вдоль здания ГУМа протянулся длиннейший жгут первого витка, напоминающий канализационную трубу (каждую продольно сшитую полосу мы на ночь, чтобы не мешать нормальному уличному движению, закатывали в рулон). Из ночи в ночь рулон увеличивался. Но он стал вызывать беспокойство городских организаций, отвечающих за коммунальные службы столицы, забеспокоился ОРУД, всполошились пожарные. Рулон грозил самовозгореться, ведь сшивая, мы его одновременно красили в соответствующие спортивному ядру стадиона цвета. Солнце днем нагревало скатанный ковер, внутри рулона возникала критическая температура, грозившая воспламенением красок. Ночью мы шили, а днем наше начальство бегало по разным инстанциям, хлопоча о снятии очередного запрета выводить на ночь сшивальщиков.

Ночные работы прерывались из-за дождя. При первых каплях – авральное скатывание. Дождь прошел – раскатываем. Ковер поработил всех спортсменов «Спартака». Мы его стали ненавидеть. Он казался нам чудовищем, высасываю-

щим у нас все силы. На пошивку ковра ходили все, невзирая на чины и ранги. Будь ты заслуженный-раззаслуженный, но от шитья не освобождался. Разве что, если в этот день была игра.

Несмотря на все препятствия и трудности, ковер был сшит. Он лежал вдоль ГУМа огромной трубой, замаскированный еловыми ветками. Теперь он нам стал дорог, и мы с волнением ждали своего часа...

Сценарий парада и выступление спортивных обществ были расписаны с точностью до одной минуты. Необходимость следовать графику усиливали волнение и лихорадочное состояние участников и организаторов.

Нам отпущено было тридцать минут. Организация стадиона – раскатка ковра, установка ворот, спортивных снарядов и прочее – три минуты; легкоатлетические и спортивные выступления, в которых принимали участие братья Знаменские, известные бегуны – Евгения Егорова, Тамара Быкова – 12 минут; футбол – 15 минут.

Из огромного окна универмага, где ожидали своего выхода две наши футбольные команды, наблюдали мы за событиями на площади. Подходило время разворачивать ковер. О, как же мы волновались, когда полторы тысячи физкультурников и спортсменов общества цепочкой побежали по краям Красной площади, занимая места по периметру линий будущего стадиона!

В центр пустынной площади вышел Николай. В белом

спортивном костюме он поднял руку с красным флажком, зажатым в кулаке. Выдержал небольшую паузу и, как бы удостоверившись, что внимание всех спартаковцев сосредоточено на флажке, резко опустил его вниз.

Мгновенно сброшены ветки. Рулон под натиском двухсот человек зашевелился, как живое существо, и, извиваясь (было очень трудно выдержать ровную линию раскатки по фронту, длиной сто двадцать метров), стал уменьшаться в толщине по мере приближения к трибунам.

Глазам зрителей представилась унылая картина. Площадь оказалась покрытой сморщенной, грязно-серой хламидой: ни дать ни взять – вспаханный, не тронутый бороной целинник. Сердце замерло: непоправимая беда!

Но вот на середину опять вышел Николай. Вновь поднята правая рука. Вновь маленькая пауза и резкий взмах флажком. Сотни рук по этому знаку одновременно потянули ковер на себя. И произошло чудо! В один миг перед зрителями от храма Василия Блаженного до Исторического музея, от трибун Мавзолея до ГУМа раскинулся стадион с изумрудно-зеленым футбольным полем, размеченным белоснежными линиями, с черной гаревой беговой дорожкой, с золотистым песком легкоатлетических секторов. Мгновенно возникли футбольные полосатые ворота, угловые флажки, стойки для прыжков, барьеры для бега.

Не успел затихнуть гром аплодисментов, раздавшийся с трибун, а по дорожке уже бегут знаменитые братья Георгий и

Серафим Знаменские. Начались спортивные соревнования.

Пришла и наша очередь. Мы выбежали на поле двумя командами – основной состав и дублирующий, в который вошли также ветераны Петр Артемьев и Петр Исаков. Они уже не выступали в соревнованиях, но кому же не хочется сыграть в футбол на Красной площади!

Чтобы раскрыть всю красоту футбола – финты, дриблинг, удары по воротам, разнообразными способами забитые голы, – мы договорились сыграть показательный матч. Разработали сценарий, по которому установили, кто и когда забивает голы, чтобы в этот момент создать атакующему исполнителю, как говорится, попутный ветер.

Несмотря на то что результат матча был предопределен, сам факт выступления на Красной площади нас так вскуражил, что мы играли с истинным увлечением. Забивали красивые голы. Мяч все время находился в игре, потому что нарушений правил мы не позволяли. И когда пошла последняя минута, я с облегчением подумал, что спектакль удался: матч сопровождали частые аплодисменты.

Однако по прошествии пятнадцати минут последовало указание игру продолжать. А сценарий-то был сыгран до конца! Пришлось мне, как капитану основной команды, режиссуру взять на себя. Предполагая, что еще придется играть пятнадцать минут, я, бегая по полю, называл забивающих и подавал сигнал: «Володя, пошел!» И Степанов устремлялся в прорыв, закладывая такой футбольный сла-

лом, что на трибунах раздавался гул одобрения. А заключительный аккорд – пушечный удар в верхний угол, эффектный бросок вратаря Ивана Рыжова, мяч в сетке ворот – вызвал бурные аплодисменты.

Около сорока минут продолжался наш матч. Сыграли мы четыре-три в пользу основного состава. Выстроившись, как требуют правила футбола, и поблагодарив судью (не помню точно, кто судил, кажется, Петр Бозов), мы крикнули традиционное «Физкультпривет!» и побежали в «раздевалку», забыв, что бежим по нашему многострадальному ковру, что под ногами ребристая брусчатка, бежим, как с настоящего футбольного поля на стадионе «Красная площадь».

...1940 год. Я бы назвал его экзаменационным годом для советского футбола. Давно уже, с приезда басков, не было у наших футболистов международных встреч большого значения ни на своих полях, ни на зарубежных. На четырех чемпионатах страны господствовали московские команды, неизменно располагаясь на верхних местах таблицы результатов.

Мы, футболисты, чувствовали, что играем неплохо. Но нужно было проверить класс нашей игры не только в матчах друг с другом, но и с зарубежными командами. Хотелось знать, чего мы достигли за период реконструкции советского футбола. Поэтому приглашение из Болгарии принять участие в товарищеских матчах было встречено нашими футболистами с восторгом.

В Софию было решено послать московский «Спартак»,

самую популярную команду, завоевавшую себе славу победой над басками и двойным дублем, в 1938 и 1939 годах.

С болгарскими футболистами нам не приходилось встречаться. Спортивная же характеристика у них была внушительная: они являлись обладателями Кубка Балканских стран 1932 и 1935 годов. В 1937 году сборная Болгарии сыграла со сборной Чехословакии 2:2. В 1938 году болгары выиграли у югославов со счетом 4:0 и две встречи с венгерскими футболистами проиграли с минимальным счетом 0:1 и 1:2.

Поездке нашей команды в Болгарию придавали большое политическое значение. Для контроля за подготовкой к ней была создана специальная комиссия, в которую входили Александр Сергеевич Щербаков, Лев Захарович Мехлис и Андрей Януарьевич Вышинский. Перед нашим отъездом, беседуя с нами, Щербаков говорил о большой ответственности, которая лежит на нас, представителях единственного в мире социалистического государства в поездке в монархическую страну, где на престоле сидит царь Борис. Каждый из нас и сам понимал, какой политический резонанс получит наше выступление в этой стране.

Мы вспомнили слова Щербакова, как только приземлились в аэропорту Софии. Мы увидели бесконечное море людей.

Нас встречала вся трудовая София. Вдоль всего пути от аэропорта до столицы встречающие образовали плотный ко-

ридор. Мужчины, женщины, молодежь, подростки, дети горячо приветствовали нас. Беспомощно суетились в этой толпе, полицейские.

По Софии наш автомобильный кортеж продвигался черепашьим шагом. Тротуары, окна, балконы, деревья, крыши домов – все было забито народом. Они без конца выкрикивали:

– Добре дошле! Добре дошле!..

Такая горячая встреча очень взволновала и растрогала нас. До этого мне пришлось не раз бывать за границей, и везде нас тепло встречал простой народ. Но такую встречу я видел и переживал впервые. И это вызывало тем больший восторг и удивление, что в стране, где правит царь, так восторженно приветствуют посланцев советского народа простые люди Болгарии.

А между тем царь существовал и властвовал. Ему, конечно, доложили о горячей встрече советских футболистов. Распределение билетов на предстоящие матчи, видно, поэтому, взял в свои руки министр внутренних дел. На небольшой тогда стадион «Левски» попала только буржуазная публика: полицейские власти извлекли урок из устроенной нам встречи.

Однако отгородить забором стадиона советскую делегацию от душевных проявлений болгарского народа ни царю Борису, ни министру внутренних дел не удалось. В гостиницу «Славянская беседа», где мы остановились, и в советское

посольство шли телеграмма за телеграммой.

«Поздравляем первых борцов за спортивное сближение двух братских народов. Добро пожаловать!» – приветствовал нас доктор Бончев, председатель Общества болгаро-советской дружбы.

«У нас сегодня родился сын. В честь приезда вашей команды в Болгарию мы решили назвать его – Спартак», – пишут счастливые молодожены.

Не забывали нас и на Родине. Во все растущей стопке телеграмм была и такая, краткая, но душевная: «Братушки, не подкачайте!» Это обращался к нам полярный герой Иван Дмитриевич Папанин.

Мы понимали: проигрывать нельзя.

Этими словами, которые нашли глубокий отзвук в сердцах всех участников, напутствовал нас и руководитель нашей делегации Николай Николаевич Романов. Конечно, мы очень волновались, понимая ту огромную ответственность, которая лежала на каждом из нас. К тому же в Софии стояла изнурительная жара. Но мы были готовы состязаться в любых условиях!

Однако и хозяева не меньше нас заботились о психологической подготовке своих футболистов. Руководители буржуазных клубов призывали их к проявлению патриотического духа во славу своего монархического отечества. Старалась и пресса. Одна из газет, убеждая футболистов проявить «высший национальный дух», вспоминала для приме-

ра встречу сборных команд Болгарии и Турции, происходившую в Стамбуле. Тогда болгары попали в трудное положение: за несколько минут до конца матча турки забили второй гол и счет стал 2:0. Положение безнадежное. Казалось, ничто не может спасти болгарскую команду. Вот тут-то ее капитан Лозанов, остановив мяч в центре поля, поднял руку вверх и во всю силу легких запел национальный болгарский гимн «Шуми, Марица...»

Игроки подхватили гимн и ринулись в атаку на турецкие ворота. «Неукротимый дух Святой Софии, писала газета, вселился в болгарских футболистов. Оборона турок не устояла и за несколько минут до конца матча в их ворота влетели три мяча!..»

Наша команда сыграла в Софии два матча. Один с сильнейшей клубной командой «Славией», другой со сборной Софии. Обе встречи закончились победно: мы выиграли у «Славии» со счетом 6:1, и у сборной – 7:1.

Во втором матче за сборную Болгарии играл Лозанов. Когда он начал игру с центра после очередного забитого нами гола, мне показалось, что он сейчас запоем гимн. Он поднял руку вверх, и я подумал: сейчас зазвучит его мощный голос. Но он безнадежно махнул рукой, как бы поняв, что ничего уже не поможет: счет был 6:0 в нашу пользу!..

Расчет на энтузиазм и боевой дух команды, который делала болгарская печать накануне второго матча, оказался делом ненадежным. Конечно, патриотический порыв очень ва-

жен, но голый энтузиазм – что надутая футбольная камера без крышки: раз ударил – полетела, второй раз ударил – лопнула. Энтузиазм должен быть одет в броню мышц и обладать крепким, тренированным сердцем. Добавьте к этому техническое мастерство и тактическую зрелость, и только тогда энтузиазму не будет цены.

Энтузиазм болгарских команд был в то время «камерой без крышки». Это хорошо понял капитан сборной команды Софии Ангелов. На вопрос корреспондента, что нужно, по его мнению, сделать, чтобы поднять класс болгарского футбола, он ответил:

«Если бы я получил задание улучшить наш футбол, первым моим приказом я изъял бы из обращения до особого распоряжения все футбольные мячи в стране. В продолжение определенного времени я приказал бы заниматься только легкой атлетикой, бегать, прыгать и так далее. Только, когда мы станем хорошими атлетами, мы можем стать хорошими футболистами. По этому пути шли советские футболисты, и это привело их к результатам, которыми мы восхищались в Софии»...

Капитан сборной Софии не обманывался. Наша команда действительно была прекрасно подготовлена и сыграла хорошо. Москвичи вписали еще одну славную страницу в историю довоенного футбола.

Против «Славии» мы выступали в таком составе: Анатолий Акимов, Василий Соколов, Андрей Старостин, Вик-

тор Соколов, Николай Ильин, Константин Малинин, Алексей Гринин, Михаил Якушин, Григорий Федотов, Виктор Семенов, Павел Корнилов.

На матч со сборной командой вышли с небольшими изменениями. На левом крыле нападения играли Сергей Соловьев и Сергей Ильин. В ходе игры произошли замены: вместо Николая Ильина, Анатолия Акимова, Сергея Соловьева и Алексея Гринина на поле вышли Иван Кочетков, Борис Кочетов, Виктор Семенов и Григорий Глазков. Василий и Виктор Соколовы, кстати говоря, однофамильцы, а не братья, как многие считают, заняли места крайних защитников.

Рослый, сухой, с лицом аскета, Василий обладал быстрым бегом и полным набором футбольных качеств. Он был «непроходимым» для крайних нападающих. Попытки капитана команды Ангелова прорваться к нашим воротам с правого фланга успеха не нашли.

Так же надежно обеспечивал прочность наших рубежей с левой стороны Виктор Соколов. Решительный в действии, не знающий колебаний и раздумий, он атаковал противника в момент приема мяча, не давал ему свободы действий. Виктор успевал сделать то, что задумал, потому что его действия были быстры без опрометчивости и резки без грубости.

Знаменитых полузащитников старшего поколения Станислава Леуту, Евгения Никишина сменили на этот раз Николай Ильин и Константин Малинин. Из числа конкурентов того же класса – Алексея Лапшина, Евгения Елисеева, Алек-

сандра Ремина – выбор пал именно на них.

Не раз, еще до встречи с «Рэсингом» и басками, Николай Старостин, обсуждая в бесчисленных спорах тактические проблемы, говорил мне: посмотри, мол, как играет в «Металлурге» Николай Ильин. Разговор шел о тактике игры центрального полузащитника. Где ему лучше играть – всегда впереди, поддерживая атакующих и меньше заботясь о защите, или больше внимания уделять центральной тройке противника, то есть защите.

Я пригляделся к игре Ильина и заметил, что в отличие от многих центральных хавбеков он ведет игру ближе к рубежам своей обороны, больше помогает крайним защитникам сдерживать атаки центральной тройки противника.

Впоследствии, перестроившись на игру центрального защитника, я понял, что Ильин интуитивно предугадывал рождение этой новой должности в нашем футболе и практически в своей игре приблизился к ней раньше других.

В Болгарии он выступал в роли полузащитника. Эта роль была для него. Высокое техническое мастерство и тактическая сметка позволили ему чувствовать себя в центре поля, как рыба в воде.

В первой игре его прекрасно дополнял Константин Малинин. Плотный сколоченный, среднего роста, Костя на редкость хорошо играл головой и владел отличным ударом с правой ноги. Он тоже, как Николай Ильин и Иван Кочетков, сменивший его во второй игре, тяготел к амплу центрального

защитника. Но все они, превосходно вооруженные техниче-ски и великолепные тактики, вполне отвечали требованиям игры на месте полузащитников.

На правом фланге нашими нападающими были Георгий Глазков и Алексей Гринин, на левом – Павел Корнилов и Сергей Ильин. Последний вместе со мной и Якушиным представлял старшее поколение.

Георгий Глазков, худощавый легковес, отличался высо-ким техническим мастерством, над которым работал не ща-дя времени. «Сухой лист» применялся им еще тогда, ко-гда в бразильском футболе о Диди и не слышали. Только удар этот назывался резаным. Бесчисленное количество раз ударял Глазков по мячу на тренировках. И добился своего. Нередко с подачи углового удара мяч, никого не коснувшись, опускался в ворота, описав по воздуху заданную кривую.

Его конкурент, Алексей Гринин, начинал только входить в силу. Но уже тогда ярко вырисовывался его непреклонный в борьбе характер. Премудростей особых не позволяя, он ши-роко использовал фланговые просторы и шел к цели на высо-кой скорости, всегда готовый сыграть так, чтоб труднее бы-ло противнику: или отдать в острое место пас партнеру или нанести мощный удар по воротам.

На левом фланге со знаменитым Сергеем Ильиным за право выступать в основном составе соперничал Павел Кор-нилов. Высокорослый здоровяк, воспитанный в украинском футболе, Пава, как его дружелюбно называли в спартакон-

ской команде, обладал сверхскоростным бегом. Он любил получить длинный пас за спину защитника и на полном ходу устремиться вперегонки с ним за мячом, обычно выходя победителем. Завершал он свой рейд пушечным ударом с левой ноги, и, когда мяч пересекал линию ворот, он с присущим ему украинским юмором успевал крикнуть вратарю: «Куры!» – закуривай, мол, все равно ничем не поможешь.

На место центрального нападающего претендовали Виктор Семенов и Сергей Соловьев. Оба мощные, сильные спортсмены, одаренные от природы атлетическими качествами по самым щедрым меркам. Виктор вел игру с применением хитроумных передач и своеобразных финтов, доступных ему благодаря высокой технике владения мячом. Сергей был проще по игровому выражению и опирался главным образом на скоростной рывок по центру поля и мощный удар. Каждый имел свои преимущества и по праву считался сильнейшим кандидатом на первостепенную роль в команде.

Таким образом, под флагом «Спартака» была собрана вся элита московского футбола того времени, причем каждый игрок дублировался равноценным исполнителем. Тогда большое значение при конструировании команды придавали прочности ее по продольной оси. Говорили: надежный вратарь, центральный защитник и центральный нападающий – надежная команда. Я думаю, что и сейчас это утверждение не потеряло своего смысла. В Болгарии у нас в этом отношении было все благополучно. Надежнее Акимова не найдешь.

Замещал его в случае необходимости Борис Кочетов, в это время заставивший говорить о себе как об одном из достойных преемников, ушедших с арены знаменитых ветеранов – Соколова, Баклашова, Леонова, Филиппова.

Надежность игры центральных защитников могли обеспечить Иван Кочетков, Николай Ильин, Константин Малинин. И наконец, особую прочность как нападающие Григорий Федотов, Виктор Семенов и Сергей Соловьев.

Три года тактической перестройки, совершенствования системы игры с тремя защитниками, освоения новых функций игроками в изменившемся построении команды не прошли бесплодно. Болгарский экзамен показал, что в нашем футболе произошли заметные сдвиги, как в области тактического прогресса, так и в воспитании высококлассных исполнителей.

Мы возвращались из Болгарии с сознанием исполненного долга перед любителями футбола. В воздухе попали в страшную штормовую грозу. Мы всегда ездили за границу поездом, а здесь полетели самолетом – и такая ужасная болтанка. Еле живые мы выбрались из самолета, когда он приземлился на Ходынском аэродроме. Но толпа встречающих, приветственные речи, цветы... и полное удовлетворение от итогов поездки вполне компенсировали воздушные переживания.

Через полтора месяца болгарские футболисты приехали к нам с ответным визитом. Попытки их взять реванш в Москве не увенчались успехом. Два матча, сыгранных ими против

«Спартак» и «Динамо», закончились победой московских футболистов с одинаковым результатом – 4:0.

В мире уже шла война. В Болгарии нам довелось посмотреть хронику немецкой фирмы УФА. Бесноватый ефрейтор разъезжал в открытой машине по Берлину. На улице Унтер-ден-Линден он тявкал, брызгая слюной, перед восторженно ревущей толпой, поздравляя с вторжением фашистских захватчиков в Польшу. Фюрер праздновал свои военные успехи.

...Мы слышали отголоски грома за горизонтом. Но гроза шла где-то там, далеко. И не верилось, что скоро она разразится над нашими домами, заводами, стадионами.

Вечером 21 июня 1941 года в ресторане гостиницы «Астория», где жили московские спартаковцы, приехавшие на очередные встречи с ленинградцами, я встретил Марка Бернеса с его супругой. Мы сели вместе ужинать и делились новостями, ничем не озабоченные, кроме своей подготовки: он – к завтрашнему выступлению в концерте, а я – к игре с ленинградским «Спартаком».

Кто же из нас мог предположить, что через несколько часов начнется война...

На другой день, в 12 часов дня, на футбольном поле стадиона имени В. И. Ленина московские и ленинградские футболисты слушали правительственное сообщение о вторжении фашистских захватчиков на нашу землю.

...«Друзья вне поля», мы распрощались с ленинградцами.
Футбольные поля сменились полями сражений.

Война не дала довести очередной чемпионат страны до конца. Перечеркнула розыгрыш Кубка СССР.

Загромыхали пушки. Удары по футбольному мячу смолкли на несколько лет...

ШТУРМ ВЫСОТ

Вот уже в девятый раз я лечу через Атлантический океан. После каждого возвращения даю себе обещание, что больше не полечу. Однажды, пролетая над Кордильерами, наш самолет попал в воздушную яму. Всех пассажиров обуял страх. Мы падали, как потом говорили члены экипажа, свыше тысячи метров. К нашему счастью, самолет не потерял устойчивости, а пилот – самообладания. Мы отделались смертельным испугом, который не покидал нас до конца пути. В Риме нам предстояла пересадка. Стоя на террасе вокзала аэропорта с Игорем Нетто и наблюдая, как подруливает очередной воздушный лайнер, мы пришли к согласию, что перелет через океан – путешествие не из приятных.

И все же я опять над океаном. Лечу как начальник сборной команды СССР по футболу на мировой чемпионат в Мексику. Из Парижа мы вылетели вечером на Лиссабон. И вот уже много ночных часов пробиваемся сквозь тьму над безмерным пространством воды к берегам западного полушария.

Большинство пассажиров спит. А я в числе бодрствующих, досматриваю фильм. Давно уже потерян счет убитым. В каждом кадре очередной гангстер в кого-нибудь палит из пистолета. В тысячный раз меняю положение в узком кресле: ищу расслабление уставшему телу, отекающим ногам. Знаю,

что ступни утром с трудом буду втискивать в ботинки. Но утром будь, что будет, сейчас – да здравствуют тапочки.

Вот так и летим мы долгие ночные часы. Я коротаю время в полудремотном состоянии, предаваясь воспоминаниям. Вспомнить есть о чем. Тридцать лет прошло с того дня, как на ленинградском стадионе мы встретили весть о войне. По-разному и трудно складывались судьбы у людей в тяжелые военные годы. Но жизнь брала свое. Могучий организм советского народа год за годом залечивал нанесенные войной раны. И когда я после многолетнего пребывания в Заполярье вернулся в Москву в 1954 году, столица цвела уже яркими летними красками скверов, бульваров, жила в ритме большого делового города, строящего новую жизнь.

Нашел в этой новой мирной жизни свое место и футбол. Послевоенный путь его не был усыпан одними розами. Были и тернии. Первые серьезные царапины они причинили нашему футболу в 1952 году.

На Олимпийских играх в Финляндии мы потерпели поражение в одной четвертой финала от сборной команды Югославии.

Главный удар на себя приняла не сборная команда. Он пришелся по команде московских армейцев. Сильнейший московский клуб, из которого большинство игроков входило в сборную команду, был распущен.

Если дебют в Финляндии успеха советской сборной не принес, то далекий Мельбурн стал для нее счастливым горо-

дом. Именно там впервые наши футболисты добились победы в официальном международном турнире высшего уровня. В финале олимпийского турнира сборная команда СССР встретилась со сборной Югославии. Победа осталась за нашими футболистами со счетом 1:0.

Через два года на смену радостям пришли огорчения. Их мы испытали в Швеции, где дебютировали на VI чемпионате мира. Жребий свел советских футболистов с хозяевами поля. Шведы забили два безответных гола в ворота Яшина и лишили нашу команду возможности продолжать соревнования.

Наш вратарь Лев Яшин был включен специалистами в идеальную сборную мира 1958 года. В настоящее время, как известно, он прекратил играть. Теперь Яшин является начальником команды, за которую столько лет неизменно выступал. Вместе с Константином Ивановичем Бесковым прославленный вратарь переживает радости и печали, когда выигрывает или проигрывает его родная команда – московское «Динамо».

О Яшине мне хочется рассказать больше.

Даже искушенный специалист по футболу, взглянув на худого, длинного, нескладного подростка из подмосковского поселка Тушино, не сказал бы, что этого юнца через несколько лет станут называть королем вратарей всего мира. Между тем никакого чуда не было.

Когда в простой рабочей семье Ивана Петровича Яшина

и его супруги Александры Петровны родился первенец, его назвали Львом. Мальчишка рос, как его сверстники, – набирался сил и ловкости. Война нарушила обычный путь подростка: школа – институт. В двенадцать лет Лев пришел на завод осваивать профессию слесаря, родственную специальности отца – токаря-шлифовальщика. Семь лет трудился он на заводе, по мере возможности занимаясь спортом. В 1948 году был призван на военную службу, был солдатом до 1951 года.

В эти годы футбол становился все более необходимым ему. Сначала выступал за цеховую команду, потом за заводскую, а затем за клубную команду общества «Динамо». И с каждым годом круглый кожаный мяч все сильнее тревожил его то горечью поражений, то радостью побед.

Однажды долговязый парень попал на глаза старшему тренеру команды мастеров «Динамо» Михаилу Якушину. Два года кропотливой работы ушло на то, чтобы молодой человек из неуклюжего подростка превратился в спортсмена с отличной координацией, молниеносной реакцией, кошачьей прыгучестью и непостижимо проницательным игровым мышлением.

С 1954 года Лев Яшин занимает место первого вратаря прославленного московского «Динамо». А когда имя Яшина было поставлено первым в списке сборной СССР, любители футбола всех пяти материков смогли увидеть и достойно оценить игру московского вратаря.

Легендарный Заморра, непревзойденный страж испанской команды в довоенные годы, приветствовал Льва Яшина почтительным поклоном и заключил его в объятия, когда в 1964 году встретился с ним в Барселоне на финале Кубка Европы. Великое прошлое как бы склоняло голову перед еще более великим настоящим.

Футбол сделал его самым популярным вратарем мира. И все же всемирная слава не отдала его на откуп футболу. Его, если так можно сказать, гражданская жизнь вне футбольного поля тоже наполнена до краев. Он много времени отдает семье. Природа, возможно, распорядилась благоразумно: у него две дочери – Ирина и Елена. Им не надо конкурировать с отцом. А для сыновей такая задача была бы непосильна.

В 1967 году Яшин был избран депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся. Он закончил школу тренеров, затем высшую партийную школу. Где он находит время, не принадлежащее футболу, никто, даже сам Яшин, не знает.

Он на глазах рос как личность, как гражданин, зная, что служить обществу он должен не только на футбольном поле.

По-видимому, философский склад мышления придает ему в житейской обстановке этакую размеренность в движениях, неторопливость и весомость в суждениях.

Если добавить к этому, что он до прямолинейности откровенен в своих суждениях, то будет понятна притягательность его личности. «Лева» для ветеранов, «Лев» для сверст-

ников, «Лев Иванович» для молодежи, он одинаково авторитетен для игроков, тренеров, судей, руководителей футбольной федерации.

Своей славе Заморра обязан необычайной реакции и удивительному чутью в выборе места в воротах. Он как бы предугадывал, в какой угол будет направлен удар. С точностью автомата он фиксировал мяч руками, когда кожаный «снаряд» готов был пересечь линию ворот.

В 1934 году я впервые увидел чехословацкого вратаря Планичку и был поражен диапазоном его действий. В отличие от наших вратарей того времени (а они у нас были великолепными мастерами своего дела) Планичка вел игру не только в пределах вратарской площадки, но и на всей штрафной площадке. Невысокий для вратаря, он отличался прыгучестью и без труда снимал мяч с головы самого рослого противника.

Ни в бросках в верхние и нижние углы ворот, ни в выборе позиции Яшин не уступает знаменитым предшественникам. Его тактическое новаторство в том, что он расширил действия вратаря за пределами штрафной площадки. Он стал вратарем, в значительной степени выполняющим функции защитника. Его можно видеть в игре в 30 – 35 метрах от лицевой линии. Согласитесь, что вратарь, играющий головой, зрелище необычное. Я неоднократно был свидетелем, казалось бы, такой рискованной, если не сказать, авантюрной, тактики. Но как раз его действия основаны на безоши-

бочном расчете полета мяча и хода развития атаки. Игровое мышление Яшина не имеет равных себе. Это, как говорят, дар божий. Время, пространство и движение учитываются им в неисчислимо малых величинах. При развитии атаки своей команды он вместе со всеми игроками движется от ворот в поле, как бы обеспечивая нужные связи со своими защитниками. Когда начинается контратака, он пластично отступает на нужную дистанцию – ровно настолько, чтобы не дать противнику перекинуть мяч навесным ударом через его голову в незащищенные ворота.

За шесть лет совместной работы с ним в сборной СССР мне ни разу не довелось видеть Яшина в беспомощной позиции, в которую легко попасть вратарю, играющему на широком пространстве.

Я помню отборочный матч на Кубок Европы в 1959 году на Народном стадионе в Будапеште, когда встречались сборные Венгрии и Советского Союза. В момент развития венграми контратаки Игорь Нетто и Анатолий Масленкин, столкнувшись у центрального круга, оставили Тихи один на один с Яшиным. Началась классическая дуэль гроссмейстеров футбола, вмешаться в которую уже никто не мог. Сто тысяч зрителей затаили дыхание, глядя, как нападающий неторопливо продвигался вперед, а вратарь, контролируя его действия и считая в уме сантиметры и доли секунды, делал ложные выпады, отступал, ожидая возможной ошибки в дриблинге. Тихи продолжал быть хозяином все обостряющейся

для Яшина ситуации. Он был уже в 7 – 8 метрах от ворот... И все же поединок проиграл: в момент, когда форвард замахнулся для нанесения удара, Яшин бросился вперед и выиграл свой сантиметр и долю секунды – ровно столько, чтобы успеть перекрыть путь мячу к воротам грудью и руками.

Сборная команда СССР, совершая турне по странам Южной Америки, добилась победы над сборной командой Аргентины впервые в истории аргентинского футбола, потерпевшей поражение на своем поле, на стадионе «Ривер Плейт». Советские футболисты играли настолько хорошо, что удостоились наивысшей награды: в ходе матча с переполненных трибун стадиона то и дело раздавались аплодисменты. Беспрецедентный случай! Характеристика качества игры была очень выразительно высказана в местной газете, которая отчет о матче озаглавила: «Месхи – 3 000 000 песо, Метревели – 3 000 000 песо, Яшин – без цены».

Но не следует думать, что только розы устлали спортивный путь знаменитого вратаря. Были и шипы. Бывали неудачи, которые могли бы выбить из седла даже незаурядного спортсмена.

На чемпионате в Чили в четвертьфинальном матче советских футболистов с хозяевами чемпионата счастье склонилось в пользу сборной команды Чили, а Лев Яшин испил горькую чашу. Он пропустил мячи, которые, казалось, мог бы взять ординарный вратарь. Зрители не верили глазам. Тот ли это Яшин, про которого писали: «Кто не видел Яшина,

тот не был на чемпионате мира?» Никто не хотел считаться с тем, что, несмотря на дальность дистанций, с которых были забиты голы, отразить их было не просто: через гущу игроков полет мяча не просматривался.

Яшин ехал в Чили под звучание фанфар. Он уезжал из Арики как поверженный герой. И все же его провожали толпы болельщиков, благородно сочувствующих развенчанному кумиру.

Когда мы летели домой через океан, я спрашивал себя: сможет ли он в свои тридцать три года, пережив такую психологическую травму, не сломиться?

Нет, Яшин не сломился. Вскоре он выступал за сборную команду Европы и за сборную мира. Его популярность росла от матча к матчу. Он удостоен был высшего призвания – лучший спортсмен года. И в Москве, на стадионе имени В. И. Ленина, редактор журнала «Франс футбол» вручил ему золотой футбольный мяч.

Яшину было уже сорок лет. Он был вдвое старше многих игроков, выступающих с ним в одной команде, а тренеры все продолжали считать его опорой коллектива. В чем же секрет спортивного долголетия, неувыдаемого искусства?

Секрета никакого нет. Чтобы получить ответ, надо посмотреть, как Яшин тренировался. Он усвоил истину, что любой талант расцветает в труде. Если взвесить тренировочный костюм Яшина после тренировки, то он будет на 2 – 3 килограмма тяжелее от пота, пролитого вратарем за время

двухчасовых занятий.

Не думайте, что он избрал особую методику тренировок. Он тренировался, как все. Здравый смысл – вот главное, что лежало в основе его тренировки. Этот здравый смысл подсказывал ему, что бросаться в верхние и нижние углы на каждый пробитый мяч – дело бессмысленное. Простой арифметический подсчет таких падений за одно занятие на землю даст четырехзначную цифру. Легко понять, какой коэффициент физического и нервного износа испытывал бы организм Яшина, если бы он с таким же отчаянием, как в игре, летал в углы ворот.

Вот почему на тренировках он часто отбивал мячи ногами. Но обязательно «проводил» мяч глазами, как бы мысленно дотрагиваясь до него, если можно так сказать, тренируя бросок в уме. Иногда он делает проверочные броски, вызывая аплодисменты тренирующихся. Но это как контрольно-измерительный способ готовности, ревизия имеющихся возможностей.

Особое место в тренировке у него занимает совершенствование выбрасывания мяча рукой. Ему принадлежит патент ввода мяча в игру толчком рукой от плеча, Впервые приехав в Шотландию, Яшин поразил выдавших виды болельщиков «Хемпден-стадиона», когда без видимых усилий толкнул мяч за центр поля точно в ноги центральному нападающему Эдуарду Стрельцову. Быстрота исполнения броска, оценка обстановки, точность паса и дальность полета мя-

ча вызвали восторженный отзвук на трибунах.

Этот тактический прием делает Яшина активным зачинателем контратак без потери времени: мяч всегда безошибочно попадает к партнеру, находящемуся в наиболее выгодной позиции.

Анализируя методику подготовки Яшина, можно прийти к выводу, что он, не щадя себя, трудится на поле для сохранения физической формы и с чувством меры расходует эмоции при тренировке непосредственно в воротах. Может быть, благодаря этому его реакция продолжает оставаться «молодой», несмотря на сорокалетний возраст.

Когда Яшин уходит с тренировки, глядя на усталую походку, ему можно дать 60 лет. Когда он выходит на игру, то выглядит 20-летним.

На чемпионате мира в Швеции команда Бразилии восхитила футбольный мир. Новый чемпион стал эталоном международного футбола на многие годы. Наш футбол лавров не завоевал. Но сам факт, что в дебютном выступлении на таком уровне мы выдвинули своего кандидата в «идеальную сборную – 58» говорил о многом. На пустом месте такие мастера не появляются. А их, мастеров международного класса, выросла целая плеяда – Константин Крижевский, Борис Кузнецов, Игорь Нетто, Юрий Войнов, Сергей Сальников, Никита Симонян, Валентин Иванов, Анатолий Ильин, Александр Иванов. Никто из них в этом ответственном дебюте не уронил престижа советского футбола.

Следующий серьезный экзамен нашей сборной команде пришлось держать во Франции в 1960 году. Тогда впервые разыгрывался Кубок Европы для сборных команд европейских стран.

Опять судьба свела нас в финальном поединке со сборной командой Югославии. Это был огневой поединок. Лишь в дополнительное время Виктору Понедельнику удалось ударом головой забить решающий гол в ворота югославских футболистов. Наши ребята на «отлично» сдали этот тяжелый экзамен. Это был самый большой успех послевоенного советского футбола. В составе сборной команды в финальном матче на парижском стадионе выступали – Лев Яшин, Анатолий Крутиков, Анатолий Масленкин, Гиги Чохели, Игорь Нетто, Юрий Войнов, Слава Метревели, Валентин Иванов, Виктор Понедельник, Валентин Бубукин, Михаил Месхи.

Семь москвичей среди победителей. Столичный футбол не сдавал своих позиций. Но трудные времена уже стояли у порога...

Я смотрю на часы, заглядываю в иллюминатор. За бортом самолета мгла. Только под крылом ритмично мигает красный огонек. Он как-то успокаивающе действует – людская жизнь идет даже в поднебесье. Смотрю по карте наш маршрут. До Каракаса, где мы должны сделать пересадку, далеко. Пройдена половина пути. Лететь между небом и водой нам предстоит еще несколько часов.

Оглядываю прикорнувших в своих креслах ребят, они в

самых разнообразных позах спят. Все до одного: усталость...

Вот здесь время поразмышлять о нашей науке в спорте. О самом загадочном ее разделе. О психологической подготовке.

Еще в 1962 году, когда мы прибыли в Арику на VII мировой чемпионат и на пресс-конференцию в нашу гостиницу налетела туча журналистов, фото-, кино-, теле-, радиокорреспондентов, первый вопрос был:

– Есть ли у вас в команде врач-психолог?

Тогда Гавриил Дмитриевич Качалин ответил, что все виды подготовки входят в обязанности тренерского состава и специального доктора у нас нет. Его и действительно у нас не было. Наши научные рекомендации сводились главным образом к тому, что лучшая физическая подготовка, это и есть лучшая психологическая подготовка. Что может быть лучше, чем чувствовать себя здоровым? Никакая хандра не пристанет.

Конечно, наука и спорт сегодня не делимы. Научные основы в развитии физической культуры и спорта у нас заложены глубокие. Но вместе с тем ведь не вычислить с математической точностью человеческую душу.

Вот в хирургии мне приходилось наблюдать чудеса. Мой свояк, драматург Исидор Владимирович Шток, жизнерадостный человек, отправился в Институт им А. А. Вишневского на операцию, напевая футбольный марш Матвея Блантера. Операция желчного пузыря, которую делал сам Виш-

невский, прошла успешно. Но организм не справился – почки отказали. Начался резкий процесс снижения жизнедеятельности организма. Нарушился газообмен в кровеносной системе. Жизнь еле теплилась в исхудавшем теле. Вот тогда медицина вступила в бой за сохранение человека во всеоружии своих возможностей и знаний. В дело была введена искусственная почка. Габаритный агрегат был подключен к больному, а может быть, правильнее сказать, что больной был подключен к чудодейственной машине, с которой его соединяла система шлангов, чтобы кровь перегонялась из живого тела в механический агрегат и очищенная возвращалась в артерии больного.

Через две недели больной ожил. А вскоре вновь напевал марш Блантера, сидя на стадионе во время футбольного матча. Кто же не будет верить в такую науку!..

Примерно в то же время мне пришлось столкнуться с попыткой использовать науку в футболе в области тактики игры. Нас, человек двадцать, собрали в вычислительном центре Академии наук. Была поставлена задача запрограммировать тактику игры для вычислительного устройства, то есть спросить с машины беспрюигрышный ответ. Представители точной науки решили рассчитать футбольную мысль. Помню наше смущение и недоумение, когда разговор зашел о том, с чего же будем начинать. Футбольная мысль, это прежде всего человеческая мысль, в какой бы тактической схеме не выступала команда. Как подсчитать, куда двинется Пеле, получив

мяч, скажем, от Ривелино, и где его должен атаковать, скажем, Шестернев – в двадцати или тридцати метрах от своих ворот?

Мы путались, спотыкались, краснели и взмокли от усилий конкретизировать в цифровых выражениях отвлеченные понятия. Человеческая душа не поддавалась арифметике. Мы вышли из зала на улицу. Я почувствовал, что свежий воздух мне просто необходим. Я испытывал ощущение самоудушения. И меня посетила мысль, а что, если бы действительно машина решила задачу беспроектной тактики, то есть открыла бы футбольную «панацею» – стал бы я играть в футбол, имея такие шансы? И тут же ответил себе – не стал бы! Игра лишилась бы созидательного творческого начала: стала бы мертвой, механической...

Был еще случай. Молодой аспирант, занимающийся спортивной психологией, с добрыми намерениями пришел в раздевалку, где готовилась сборная команда СССР к ответственному международному матчу. Он молча встал в углу комнаты и стал внимательно наблюдать за поведением игроков. Он вперял пристальный взгляд в одевающего бутсы футболиста, переводя наблюдение с Альберта Шестернева на Муртаза Хурцилаву и всем своим сосредоточенным видом выражая желание проникнуть в душу спортсмена.

Я не успел вмешаться, хотя и видел, что такой «психологический метод» ничего, кроме раздражения, у игроков вызвать не может. Капитан команды Шестернев подошел к

К. И. Бескову, старшему тренеру команды, и попросил его снять с них «опеку». Аспирант ушел. Команда же в этот раз сыграла отлично. Но и сейчас вопрос не ясен: аспирант создал такое настроение команде, сняв у ребят чувство предстартовой лихорадки, или ребята так сыграли, испытав прилив бодрости только потому, что он ушел?

Однако вопрос психологической подготовки продолжает для меня оставаться белым пятном. Зная, что в Мексике мы столкнемся со многими трудностями на протяжении чемпионата, я очень беспокоился за организацию быта, заполнение досуга. Вопрос, заданный восемь лет назад на пресс-конференции в Арике, возник в памяти не случайно. Я помнил свой промах. Это случилось именно там, на берегу Тихого океана, в игре с хозяевами. Я поверил в силы Валерия Воронина, который на самом деле не был доведен до лучших спортивных кондиций. Бывает так, что игрок этого про себя не знает. Ошибочно верит в то, что он готов к выступлению? «Вполне», – заявил Воронин, а на поверку – провал. По моему настоянию тренерский совет поставил Воронина на игру. И первый гол нам влетел с его элементарной ошибки. Я допускал, что он был не в лучшей спортивной форме, но надеялся на скрытый запас энергии, на резервы духа.

В истории спорта есть много тому примеров. Вспоминается один из наиболее ярких. В дореволюционном цирке показывали много силовых номеров. Атлеты разгибали подковы, жонглировали тяжестями, ломали медные пятаки, де-

монстрируя нечеловеческую мощь рук.

Среди последних был один фальсификатор. Он подпиливал загодя пятакоч. Давал в публику для осмотра «хорошую» монету, потом ловко заменял ее на заготовку и, притворно напрягаясь, торжественно показывал две половинки. Все шло хорошо. Но вот повздоривший с ним товарищ в кругу приятелей объявил об обмане и потребовал контрольной проверки «номера». Припертый к стене атлет, назовем его Альберт, сидел бледный, подавленный и с ужасом представлял себе потерю ангажемента, а вместе с ним и угрозу голодного прозябания семьи – жены, детей.

Пятак (неподпиленный) лежал на столе. Холодные глаза контролеров не оставляли шанса к отступлению. Под злорадным взглядом разоблачителя Альберт взял пятак в руки, напрягся и, сам не понимая, что свершил, первый раз в жизни разломил неподпиленную монету пополам!

«Номер» был спасен.

В матче с чилийцами Воронин своего «пятака» не переломил: его семье голод не грозил...

Запасы энергетических ресурсов в организме спортсмена неизмеримы. А вот каким способом разрабатывать эти пласты ценнейшего горючего, какие применять формы и средства регулирования психики спортсмена, чтобы в период соревнований высшего уровня он был действительно готов «вполне», к сожалению, мы еще не знаем, этим процессом мы управляем на ощупь. Иногда успешно, другой раз бес-

плодно. Наиболее ярко это проявилось в игре сборной команды в официальных матчах олимпийского и европейского турниров в 1968 году.

Матч с командой Венгрии в Будапеште и в Москве. Как будто играли совершенно разные команды, а ведь игроки в основном те же. Результат же разный. В Будапеште команда по затраченной энергии не сломала бы и тульского пряника – проиграла 0:2. На своем поле сломала неподпиленный пятачок.

В Острове и Риме история повторилась. В игре с чехословацкими футболистами – падение, с итальянцами – взлет. Может возникнуть мнение, что забыли о психологической подготовке. Да ничего подобного. Перед каждым матчем делалось все, казалось бы, необходимое, чтобы не угасал огонь энтузиазма в груди бойцов. Но в одном случае слово действовало, в другом воспринималось как суесловие. Нужны были, по-видимому, действенные меры. Какие? Конкретно ответить невозможно. Ясно лишь одно – нужны были меры, действенные в данной сложившейся обстановке, часто и разнообразно изменяющейся. Другой характер – другой подход тренера.

Подступать только так или эдак в работе с таким сложным многострунным инструментом, как футбольная команда, значит, принимать арфу за бубен. Здесь надо играть, так сказать, и на квинте, и на басах, и пияниссимо, и фортиссимо. Надо обладать абсолютным педагогическим слухом и

знать футбол, чтобы угадывать состояние психики и всего коллектива и отдельного исполнителя.

Проиграв (0:1) первую половину финального матча на Кубок Европы сборной команде Югославии, наши ребята сидели во время перерыва в раздевалке парижского стадиона «Парк де Прэнс» словно в воду опущенные. Искушенные бойцы в международных баталиях Л. Яшин, И. Нетто, Ю. Войнов, А. Масленкин, С. Метревели, М. Месхи, В. Иванов, удрученные неожиданным началом, яростным натиском соперников, «ушли в себя». Какая-то обреченность читалась на их бледных лицах. Нет, здесь требовалось не действие, скажем, замена игроков, или перестановка в линиях, или смена тактической системы. Нужно было слово. И не мягкое, увещивающее, сладкое, ободряющее. Нужна была встряска, чтобы пробудить от летаргии окаменевшие сердца.

Понадобился резкий окрик: «Чего вы испугались!!!» – задевший самолюбие ребят. Резкое слово в данный момент было самым действенным средством. После перерыва Слава Метревели сквитал счет. А в дополнительное время Виктор Понедельник забил самый ценный гол в истории советского футбола. Наша команда в отличие от первого второй тайм вела игру, как говорится, не на живот, а на смерть. Конечно, в пределах правил. Кубок Европы на четыре года поселился в музее трофеев советского футбола как самый знатный гость.

Не счесть средств воздействия на психику игрока. Здесь

зритель и пресса, судья и телекомментатор, жена и болельщик, радио и слабый противник, начальство и сильный противник. Столь же неисчислимы формы, методы и средства педагогики, которыми должен пользоваться тренер или начальник команды, прежде всего отвечающие за психологическую подготовку своих воспитанников.

И вот здесь мне слышится «горячо», как кричат при приближении к затаившемуся играющие в прятки. Коль скоро воздействие социальной жизни на игрока чрезвычайно разнообразно, тем большее значение приобретает норма отношений тренера с игроками.

Мировоззрение, характер, психику личности у нас формирует наше бытие, наше социалистическое общество. Очевидно, что забота тренера – перенести нормы морального кодекса советского гражданина как обязательную этическую норму отношений и в спортивную жизнь.

Приведу такой пример. Шел матч. Тренер сидел у ворот своей команды. Он беспрестанно давал указания и вратарю и защитникам. В особенности он старался помочь вратарю. Я не беру слово помочь в кавычки потому, что он искренне верил, что помогает. «Влево», «вправо», «выходи», «назад» – сыпались его приказы, в общем-то, как мне показалось, неплохому, с хорошей реакцией, вратарю.

Команда проиграла – 0:5.

Возмущенный поражением, бросая уничтожающие взгляды на «виновников», тренер, шедший с поля рядом с ними,

кивком головы показав на понуривших голову ребят, обратился ко мне:

– Ну, что я могу сделать с ними?! Ведь, кажется, все разжевываю, в рот кладу, а проглотить не могут...

Я не удержался от язвительной иронии и ответил:

– Как это не могут: ведь «проглотили» же пять штук!

Не надо быть знатоком футбола, чтобы понять антипедагогичность метода тренера, лишившего вратаря какой бы то ни было самостоятельности. К глубокому сожалению, еще есть такие тренеры, которые говорят: «Я завтра играю», «Я выиграл». Но зато от них уж не услышишь: «Я проиграл». При поражении они говорят: «Команда не выполнила мою установку».

Здесь и намек нет на взаимоуважение. Такой тренер больше верит в силу макета с оловянными фигурками, которые он часами передвигает по миниатюрному футбольному полю, забыв, что игрок не марионетка, а личность, живой человек.

Известен случай, когда тренер поставил двойку игроку, который забил противнику единственный в этой игре гол, принесший его команде победу. На вопрос, почему он так оценил отличившегося игрока, тренер ответил: «Он нарушил установку, появившись на позиции для завершающегося удара, не рекомендованной ему по плану».

Парадоксально, но факт, свидетельствующий об отсутствии элементарного уважения педагога к творческой ини-

циативе воспитанника, к самостоятельности мысли и действия. О какой же психологической подготовке может идти речь при таких отношениях?

Есть и другая сторона дела, когда установившиеся контакты в коллективе рушатся под ударами извне. Две-три неудачи, и почва под тренером заколебалась. И вдруг после какого-то поражения тренер, еще вчера числившийся в разряде хороших, сегодня освобождается как несправляющийся. Пожалуй, ничто так не затрудняет подготовку коллектива, как тренерская чехарда.

Понятно, что не только осечка с Ворониным привела нашу команду к поражению в матче с чилийцами со счетом 1:2. Были и другие просчеты. Но все же, все же... Воронин – я никогда не мог извлечь эту занозу из своей памяти.

В иллюминаторе самолета темнота стала сереть. Угадывалось, что занимается рассвет. Когда светло и ты видишь, что вокруг тебя делается, чувствуешь себя увереннее. Перелет над сушей тоже переносишь спокойнее, чем над водой. С точки зрения логики, это самообман. Но я знаю, что так рассуждают все ребята. И я тоже. Однако до полного рассвета, как и до земли, еще далеко. И любезная стюардесса услужливо предлагает – вино, пиво, воду? У нее фужеров полный поднос – все продолжают спать. А я продолжаю думать о тренерской чехарде.

...После Чили в 1964 году разыгрывался финал первенства Европы. Наша команда в финальном турнире. Старший

тренер команды Константин Иванович Бесков. Он ввел много способной молодежи в состав сборной. В план подготовки к турниру входила поездка в Мексику для участия в традиционном турнире, в котором, кроме нас, выступали еще четыре команды – «Сан-Пауло» (Бразилия), «Партизан» (Югославия), «Некакса», «Америка», «Гвадалахара» (все Мексика).

Мексика удивила футбольным процветанием. На каждом матче присутствовало не менее 75 000 человек: стадион больше не вмещал. Тот, кто не был в Мексике, тот не сможет себе представить популярность футбола в этой стране контрастов, где роскошь миллионеров, их особняков, дворцов, деловых небоскребов, граничит с убогой нищетой.

На футбол же ни муниципальные власти, ни предприимчивые боссы денег не жалеют. Спортивные клубы Мехико, Гвадалахары, Леона могут конкурировать с самыми фешенебельными спортивными базами богатых профессиональных клубов Европы и Америки.

Мы получили прекрасные условия для предсезонной подготовки. Правда, прямо с январских морозов прикатили в сорокаградусную мексиканскую жару. Однако я и по сие время убежден, что Бесков, выбрав для подготовки Мексику, ошибки не сделал. «Акклиматизация», «адаптация» – на высоту, на поясное время – больше пугали, чем влияли.

Отель «Эмперадор», в котором мы разместились, посещали представители печати, радио, телевидения. Однажды

репортер мексиканской прогрессивной газеты обратился ко мне с предложением организовать встречу, как он выразился, «с бывшими соратниками по футболу».

– Кто же эти соратники? – спросил я.

– Баски: Луис Регейро, Исидро Лангара, они живут здесь, в Мехико.

Я живо согласился, обрадованный возможностью повидать людей, с которыми я был хорошо знаком в давно минувшие времена. Да что я говорю «я знаком»: их знает бесчисленное количество наших болельщиков-ветеранов. И не только ветеранов. Молодые любители футбола немало слышали о них.

В спорте бывают события, оставляющие в памяти незабываемый след. Впечатления об этих событиях передаются из поколения в поколение. В футболе таким событием был приезд в Советский Союз команды басков в 1937 году.

Сейчас никого не удивит приезд к нам команды любого международного ранга. Любители футбола смотрят на наших стадионах игры самых знатных мастеров и команд мирового футбола.

Тогда было не так. В отдельные годы болельщики удовлетворялись одной-двумя встречами с зарубежными футболистами на уровне команд рабочего спортивного объединения.

Много воды утекло с тех пор. Система «трех защитников» перестала быть передовой, уступив место более прогрессивной системе, родившейся в Бразилии.

Однако матчи с басконскими футболистами от этого не потеряли своего значения.

А вот и они, «соратники» которых я увидел в Мехико.

– Андрес! – кричит Луис Регейро, выходя мне навстречу из группы людей, стоящих в вестибюле гостиницы. Мы обнимаемся по-мексикански, накрест, и, по принятому здесь обычаю, похлопываем друг друга через плечо по спине. Он полысел, чуть-чуть пополнил, но все тот же жизнерадостный, темноглазый Луис, такой же, как четверть века назад, доброжелательный к людям.

Безошибочно узнаю Лангару. Седина тронула черную голову «тарана», но на загорелом лице время никаких следов не оставило, Исидро хоть в команду ставь. Здесь же Энрике Ларинага, Педро Регейро, Грегорио Бласко, Эмилио Алонсо.

Дружеская беседа продолжалась за столом у меня в комнате. У наших друзей остались самые теплые воспоминания о гостеприимной Москве, величественном Ленинграде, солнечном Тбилиси, древнем Киеве.

Они удивили нас своей памятью, когда дружно и стройно пропели на русском языке «Каховку», не пропустив в песне ни одного слова. По приезде я рассказал об этом Михаилу Аркадьевичу Светлову.

– Старик, – пряча за юмором свою взволнованность, шутливо сказал Светлов, – почему же они вам не спели «Гренаду»?..

– Нам говорили: «У-у-у!!! Куда вы едете...» – и Луис

изображал на лице гримасу ужаса, показывая, как их пугали перед отъездом, – а мы до сих пор живем приятными воспоминаниями, – закончил он в ответ на вопрос Константина Бескова, как им понравилось у нас в стране.

Второй родиной басков стала Мексика. Во франкистскую Испанию они не вернулись. Поскитавшись из клуба в клуб в странах Южной Америки, они закончили футбольные выступления в мексиканских командах.

Дружно живут бывшие «однополчане» по футболу. Смеясь, они подсчитали на пальцах, что у шестерых присутствующих басков растёт тридцать детей.

У Луиса в семье «драма»: сын футболист (выступал за институт в тренировочной игре против нашей команды) не слушает советов отца... «Ты папа, играл, когда мяч был четырёхугольный»...

– А вот лекции профессора, которому семьдесят лет, он в институте слушает. Почему так? – посерьезнев, говорит Луис.

А послушать бывшего капитана басков интересно и полезно. Он не утратил чувства понимания нового. Он признает, что класс игры в мировом футболе вырос. Положительно оценивает достоинства бразильской системы. И особое значение отводит организации атаки через фланги.

Немало правильных суждений высказал Луис Регейро по поводу игры нашей сборной команды. После каждого выступления в мексиканском турнире он заходил в гостиницу

и подробно анализировал просмотренный матч.

Все баски сошлись на том, что наш футбол качественно заметно вырос, особенно в технике.

Мы нанесли ответный визит баскам. Незадолго до отъезда они нас пригласили «пообедать по-мексикански».

Луис как бы продолжает оставаться капитаном команды. Когда он говорит, его с уважением слушают бывшие партнеры. А говорит он хорошие, теплые слова о том, как сроднила их поездка в нашу страну, как футбол помогает крепить дружбу и взаимопонимание между людьми доброй воли.

Говорит он искренне. Так же простосердечно и дружелюбно реагируют на его слова Лангара, Алонсо, Ларинага, Бласко.

Перебивая друг друга, они вспоминают эпизод на ленинградском стадионе имени В. И. Ленина. Судил матч Н. Х. Усов. Разыгрывали ворота. Судья зажал в руке за спиной свисток и предложил капитанам угадать. Игроки, к которым судья стоял спиной, видели, в какой руке у него свисток:

– Луис, в правой! Луис, в правой!.. – кричим по-испански, судья не понимает. И под дружный смех говорят: «Луис „угадал“, и мы начали игру по ветру и по солнцу...

Много хорошего осталось у них в памяти. Но больше всего тронуло их сердца доброжелательное отношение к гостям советского зрителя, интернациональная солидарность, царившая на стадионах в дни их выступлений независимо от результатов матчей.

Страсть к футболу по-прежнему живет в сердцах басков. Они постоянные посетители стадиона, пользуются огромной популярностью в Мексике. Однако непосредственно в футболе они не работают. «Нелегко хлеб тренера в профессиональном футболе», – говорит Лангара. Он пробовал тренировать команды в Аргентине, в Мексике, но увидел, что аппетит хозяев на голы значительно сильнее, чем возможности тренеров.

Знаменитый центральный нападающий содержит небольшое кафе. Луис Регейро с ироническим сожалением показываетна маленький портфельчик, который он носит под мышкой, и говорит: «Полон, но неоплаченными счетами, результативность низкая».

Алонсо подарил нас цветными фотографиями с видами Мексики: он пайщик в полиграфическом предприятии. Бласко работает по части изготовления тарной упаковки. Ларинага – по мебельному делу. «Капиталисты», – иронизирует Педро Регейро. Но чувствуется, что за дружным смехом на эту реплику кроется неудовлетворенность, может быть, тоска о несбывшемся желании заниматься любимым делом...

...«Турнир шести» мы выиграли. В решающем матче Бесков за несколько минут до конца смело ввел в игру двух молодых футболистов, вместо уставших ветеранов: Михаила Мустыгина и Казбека Туаева. Мексиканцы страстно болеют за свою команду. Выигрывая 1:0 они были уверены в победе и отмечали ее громогласным скандированием «Раз! Два!

Три! – Мехико: Ра-ра-ра!!!»

Но Михаил Мустыгин перевел их восторги на себя. Он забил редчайший по красоте гол. С космической скоростью, прямо-таки метеором, промчался он от центра поля с мячом в ногах, обведя пятерых противников, и сильным ударом послал его в сетку мимо выбежавшего вратаря.

А через две минуты Туаев, тоже с прорыва, забил второй и решивший судьбу турнира гол. Тут уж мексиканцы, забыв про утраченные иллюзии, стали кричать: «Селекцион Русо. Ра-ра-ра!» Баски во главе со своим капитаном приехали нас проводить и поздравили с победой...

Несмотря на предсезонные успехи сборной команды и ее выступление без поражений на протяжении долгой серии матчей, сезон обернулся горькими переживаниями. Было наделано много ошибок. Мне всегда казалось, что поражения наших футболистов являются следствием многих организационных просчетов со стороны футбольно-спортивного руководства и в меньшей степени плохих качеств игроков.

Перед выступлениями в Финляндии команду перекраивали без конца, и на Олимпийские игры она поехала, имея в составе игроков, которые были включены в делегацию накануне отъезда. Стало быть, подготовка прошла впустую.

В Швеции игроки вышли на матч с хозяевами поля, «обутые в бутсы со свинцовыми подошвами». Уставшие после изнурительного повторного матча с англичанами футболисты не были заменены имевшимся полноценным резервом.

В Чили – недооценка качества игры основного противника – хозяев поля, и просчет в составе, о котором я говорил выше.

К моменту финала Европы возникла необходимость играть повторный решающий матч с футболистами ГДР в Лейпциге, поскольку первый матч в Москве был проигран. Тогда родилось необдуманное решение использовать ряд игроков на два фронта. В результате это решение ничего доброго не принесло: сборная олимпийская не попала в финальную часть турнира Олимпийских игр в Риме, а первая сборная проиграла в Мадриде сборной команде Испании финальную игру на первенство Европы со счетом 1:2.

А дальше последовала укоренившаяся ошибка. За поражение должен был рассчитываться руководящий состав команды. По отношению к Бескову, как и в подавляющем большинстве случаев, это было и несправедливо и пользы принести не могло. Константин Иванович тренировал команду всего один год и несколько месяцев. За это время команда сыграла тридцать матчей; не потерпев ни одного поражения. Единственное, было последнее – от Испании.

В коллективе только-только стали складываться должные отношения. Поражение команды в финале было не результатом нерадивого отношения игроков к делу, а просто высокой квалификацией испанской команды. На том бы и порешить обсуждение итогов выступлений команды президиумом Федерации футбола СССР, порекомендовав тренеру исправить

имевшиеся недостатки. Конечно же, они были: у какой команды нет недостатков. Но последовало сакраментальное – «есть мнение». И отставка состоялась. Решение было столь неожиданно и неоправданно, сколь и категорично. Бесков, как член президиума присутствовавший на заседании, услышав о нем, только несколько побледнел, ни слова не сказав в ответ. Так закончилась недолгая, но не бесславная карьера Константина Ивановича Бескова на посту старшего тренера первой сборной команды СССР...

Немногим больше продолжалась в этой должности работа Николая Петровича Морозова. Однако и он успел сделать пусть не самый большой, но все же шаг вперед. Под его руководством сборная команда СССР заняла четвертое место на чемпионате мира в Англии. Выше в этом соревновании наш футбол не поднимался. Москвичи в основном составе команды занимали большинство мест. Это были Яшин, Воронин, Шестернев, Численко, Хусаинов, Пономарев.

Вскоре после награждения участников чемпионата мира бронзовыми медалями их наставник Морозов сдал руководство командой Михаилу Иосифовичу Якушину. Новый тренер, по примеру Бескова, предпочел провести предсезонную подготовку в Мексике. Команда готовилась к выступлению в заключительном этапе первенства Европы.

Все шло своим чередом и на этот раз. Пожалуй, сборная команда сыграла одну из лучших своих игр против сборной команды Венгрии. Проиграв до этого венгерским футболи-

стам два гола в Будапеште, она выиграла три-ноль в Москве.

И вот мы в Неаполе. Предстоит игра со сборной хозяев поля – командой Италии. За два часа основного и дополнительного времени соперники победить друг друга не смогли: ноль-ноль. Ребята играли старательно. Но и итальянцы не щадили сил, они жаждали реванша. Ведь именно наша команда их выбила из предыдущего Кубка Европы и обыграла на первенстве мира. Перед глазами встает небольшая комната. В ней судья матча Скоррути, капитан итальянцев – Факетти, наш капитан – Альберт Шестернев и успевший прорваться среди немногих других наш старший тренер – Михаил Якушин. Все сдержанно напряжены, с бледными лицами. Происходит не частая процедура: на монетке разыграть право участвовать в финале чемпионата.

Судья приготовил монету. Она у него в ладони. Теперь нужно назвать, чей орел и чья решка. Якушин видит, что на одной стороне монеты изображен бюст царственной особы – по наитию, как потом говорил, – исступленно шепчет Шестерневу: «Фигура! Фигура!.. Фигура, тебе говорю!..»

Но пока Альберт взвешивал, что заявить, Факетти быстро сказал: фигура!..

Многотысячные трибуны ждали, затаив дыхание. Но когда жребий, упав фигурой в пользу итальянцев, был объявлен по радио, на стадионе раздался страшной силы рев радости. Однако до ребят раньше донеслось отчаянный вздох тренера:

– Э-эх!!!

Вскоре после этого Михаил Иосифович был освобожден от должности старшего тренера сборной команды.

...Команду вновь принял Гавриил Дмитриевич Качалин. Круг замкнулся. Вот он: Борис Аркадьев, Василий Соколов, Гавриил Качалин, Михаил Якушин, Георгий Глазков, вновь Гавриил Качалин, Константин Бесков, Николай Морозов, вновь Михаил Якушин и вновь Гавриил Качалин. Когда я об этом вспоминал, сидя в самолете по пути в Мексику на последний чемпионат мира, то еще не знал, что последуют Александр Пономарев, Николай Гуляев, Герман Зонин и Евгений Горянский.

Сборная – лицо нашего футбола. К сожалению, гримасы этого лица с тренерскими перемещениями как в зеркале отражаются и в клубной практике. Трижды в свое время команда «Торпедо» возвращалась к В. А. Маслову, «Спартак» – к Симоняну, «Динамо» – к Якушину, ЦСКА – к Аркадьеву и т. д. и т. п. Тренер, задержавшийся в команде пять лет, редкость.

Плохая практика. Тренер должен иметь время оглядеться в своем сложном футбольном хозяйстве.

Пресловутое очко! Оно убивает красоту футбола. Погоня за ним любыми средствами породила «бетоны», «замки», «каттеначчио» и прочие «надолбы» на пути созидательной, творческой игры. Мы совсем разучились ценить красоту футбола, его содержательность, его зрелищность, если

хотите, артистичность, всегда импонирующие объективному зрителю, любящему «своих» за игру, доставляющую эстетическое удовлетворение. Хваля только победителей и игнорируя качественную сторону в игре побежденных, мы тем самым – цenia в рубль очко и ни в грош не ставя спортивное мастерство – льем воду на мельницу любителей «бетона».

Так и хочется крикнуть: «Даешь красивый наступательный футбол!» Право же, сегодня это самый актуальный и действенный лозунг для борьбы с «бетоном».

Об этом я думал, размышлял, вспоминал, коротая бессонную ночь (в самолете всегда не сплю) и испытывая при этом чувство какой-то неудовлетворенности и даже виноватости. Ведь я врос в футбол всеми своими корнями. Со времен «Горючки» прошло полвека. И мяч все время под ногой. Находясь в заполярном Норильске, я был связан с футболом, меня использовали на тренерской работе. И нельзя сказать, чтобы я тренировал без успеха. Норильская команда выигрывала кубок Красноярского края. А в 1948 году команда города Красноярска завоевала юбилейный кубок «Динамо» для команд Восточно-Сибирской зоны. По возвращении в Москву я продолжал работать в области развития футбола. Был ответственным секретарем Федерации футбола СССР, заместителем председателя. Руководил профсоюзным футболом. И вот теперь опять лечу начальником команды на очередной мировой чемпионат.

Когда Гавриил Дмитриевич Качалин предложил мне еще

раз взвалить на плечи ответственность быть одним из руководителей команды, я знал, на что иду. Я пережил вместе с ним радость возвращения из Парижа с Кубком Европы в 1960 году и горечь поражения в Чили в 1962 году.

В памяти еще были свежи воспоминания о круге почета при переполненных трибунах в Лужниках, когда Кубок Европы высоко в руках нес капитан команды Игорь Нетто. Но не были забыты и чилийские рубцы.

– Эх, вы – г...! – со всей силой презрения крикнул нам грузчик аэропорта, когда мы, приземлившись во Внукове, вышли из самолета. Конечно, он имел право выразить свои чувства, но это было так оскорбительно сказано, что мы ничего не смогли ответить, только покраснели. А ведь шли ребята, которые за словом в карман не полезут. А тут промолчали. Такое не забывается.

Некоторое время спустя директор Дома дружбы Анатолий Павлович Абросов попросил меня поделиться впечатлениями о минувшем чемпионате. Я не охотно согласился. Мне уже пришлось услышать реплику, выступая в устном журнале в одном из кинотеатров перед началом фильма:

– Поговорил и хватит, проиграли: нечего оправдываться...

В данном случае было по-другому. Разговор шел в вестибюле Дома дружбы. Стоявший рядом с нами и прислушавшийся к разговору человек, с иголки одетый вдруг безапелляционным тоном заявил:

– Гнать вас всех оттуда надо. Играть никто не умеет из наших. Вот я приехал из Индонезии, там и то лучше играют, – он достал пачку заграничных сигарет и закурил. Благовоспитанный Анатолий Павлович быстро вмешался, стараясь сгладить бестактность этого человека. Что-то сказал о чрезмерной нетерпимости «иностранца», напомнив, что Яшиных, Нетто, Сальниковых не так уже много и за рубежом.

Если бы это был частный случай, его не стоило бы вспоминать. Но на протяжении длительного времени я замечал пренебрежительный тон, когда разговор идет о футболе.

Обычно с такой надменностью, подчеркивающей, между прочим, плохую воспитанность, говорят люди, не любящие футбол и не знающие его. Когда-то, в далекие времена становления и развития физической культуры и спорта, слово «физкультурник» нередко употреблялось в ущербном значении, без малого «бездельник».

Помню, когда в 1930 году я был рекомендован на должность директора фабрики «Спорт и туризм», то старый работник, мастер-седельщик Намсон Михаил Михайлович, узнав об этом, безнадежно махнул рукой и с иронией сказал: какой он, мол директор, он же физкультурник.

Проработав со мной двенадцать лет, Михаил Михайлович изменил свое мнение о «физкультурниках». За сорок лет, считая с того времени, неизмеримо изменился и футбол. Он перестал быть только развлечением для молодежи. Футбол

сегодня призван обслуживать культурные запросы миллионов зрителей, служить делу оздоровления трудящихся, защищать престиж нашей Родины. И по мнению специалистов, справляется с этими задачами не так уж плохо.

Можно понять грузчика аэропорта, не сладившего со своими эмоциями: сегодня мы проиграли и он обругал нас. Завтра мы выиграем и он назовет нас героями. Это непосредственная реакция рядового болельщика на каждый конкретный случай. Она мало помогает делу, но и вреда от нее большого нет. В рядовом болельщике, а их подавляющее большинство, нет сознательной направленности на нигилистическую критику.

Другое дело, разговор в вестибюле Дома дружбы. Здесь устойчивый пессимизм, который нелегко развеять даже крупной победой. Он вырос и окреп на том мнении, что футбол у нас регрессирует; что в давние времена играли лучше, что и «звезд» футбола было больше...

Всем своим футбольным нутром я против таких оценок современного футбола. Когда после тринадцатилетнего перерыва я впервые увидел футбол мастеров в Москве, я был поражен качественным скачком, который сделали команды за эти годы.

В столице как зритель я дебютировал после войны на стадионе «Сталинец», на трибуне со мною соседствовали Михаил Михайлович Яншин и Арнольд Григорьевич Арнольд. У меня для сравнения прошлого с настоящим было преиму-

щество. Довоенный футбол в моей памяти законсервировался в чистом виде. Мне не надо вести раскопки наслоившихся впечатлений от сороковых и пятидесятых годов. Контраст был тем убедительнее: по всем элементам я видел качественный рост футбола.

– И Федотовых больше? – спросил меня Арнольд, несколько настороженно воспринимающий мои восторженные комментарии.

– Федотовых не больше, а вот плохо играющих футболистов на поле не видно. Футбол стал гуще, – ответил я.

– А почему так редко бьют по воротам? – в свою очередь экзаменовал меня Яншин.

– Потому что темп игры очень возрос: все время цейтнот – на замах мало времени остается...

Я верил в то, что говорил. Каждое поколение делает свой шаг вперед по пути прогресса. Одно – во главе с Федотовыми и Яшиными, другое – без них. Иное дело, что эти шаги бывают разные – один покрупнее, другой покороче. Но движение к вершине мастерства неизменно продолжается, независимо от того, замечают это движение скептики и нигилисты от футбола или не замечают.

Не заметить прогресс в футболе легче, чем заметить. Для определения уровня игры той или иной команды нет объективного критерия. Сантиметры, секунды, килограммы – эти оценки точных видов спорта: тяжелой и легкой атлетики, скоростного бега на коньках и других. Но достижения в

этих видах спорта помогают нам приблизиться к истине путем сравнения. Если пользоваться только умозрительными впечатлениями, то для меня и братья Знаменские, и Яков Куценко, и Яков Мельников так и оставались бы непревзойденными спортсменами. В памяти навсегда запечатлелась могучая статья Георгия и Серафима во время бега по дорожке стадиона, когда они оставили позади себя знаменитого финского бегуна Пурье. Схватки на помосте с «железом» богатыря из Киева Якова Куценко во время международного праздника в Париже, когда весь зал вставал, восторженно приветствуя рождение нового рекорда. Триумф Якова Мельникова на льду стадиона «Динамо», когда восторг трибун достиг состояния истерии. Наш чемпион метр за метром сокращал просвет, образовавшийся после первой половины дистанции на десять тысяч метров в беге с чемпионом мира Михаэлем Стаксрудом, догнал именитого соперника и выиграл соревнование со значительным отрывом.

В то время казалось, что рекорды, установленные этими выдающимися спортсменами довоенного периода будут стоять незыблемо, что они предел человеческих возможностей.

Сейчас это нормы перворазрядников. Подобное произошло во всех остальных видах спорта из разряда «точных». В гимнастике, борьбе, фехтовании, наконец баскетболе, волейболе, хоккее мы видим наших спортсменов на верхних ступенях пьедесталов почета самых крупнейших международных соревнований. Везде прогресс.

Этот процесс общего роста нашего спорта бесспорно сказался и на футболе. Не заметить это могут только те, кто упрямо не хочет замечать и не понимает, что футболу титулы чемпионов в международных соревнованиях добывать труднее, чем другим видам, потому что это единственный вид спорта, в котором мы выступаем в соревнованиях с профессионалами...

Да, я знал, на что иду, когда после некоторого колебания согласился на предложение Качалина сыграть в содружестве с ним, как говорят бильярдисты, контрольную партию. Одну мы выиграли: за победу в Париже прошли по стадиону круг почета. Другую проиграли: за поражение в Чили заслужили «приветствие» грузчика в аэропорту и «гнать вас всех...» в вестибюле Дома дружбы. Третью предстояло играть в Мексике.

Ни Качалин, ни я скептиками никогда не были. Пессимистами тем более. Футбол дело жизнерадостное, требующее веры и деятельности.

Веры у нас было достаточно. Оставалось проявить необходимую деятельность с учетом накопленного опыта. На двоих с Качалиным наш футбольный стаж около ста лет. Чем больше я размышляю в ночи об организационных недостатках в нашем футболе, о причинах, их порождающих, тем более усиливается чувство виноватости, что на чем-то не настоял, чего-то где-то не досказал, а может быть, просто струсил. «Ах ты ночь! Что ты, ночь, наковеркала?..»

За бортом самолета светло. Наступило утро. Океан остался позади. Внизу рыжая, опаленная солнцем земля, пустынное побережье. Скоро посадка в Каракасе и затем Богота, столица Колумбии, пункт назначения, где у нас должна состояться первая тренировочная игра.

Утренний завтрак вносит определенное оживление. Салат, бифштекс, сыр, масло, кофе вполне на футбольном уровне. От вина все ребята отказались. Сухой закон в коллективе возведен в степень первой заповеди. Каждая крупица энергии должна быть на счету. В самом деле, вылетели утром из Москвы. В этот же день из Парижа стартовали на Лиссабон. И вот мы в пути уже сутки. Лица у ребят усталые. А нам послезавтра в Боготе, расположенной на высоте 2600 метров, играть. О каком тут вине может идти речь? Но все равно, по укоренившейся привычке, присматриваюсь, не согрешил бы кто-нибудь. Ведь мы знаем, что не каждый в нашей команде «...монашеским известен поведением»... Хотя Качалин строго придерживался обнародованного им принципа отбора кандидатов в сборную команду – «человек-спортсмен», то есть сначала моральный облик, а уж потом футбольные ноги. Но возраст есть возраст. Поэтому руководство команды должно быть начеку.

Вопрос режима в спорте, в футболе в особенности, самый трудный раздел воспитательной работы. Я на опыте убедился, что потеря спортивной формы в основном связана с нарушением режима. Дело усложняется тем, что футболист –

молодой человек и ничто человеческое ему не чуждо. События для спортсменов умножаются, чем более растет их популярность. Болельщики-«подлипалы» наихудшая разновидность почитателей таланта. Их «греют» лучи отраженной славы. Они своим псевдорадушием, «дружеским» покровительством губят спортсмена на корню.

Многолетняя практика подсказывает, что вирус соблазна опасен активностью в так называемое нейтральное время: когда игрок из сборной команды возвращается в клуб или, наоборот, из клуба поступает в сборную команду. Вот здесь он и выкраивает себе два-три «беспризорных» дня. Из-под наблюдения тренеров сборной команды он освободился, а под контроль клубного еще не попал.

Болельщик-«подлипала» тут как тут, подает футболисту свою «золотую карету». После этого тренер сборной говорит: «Как плохо тренируют в клубах», тренер клубной: «В сборной игроки теряют форму».

На этот раз «нейтрального» времени не было. С пониманием ответственности за доверенное дело игроки присягнули друг другу на верность. Руководство команды не теряло контактов с подопечными ни на один день. При этих обстоятельствах стюардессы, разносившие подносы – «вино, виски, вода?» – опасности не представляли. Ребята неизменно тянули руку за фужером с водой...

Скоро Богота. Испытываю чувство какого-то подсознательного досадного раздражения. Очередная встреча с та-

можней. Сколько их было – не счесть. Первый раз за рубеж я выехал в конце двадцатых годов. Когда заполняю анкету, на вопрос, в каких странах бывал, кратко отвечаю: «В Европе во всех, кроме Греции». Везде таможи, таможи...

Французскому сержанту таможенной службы, например, втемяшилось в голову, что кетовая икра имеет подозрительную красную окраску. Он считал, что в мире существует только черная. Красная икра представилась ему политической пропагандой, поскольку ее провозит делегация «красных». Понадобилось вмешательство начальника таможи, потому что проглоченная на глазах сержанта ложка икры ни в чем его не убедила. Начальник был более цивилизован и с любезной улыбкой, сказав «пardon, господа», возвратил конфискованную «пропаганду». Потом мы долго смеялись, подозревая, что сержанту просто очень нравилась именно красная икра.

Хуже было в Коста-Рике. Мне неоднократно приходилось быть в числе первооткрывателей, то есть выезжать с делегацией в страну, где нет советского представительства и советские люди появляются впервые. Наш приезд всегда вызывает необыкновенный интерес у местных трудящихся, поэтому эксцессы с участием полицейских сил возникают неизбежно.

Мы еще не долетели до Коста-Рики, а на борт самолета поступило сообщение, что многотысячная толпа встречает нас на аэродроме Кокко.

Действительно, когда мы сошли с самолета, нас оглушил

шум приветственных криков. Дождь красных тюльпанов посыпался на нас сверху. Море народу! Ошеломляющая встреча!

Но полицейские и сыщики не дремали. Встречающих отеснил и рассеял крупный отряд полицейских. Мы остались в окружении таможенников и сыщиков. Запахи бензина, свойственные посадочным дорожкам, сменились запахами винного перегара, характерными для таможенных помещений во многих портах Южной Америки.

Проженный выжига, из числа безродных, представился нам как переводчик – Пабло Гордиенко. Он приложил немало усилий, чтобы, искажая перевод наших возражений по поводу нарушения норм, установленных для спортивных делегаций, вызвать острый конфликт. Суетливая, нечистоплотная, полупьяная ватага сыщиков была разочарована. Ничего «взрывного» в наших чемоданах обнаружено не было. Тогда по подстрекательству бывшего махновца Гордиенко они решили прибегнуть к личному обыску членов делегации. Мы и глазом не успели моргнуть, как Николай Маношин оказался оттиснутым в какой-то закуток и грязные руки уже были протянуты к его карманам. Обычно добродушный и тихий Коля побледнел и в глазах его сверкнул недобрый огонек. Наш резкий протест охладил пыл сыщиков.

К этому времени руководители местной федерации футбола связались с властями и последовал приказ министра внутренних дел пропустить нас беспрепятственно. Руково-

дителю нашей делегации Евгению Ивановичу Валуеву принесли официальное извинение от имени министра «за него-степриимный акт». Переводчик Пабло Гордиенко, конечно, уверял нас, что вмешательство министра произошло по его инициативе...

Это было несколько лет тому назад. А вот совсем недавно, в семидесятом году, в марте мы прилетели в Сальвадор. Самолет спецрейсовый, как раз для нашей делегации, на двадцать шесть мест. Летели трудно, меж гор и ущелий. Держались за подлокотники до онемения рук. Наивный акт самозащиты, как будто это поможет. Но неистовый ветер так швырял то вбок, то вверх, то вниз наш маленький кораблик, что невольно уцепишься за что попало.

Но мы рано вздохнули с облегчением, когда покатались по посадочной дорожке аэродрома. Прежде всего нас удивило, что вдоль бетонной ленты, по которой, как нам казалось, мы подруливали к маленькому вокзалу, по обеим ее сторонам стояли автоматчики. Неожиданно самолет повернул в сторону от вокзала и по полю потащил нас к какому-то казенному зданию. Наше недоумение переросло в беспокойство, когда самолет оцепили автоматчики. Моторы выключились, и воцарилась зловещая тишина. Двери самолета не открывались, трап не подавался, и не к кому было обратиться за разъяснением. За окном солдаты, казарменное из серого кирпича здание и беспокойно суесящиеся офицерские чины. Мы знали, что Сальвадор с Гондурасом был в состо-

янии войны из-за футбола. В Гондурасе перед каждым матчем носят перед трибунами распятое на кресте чучело судьи, который, по мнению гондурасовцев, оказался Иудой. Будто бы решающий матч с Сальвадором за выход в финал чемпионата мира этот судья судил бесчестно. Футбольные страсти переросли в государственный конфликт с последующим разрывом дипломатических отношений.

Все это было известно, потому и возникло в окружении автоматчиков чувство особого беспокойства.

Но вот в кабину возвратился пилот, пропеллеры загудели, и мы по степным рытвинам поехали к видневшемуся вдалеке вокзалу. По мере приближения к маленькому зданию, стал слышен все нарастающий шум многотысячной толпы встречающих. Когда мы вышли из самолета, гул приветствий усилился и в нашу сторону полетел бумажный дождь листовок. Они были чуть больше почтовой открытки с портретом В. И. Ленина и приветственным поздравлением советскому народу, партии и правительству в связи со столетием со дня рождения вождя.

Полиция, солдаты, сыщики бросились разгонять народ и торопливо подбирать листовки: коммунистическая партия в Сальвадоре на нелегальном положении и работает в условиях подполья.

Пока разгоняли остатки наиболее упорных демонстрантов, продолжавших выкрикивать революционные лозунги солидарности за мир и дружбу, нас провели в небольшое та-

моженное помещение.

Когда объявили, что в связи с создавшимся положением (имелись в виду листовки) таможенные власти вынуждены будут подвергнуть обыску не только наши чемоданы, но и карманы, я, как руководитель делегации, в категорической форме заявил, что команда в город не поедет, играть не будет и с первым самолетом отправится в Мексику.

Верзила в желтой гимнастерке с засученными до локтей рукавами, с полицейским значком, уже было запустил свою огромную лапу в первую дорожную сумку. Я резким движением отодвинул сумку, и наши взгляды скрестились. В этот момент мы ненавидели друг друга.

Однако победа осталась за нами. Представители федерации футбола успели урегулировать инцидент с вышестоящим начальством. Таможенники отступили, согласившись пропустить нас без оскорбительных процедур. Мы остановились в одной из самых фешенебельных гостиниц южноамериканского побережья. В холле третьего этажа расположился отряд переодетых полицейских. Они уверяли нас, что заботятся о нашей безопасности. Руководил отрядом полицейский в желтой гимнастерке с волосатыми руками.

Потренироваться на стадионе нам не удалось. Снаружи он был блокирован толпами сальвадорцев. Мы были первой советской делегацией в Сальвадоре. Чтобы пообщаться с представителями Советской страны, без малого весь город собрался на стадион. С шести часов утра трибуны, вмещаю-

щие свыше сорока тысяч зрителей, были заполнены до отказа. Четырнадцать часов они ожидали начала матча, изнемогая от жары под палящими лучами южного солнца.

«Желтый полицай», как звали ребята нашего телохранителя, был крайне озабочен и приказал шоферу везти команду на другой стадион.

Вечером до начала и после игры, которую ребята выиграли, сальвадорцы принимали нас восторженно. Мы с большим трудом пробились в раздевалку через плотную массу болельщиков, заполнивших футбольное поле после финального свистка судьи.

Рано утром мы улетали в Мексику. В холле третьего этажа начальник отряда снимал посты. «Желтый» остановился против меня и просительно, чуть наклонив голову, уставился на лацкан моего пиджака. Я понял: он глядел на значок федерации футбола. Я сунул руку в карман и дал ему такой же значок. Он смущенно зарделся и проговорил: «Мучо грасиас, амиго, мучо грасиас!» А затем, на мгновение задумавшись, полез в нагрудный карман и, озираясь по сторонам, поспешно сунул мне пачку каких-то бумаг, и быстро зашагал вниз по лестнице. Я взглянул – в руках у меня была пачка листовок с портретом Ленина, которые вызвали такой переполох на аэродроме...

А вот и Богота, столица Колумбии, расположенная на высокогорной возвышенности. С трудом втискиваются отекающие ступни в ботинки. Ноги как свинцом налитые. Навер-

ное, не только у меня, и у ребят тоже, а игра, как говорится, на носу.

Опять таможня. Багажа, кстати, огромное количество. Потому что значительную часть продуктов питания мы ведем с собой. Гречневой крупы или нашей традиционной селедки в Мексике днем с огнем не найдешь. Но на этот раз волнений не было.

Транзитный проезд через все таможни нам обеспечил Мексиканский комитет проведения мирового чемпионата, через ФИФА договорившийся о пропуске без досмотра всех футбольных делегаций шестнадцати стран – участниц финального турнира IX мирового футбольного чемпионата.

Таможни в Боготе мы даже и не заметили...

ВСЕ СИЛЫ ПЕРВОМУ МАТЧУ

...Опять мы в самолете. Нам предстоит многочасовой путь из Боготы до Мехико. Пока грузились, пока рассаживались в тесноте и толкотне, неизбежных при посадках на самолеты дальних рейсов, порядочно устали. Я начинаю всерьез беспокоиться – сумеют ли ребята восстановить физическую форму к старту мирового чемпионата. Ведь мы из Боготы успели слетать в Медиллин. Побывать в Кито, столице Эквадора, вернуться в Боготу, сыграть за это время три матча. И вот теперь опять несколько часов в поднебесье. Правда, к высоте мы привыкли. Играть на высоте входило в план подготовки. Кито, например, где мы провели последнюю игру, расположен на высоте 2800 метров. Хочешь не хочешь – к этому надо привыкать. Мехико на высоте 2200 метров, и именно там нам предстоит сыграть три официальных игры на начальном этапе мирового чемпионата.

Беспокойство усиливается еще тем, что проведенные тренировочные игры удовлетворения никому из нас не принесли. За три игры мы забили один гол.

Из практики знаю, что далеко идущие выводы по результатам тренировочных игр делать не следует. Амплитуда колебаний в качестве игры команды между товарищескими и официальными выступлениями огромна. Примеров тому бесчисленное множество. Я помню, как сборная команда на-

кануне матча со сборной командой Польши проиграла в тренировочной встрече дублирующей команде «Спартак» со счетом ноль-один.

Председатель федерации футбола В. А. Гранаткин, не скрывая раздражения, выговаривал мне – начальнику команды – и Качалину – старшему тренеру, «Ну, что..?»

Умудренный многолетним опытом руководства спортом в стране, председатель Спортсоюза СССР Николай Николаевич Романов с легкой иронией отнесся к нашей неудаче и поступил самым верным образом: поверил в коллектив.

Через три дня сборная команда в блестящем стиле выиграла у сборной команды Польши со счетом семь-два, а через полтора месяца стала обладателем Кубка Европы.

Вот и сейчас Валентин Гранаткин сидит рядом со мной в самолете и, как десять лет назад, не громко, но не скрывая раздражения, высказывает мне свои сомнения о состоянии команды. Он первый вице-президент ФИФА, он же председатель Федерации футбола СССР, нагрузка на нервы не малая, я понимаю его раздражительность. Он недоволен игроками, неудачно сыгравшими в последних матчах, и в особенности Анатолием Бышовцем. За долгую совместную работу по футболу я привык к его повышенной реакции на неудачи, вместе с тем знаю, что первый успех резко изменит его настроение.

Но если тогда, перед матчем с Польшей, нас обескуражил только результат игры, сам же состав команды сомнений не

вызывал, то сейчас беспокоил не только один забитый гол за три игры, вся конструкция, так сказать, команды не казалась убедительной в проведенных играх, даже со скидкой на то, что игры были товарищеские. И я, слушая критические суждения Гранаткина, не мог не соглашаться с ним: «проблема» Бышовца обострилась до крайности.

Я должен сделать некоторое отступление. Начну с парадокса: одним из самых трудных противников спортсмена является... он сам. Не просто «наступить на горло собственной песни...», спорт же требует этого, если не постоянно, то очень часто. Именно в процессе преодоления трудностей, фанатичного упорства в тренировке, выковываются негибкие характеры чемпионов. Тяжело на тренировке – увеличивай нагрузку до «не могу». Устаешь в игре – трудись на тренировке через «не могу». Это первая заповедь спортсмена, желающего достигнуть вершины мастерства и рекордов.

В своей подготовке Анатолий Бышовец этой заповеди не следовал. Он готовился к предстоящим выступлениям на чемпионате, совсем не утруждая себя на тренировках. Он считал, что накапливает энергию, которая понадобится ему в нужное время.

Может быть, такая форма подготовки не вызывала бы беспокойства, если бы в тренировочных матчах он играл старательно. Конфликт обострился именно тем, что в играх-то Анатолий был очень пассивен, почти демонстративно безучастен.

Безразличие в игре и нерадивость в тренировке и вызывали раздражение Гранаткина, тем большее потому, что Качалин брал Анатолия под защиту, веря, что талантливый игрок достаточно знает себя, чтобы хорошо подготовиться к Мехико по своей методе.

Но вот перед последним матчем в Кито, на разборе игры в Миделлине, Качалин сам раскритиковал игру Бышовца, недвусмысленно сказав, что не посчитается с авторитетом игрока, если не увидит внесенных поправок и в тренировку и в игру.

И все же в Кито Анатолий начал игру так, что Качалин его в перерыве заменил. Это была необходимая мера, ребята стали уже высказывать недовольство таким отношением Анатолия к делу. Тем более что он был основным игроком на месте центрального нападающего и по сути дела дублера не имел. Возникло предположение, что гарантированное место в основном составе снизило его требовательность к самому себе.

В Кито мы остановились в отделе «Гумбольд». У меня был номер, похожий на художественное ателье. Большой, с огромными, во всю стену, окнами на две стороны. На улице тропический ливень, и мы с Алексеем Парамоновым, вторым тренером команды, меряем из угла в угол стеклянную клетку вот уже два часа. Обсуждаем сегодняшнюю игру. Мы отдаем себе отчет, что перелеты, переезды, высота, разница во времени, жара, неудачные игры тяжело отразились на всех

участниках. Поэтому нельзя терять самообладания и делать поспешные заключения. Но все же предпринять что-то надо. Может быть, срочно вызвать Владимира Федотова, показавшего в этом сезоне отличную игру: он мог бы создать здоровую конкуренцию на центральных местах в линии полузащиты и атаки и тем самым ослабить остроту «проблемы» Бышовца.

Еще два часа мы потратили – дождь все лил – на анализ состояния дел в коллективе, теперь уже втроем: к нам присоединился Качалин. В игре был удален с поля Дзодзуашвили. Как его между собой называют в команде, «Тигр Дигоми», на высоте двух метров шипами чуть не скальпировал эквадорского нападающего где-то возле центральной линии поля.

Оптимизм Качалина взял верх. Мелкие проявления нервозности, повышенная возбудимость по пустякам «не так сел», «не так встал» – естественное следствие утомления, как говорят экономисты, издержки обращения. Что касается Бышовца, Качалин решил положиться на него. «Давайте поможем Анатолию побороть самого себя – сказал Гавриил Дмитриевич, – ведь талантливый же он игрок, в конце концов, и парень с головой».

Мы согласились с Качалиным: трудности надо преодолевать в борьбе с ними. Все ребята несут большие тренировочные нагрузки, не щадят сил и будем считать, что никаких ЧП у нас не произошло. «Верить и действовать – вот наш девиз»,

сказали мы друг другу.

И все же, сидя бок о бок с Гранаткиным в креслах самолета, я понимал его раздражение и сам далеко не был спокоен душой.

Я и тогда считал и сейчас считаю, что мексиканский чемпионат мира был наиболее трудным по условиям участия в нем. Это четвертый по счету чемпионат, проводившийся в западном полушарии. Напомним: первый был в Уругвае в 1930 году, второй – в 1950 году, третий в Чили в 1962 году. Ни разу «на том берегу» европейским командам не удалось завоевать победу и звание чемпиона. Дважды этого добился Уругвай и один раз Бразилия.

Все три предыдущих чемпионата проводились на побережье Тихого и Атлантического океанов. Мексиканский – ждал гостей на горных высотах свыше 2000 метров. Кроме того, начало матчей было отнесено на полдень. В это время солнце находится в зените, фигура футболиста под отвесными лучами тени на поле не отбрасывает.

Все эти особенности нам были известны. Мы уже трижды побывали в Мексике. И тот, кто там играл, знает, сколько надо сил, чтобы с предельным напряжением провести матч в двенадцать часов дня на стадионе «Ацтека», когда температура в тени до 40°.

...В Панаме вынужденная посадка и неожиданная ночевка. У самолета компании «Авианка», на котором мы летели, отказал радар. Садись на ощупь. Испугаться опоздали, по-

тому что об угрожавшей нам опасности узнали после посадки. Но все равно какое-то беспокойство в душе ощутили – неужели опять на самолете этой компании полетим.

Стартовали мы только на другой день к вечеру и прилетели в Мексику на сутки позже, чем предполагали. Одиннадцать дней в пути показались за год, будто бы давным-давно мы вылетели из Москвы.

Чемпионат мира по футболу – концентрация страстей огромной взрывной силы. Национальные усилия, вкладываемые в футбол, сопряжены с надеждами народа на успех своей команды в этом несравненном по своему размаху футбольном соревновании. Количество стран-участниц здесь больше, чем объединяет ООН: в мексиканском чемпионате участвовали команды 93 наций. Не все команды равны по классу игры, но нет ни одной, которая реально не рассчитывала бы услышать гимн своей страны в честь победы над противником, хотя бы один раз. И вот шестнадцать сильнейших, прошедшие препятствия предварительного этапа, съезжаются в страну, чтобы на глазах миллиарда телезрителей, десятков тысяч местных болельщиков, тысяч туристов, сотен корреспондентов, комментаторов отдать последние силы для оправдания доверия своих соотечественников, четыре года не расстававшихся с затаенной мечтой увидеть «Золотую богиню» в руках капитана своей команды.

Я побывал на четырех последних мировых чемпионатах. Швеция, Чили, Англия соответственно были эпицентрами

этих футбольных сотрясений. Каждый раз с ростом числа участников повышалось значение этого всемирного футбольного фестиваля. Каждый раз накал страстей и взлет эмоций возрастал. Мексика в этом отношении ошеломила. Электрическая возбужденность в людях бросалась в глаза, как только вы ступали на мексиканскую землю.

Я в Мексике не новичок. Мексиканский темперамент и одновременно приверженность к юмору во всех его проявлениях мне знакомы. Эти качества мексиканцев ярко характеризует карикатура из газет: мужчина в третий раз настойчиво постучал в телефонную будку, напоминая задержавшемуся там человеку, что пора закончить разговор, объясняя свою настойчивость тем, что очень спешит. Вышедший из будки вынул из кармана пистолет и выстрелил в нетерпеливого парня, сказав: «Теперь тебе некуда спешить».

Традиционные мексиканские турниры сопровождаются необычайным проявлением эмоций. На переполненном стадионе всегда можно увидеть набор самых невероятных по размеру и по звучанию шумовых изделий. Взрывы одобрения и возмущения исторгаются с вулканической силой. Одновременно добродушным рукоплесканием встречают появление ведущей команды столицы, впереди которой шествует одетый в футбольную форму клуба козел – символ удачи.

Мексиканская коррида и чарос – отдушины, через которые выходят избытки бурных страстей горячих сердец мексиканского народа. Кстати говоря, начало матчей в двена-

дцать часов дня обуславливалось корридой. Зрителю обеспечивался запас времени для посещения этого зрелища. Коррида исторически неизменно проводится во второй половине дня. И нет власти, которая нарушила бы эту традицию: она освящена веками.

И все-таки ажиотаж, вызванный чемпионатом мира по футболу, отодвинул все на второй план. Страну лихорадил футбол...

С трудом протиснувшись через многоликую, разноязыкую, кричащую толпу корреспондентов с блицами, магнитофонами, блокнотами, под ослепительными прожекторами, отдав должное фоторепортерам и журналистам, мы наконец уселись в автобус и двинулись вперед в окружении полицейского отряда. Три мотоциклиста впереди под командой капитана полиции и два рафика сзади с автоматчиками. Капитан полиции был импозантен. Он монументально восседал в мотоциклетном седле, мягко, по-кавалерийски, приподнимаясь при толчках. Округлое оливкового цвета лицо, темные глаза и черные как смоль, аккуратно постриженные усы делали его похожим на мексиканского киноактера. Он завладел нашим вниманием своей виртуозной ездой на мотоцикле. Капитан пробивал нам дорогу, осаждая недисциплинированных в уличном движении мексиканцев. Он врезался в гущу машин, закладывая невероятные виражи на своем мотоцикле, оттеснял их на обочину, перекрывал движение: мы мчались под его руководством, ни на секунду не останавли-

ваясь. Ребята были в восторге от его действий. Кто-то назвал его «Чикука». И не ошибся. Он действительно был похож на популярного киноактера, сыгравшего в мексиканском фильме комически-самоуверенного, но незадачливого влюбленного Чикуку. Так под этим прозвищем и существовал капитан до конца нашего пребывания в гостинице «Эскаргот».

После мирового чемпионата много писали о пребывании команды в Мехико. Печатались разноречивые впечатления, основанные на мимолетных посещениях нашей гостиницы тем или иным журналистом и кратких интервью, взятых у отдельных членов делегации. Внешне в этих описаниях много верного. Действительно, мы жили за закрытыми воротами. Но ни на внешний, ни на внутренний наш быт эти ворота никакого влияния не оказывали.

Организация быта и досуга, условия тренировочной работы играют важнейшую роль в жизни спортивного коллектива на выезде. Это и есть фундамент его психологической подготовки. В Мехико в силу специфических обстоятельств эта сторона дела была особенно важной. О нашем быте я расскажу.

Наш отель размещался в центре города. Четыре небольших двухэтажных коттеджа, обнесенных сетчатым металлическим забором с воротами из металлического прута, – вот и все заведение, рассчитанное на размещение сорока пяти – пятидесяти гостей. Образованный коттеджами двор засажен полутораметровыми кустами и деревцами, которые окайм-

ляют газоновую площадку размером в четверть футбольного поля. Одним словом, чистые номера, мало народу, много зелени, тихо. Кроме нас, в отеле живут только немецкие журналисты и хозяйева – милейшая пара стареющих французов, синьор и синьора Дальвади, обитающие в специальной пристройке. И рядом с ними, тоже в отдельных апартаментах, черный пудель Цукки – их единственная отрада в мире. Кстати, Цукки сделался общим любимцем всех обитателей отеля. Он приветствовал нас радостным лаем, когда мы возвращались в отель, и тоскливыми глазами провожал на теоретические занятия.

Ночь проспали как убитые. А с восьми часов утра приступили к работе. Она началась с зарядки, проводившейся тут же на нашей зеленой лужайке. Заметно повеселевшие ребята «отработали» зарядку добросовестно. Хороший признак, он всегда прямо пропорционален настроению. До игры с мексиканцами еще десять дней – времени достаточно, чтобы восстановить затраченные в долгом пути силы, акклиматизироваться на высоте и адаптироваться к разнице времени в восемь часов.

Теперь особое значение приобретало настроение ребят на предстоящий матч. В глазах всех специалистов международного футбола, мы более знатная команда. Мы и сами знаем, что Мексика не гранд мирового футбола. Это представление глубоко утвердилось в сознании футболистов. Однако теперь важно было осознать, что мы встретимся не с обычной

мексиканской командой. Мы увидим на поле одиннадцать игроков, которые прошли психологический обжиг при температуре высочайшего накала в прессе, по радио, по телевидению, во всех слоях общественного воздействия, вплоть до государственной присяги.

Мексиканские футболисты прошли полный цикл закаливания характера спортсмена. При неудачах в тренировочных матчах их оскорбляли. А они, закусив губы, шли к цели – достойно выступить у себя дома на мировом чемпионате. У нас имелось досье на мексиканскую команду обо всем, что было связано во всех сферах с ее подготовкой за последние два месяца.

Из материалов было видно, что команду то хвалят и прочат ей «Золотую богиню», то забрасывают подушками: знак презрительного возмущения – запустить подушку для сидения в уходящих с поля игроков.

Из команды были отчислены две «звезды» – Сиснерос и Нуньес. На знаменитом курорте Акапулько, где команда отдыхала, они возвратились в гостиницу в сильном подпитии в 6 часов утра. Тренер Карденас был неумолим. Общественность заступалась – «подумаешь, ребята немного выпили»... Однако «звезды» возвращены не были. В канун нашего приезда еще два лидера – Борха и Диас – висели в воздухе. Но они в число двадцати двух попали. В последний момент Карденас включил их в заявку: слишком поредели бы ряды мексиканской сборной в борьбе за их чистоту.

С сенсационной статьей выступил доктор-психиатр Онеже Бауренке. Он утверждал, что интеллект игроков сборной команды Мексики равен 33 процентам от нормального. Он иллюстрировал свою мысль примером опыта с мышами. Вот что он писал:

«...Недалекий, с комплексом неполноценности, задавленный своей физической и умственной немощью, заранее обречший себя на поражение, мексиканский футболист переживает сейчас истерию, что незамедлительно отражается на публике, которая в свою очередь, обманутая в своих ожиданиях, также участвует в большом психозе пораженчества и параноическом проявлении, вызванном самими футболистами...»

Ничего не скажешь, пожалуй, сильнее, чем высказался наш «иностранец» в вестибюле Дома дружбы. Но доктор идет дальше, он развивает свою мысль:

«...С такой низкой умственной способностью никто не сможет победить в спорте, где необходимы моментальные реакции, гибкость ума и уверенность в своих силах...»

Тут доктору не откажешь в истине. Далее Онеже Бауренке доходит до мышей:

«...Посадите мышь голодную и жаждущую в клетку, где нет ни хлеба, ни воды, но которая соединена ходами с другими клетками, где есть пища. Отсутствие умственных способностей мешает ей толкнуть одну из дверок и удовлетворить свои потребности. Мышь умирает от голода и жажды в

паническом состоянии.

В таком состоянии находятся и члены сборной команды. Низкий коэффициент умственной способности мешает им разрешить элементарные проблемы, с которыми они сталкиваются...»

Я не знаю, как отнеслись к научным обобщениям доктора Онеже Бауренке мексиканские футболисты, которых он снизвел до мышиноного уровня, но я, прочтя это «психиатрическое изыскание», подумал, что наш противник свое возмущение прежде всего выместит на нас. Они захотят доказать, что могут открыть «дверку» от наших ворот, зная, что за этими дверьми находится вожденная победа.

Президент республики Густаво Диас Ордас избрал другую, более верную форму подъема духа мексиканских футболистов. Он посетил сборную команду и вручил ей знамя, которое принял капитан Пенья.

– Не только соревноваться, но победить, как верные мексиканцы! – провозгласил президент.

– Мы должны быть верны долгу! – присягнули футболисты, приложив правую руку к сердцу.

Кардинал Мексики обратился к согражданам с призывом: «Верующие, молитесь за победу мексиканской команды!»

Поток информации не иссякал. Каждый день приносил что-то новое в падкие до сенсационных сообщений мексиканские и другие иностранные газеты.

У нашего отеля всю ночь дежурит автобус с нарядом по-

лиции. Ночью полицейские дуются в карты. Днем выманивают значки и «бандерили» – маленькие вымпела. С утра появляется Чикука. Отношения у нас с полицией быстро упростились. Чикука дважды в день сопровождает нас на тренировки, продолжая удивлять трюкачеством на мотоцикле. Мы уже знаем, что он женат, у него двое детей – с великолепной самодовольной улыбкой показал нам фото всей семьи – и что он ждет не дождется пенсии: до тридцатилетнего стажа работы в полиции осталось полгода.

Он рассказал нам доверительным шепотом, что в полицию поступили сведения о намерении похитить Шестернева, поэтому, мол, до матча с мексиканской командой такой строгий надзор.

К этому времени в прессе уже промелькнули сообщения о намерениях гангстеров похитить Бобби Чарльтона у англичан и Мюллера у немцев. Ажиотаж нарастал.

Вот записи из моего дневника:

«...Что-то случилось с Муром в Боготе. Падилья, как и Роча, получил травму: грешно, но мы рады.

Англичане привезли бульдога – талисман. Врач ему уделяет внимания больше, чем футболистам. Здоровье пса определяет их настроение: свято верят, что бульдог их барометр, и дрожат за его здоровье с суеверным страхом – не дай бог, заболит.

Уругвайцы с теми же целями, т. е. для укрепления веры и надежд, привезли трехмесячного тигренка. Журналист шу-

тит, что в страхе от Ривы он убежит со стадиона.

Машина подсчитала, что самый популярный автограф – Яшина; на втором месте Пеле. Примерный эквивалент: за один автограф Левы дают три итальянских или уругвайских.

Один американец прибыл на чемпионат из Аляски на лошади. Мы вместе с ним, его лошадю и собакой выступали по телевидению. Тут же был аргентинец, прибывший в Мехико со своей родины пешком.

Вчера (25 мая) был Толуке. Смотрел итальянцев в товарищеском матче с местной командой. Итальянцы ходили по полю пешком. Сильнейшее впечатление оставил Рива. Сплав: Федотова – по манере бега; Бутусова – по фигуре в молодости; Стрельцова – по рывку и удару; Сальникова – по игре головой и Петра Мидлера (был такой игрок в московском «Динамо») – по одноножию: ведет игру только левой ногой. Недостаток обращается в достоинство: виртуозная нога, иначе не скажешь. Талантливый игрок. Из пяти забитых голов два забил сам, в трех соавтор. Тигренок и впрямь с перепугу со стадиона убежит...»

Спортивные организации Мехико провели массовое разучивание национального гимна. Его будут петь перед началом матча на «Ацтека», это примерно сотысячный хор.

Вспоминается отборочный матч с турками перед чемпионатом мира в Чили в 1961 году. Там пел хор болельщиков, в неисчислимом количестве разместившихся на прилегающей к стадиону горе. Наши ребята стояли на поле бледные под

натиском этой психической атаки. Но игру не отдали, выиграли. Напряжение было столь велико, что на банкете после матча президент футбольной федерации Турции, произнеся несколько слов из приветственной речи, в обмороке повалился навзничь. И хлопыстнулся бы затылком об пол, если бы я, сидя рядом, не изловчился его подстраховать.

А когда заместитель президента хотел закончить приветствие, то и ему это сделать не удалось: теперь уже после второй фразы в обморок свалился переводчик.

Мексиканская федерация футбола наняла, кроме того, специальных дирижеров массовой декламации. Они будут управлять скандированием трибун во время игры: «Мехико!.. Ра-ра-ра!»

Сколько же после «Ацтека» будет обмороков?..

...Были в гостях у местного прогрессивного деятеля – коммуниста. Дом-вилла, огражденная каменным забором. При доме бассейн, кегельбан, теннисный корт, площадки для всевозможных игр. Радужные хозяева, муж и жена, накормили и напоили сорок человек.

Вместе с нами на зеленом газоне под тенистыми деревьями расположился со своими подчиненными Чикука, сняв свои портупей и отбросив в сторону многозарядные кольты. Отдохнули хорошо. Вино пили только полицейские...

В центре внимания «дело» Мура. Министр иностранных дел Англии заявил протест МИДу Колумбии. В защиту Мура выступили в печати – Пеле, Поплухар, Ривера. Подозревает-

ся подкуп, организованный антиевропейскими футбольными силами. Против Мура три свидетеля: полицейский, которому поступило заявление о пропаже браслета через десять минут после ухода троих англичан, из которых опознан один Мур; гид, подтверждающий, что англичане действительно заходили в этот магазин, и хозяин аптеки, расположенной напротив магазина, видевший якобы, как Бобби Чарльтон отвлекал разговором хозяина ювелирного магазина и продавщицу, а за его спиной Мур вытащил из-под стекла витрины браслет и, сунув его в карман, «ускользнул» из магазина.

Все это шито белыми нитками.

Почему Мур не был задержан сразу? Почему его арестовали через два дня, уже после того, как он сыграл игру в Эквадоре? Почему это было сделано в момент посадки в самолет, после пятичасового ожидания в аэропорту Боготы стыкового самолета? Почему не был задержан, как соучастник, Бобби Чарльтон? И еще бесконечные «почему»... Грязная история. Предостерегающая о возможности любой провокации...

С каждым выпуском газет становится очевиднее, что «дело» Мура вышло за рамки спорта. Английская пресса на первых полосах освещает это событие. Премьер Вильсон, как сообщают газеты, дал телеграмму английскому послу в Колумбии требовать немедленного освобождения Мура. В связи с этим конфликтом в газетах взвешиваются шансы консерваторов и лейбористов на предстоящих выборах. Боль-

шинство склоняется к тому, что на этой истории выиграют лейбористы, так как консерватор Вильсон увлекается футболом и является поклонником Мура и его команды.

Президент Колумбии, тоже стоящий накануне выборов, занимает нерешительную позицию. Он на представление английского посла ограничился указанием расследовать дело в течение пяти дней, соответственно закону.

На судью идет давление со всех сторон. Объективная общественность на стороне Мура. Ослиные уши провокации торчат самым откровенным образом.

Старший тренер Рамсей резонно заявляет: «Мур и кража – несовместимо! Он при желании мог бы купить весь этот магазин вместе с отелем (маленький ювелирный магазин находится при отеле): у Мура в Лондоне три больших ювелирных магазина, лично ему принадлежащих...»

Судья вызвал на допрос Бобби Чарльтона. Но Бобби заявил, что он готов дать самые детальные показания в пользу Мура (кстати, он не отрицает, что в магазин они действительно заходили) здесь в Гвадалахаре, но в Колумбию он ни за какие коврижки не поедет.

Мура допрашивали пять часов кряду.

Какой-то меценат, член федерации футбола Колумбии, перевел номинальную стоимость браслета – 1300 долларов – хозяину магазина, чтобы тот отказался от иска. Но хозяин предъявляет Муру иск «за моральный» ущерб – 10 000 долларов.

Начальник министерства безопасности Колумбии выступил в печати с заявлением о невиновности Мура. Мура отпустили условно, с обязательством явиться по первому вызову колумбийского посольства в Мексике. На случай побега к нему приставлена молодая девушка из колумбийского консульства. Английские игроки шутят, что Мур такая бестия, может скрыться прямо во время игры с футбольного поля. Будучи совсем несведущей в футбольных делах, она умоляет сказать, под каким номером он будет играть.

Английские газеты полны карикатур по этому поводу. В одной эта девушка с настороженностью детектива подсматривает в щелку, в то время как Мур по малой нужде зашел в общественную уборную...

Англичане не нашли гостеприимства в западном полушарии. Южноамериканские страны не могли забыть обид на хозяев VIII чемпионата мира. Лишенная короны Бразилия, травмированный Пеле, удаленный Ратин, «судейский произвол», одним словом, «проклятая англичанка».

Между тем Рамсей понимал, что такое общественное мнение и чего оно стоит, когда сложится благоприятное.

Он не случайно отправился из Гвадалахары в Колумбию и Эквадор. Мы встретили англичан в Боготе. Наши пути скрестились. Мы из Боготы в Мехико, они из Гвадалахары в Колумбию и Эквадор. Мы сидели и очень утомленные ждали самолета в аэропорту. В это время подрулил их лайнер из Гвадалахары. Они выглядели впечатляюще. Все, как

один, в синих спортивного покроя костюмах, с эмблемой национального герба. Уверенная неторопливость в походке – поступь чемпиона. Профессиональная спортивная солидарность для фотокорреспондентов и журналистов. Сняться всей группой? – пожалуйста. Отдельно Бобби Чарльтона, Бобби Мура? – охотно; интервью? – к вашим услугам.

Тут же Альф Рамсей в разговоре с нами заявил, что два матча в Колумбии в благотворительных целях они дадут бесплатно. Но южноамериканцы не клюнули на эту приманку: наживка была мала. Что такое два благотворительных матча в сравнении с крупными прибылями для всего южноамериканского футбола, если удача улыбнется командам западного полушария. Кассы опять будут лопаться от сборов. Поэтому палки в колеса европейским командам! В первую очередь главным конкурентам, их лидеру – чемпиону мира, обидчику и зазнайке, неправомерно отобравшему корону у признанного короля – бразильского футбола.

Бизнес есть бизнес. Законы морали и благородства в нем не в чести. Международный профессиональный футбол зиждется на коммерческих интересах. Естественно, что и мировой чемпионат, как высшее проявление профессионального футбола, не свободен от влияний бизнеса. Он кладет свою тень и на организацию общественного мнения, и на судейство, и на отдельные решения организаций, связанных с проведением чемпионата.

Так или иначе, но колумбийцы на благотворительный

жест англичан ответили обвинением капитана их команды в воровстве.

В тлевший костер обид южноамериканцев английский тренер, не сдержав раздражения, подлил масла. В день приезда в Колумбию у него украли 400 долларов, перстень, документы. В запальчивости он так поносил латиноамериканцев, что вызвал всеобщее негодование колумбийцев. Может быть, от этой искры и вспыхнул пожар с Муром.

– Ах, мы воры?! Ну, так посмотрите, каков капитан команды чемпионов мира – англичанин Мур!

Таким образом, чемпионы мира попутного ветра по ту сторону Атлантики не обрели. Наоборот, утративший самообладание Рамсей вступил с многоликим противником в холодную войну. Подул встречный ветер язвительных укусов в прессе, который добрых отношений и впредь не обещал.

Англичан недвусмысленно обвинили в организации сговора европейских команд против южноамериканских противников. Проскользнула заметка, что Скотланд-Ярд заслал группу сыщиков, чуть ли не для похищения Пеле.

Рамсей в этой войне взял весь огонь на себя. Он вызвал раздражение журналистов, строго запретив вход на стадион кому бы то ни было во время тренировочных занятий его команды.

Когда мексиканцы выиграли товарищескую встречу у английской клубной команды и вскураженные крупной победой хозяева поля обратились к нему за интервью, то Рамсей

сказал по адресу победителей:

– Я никогда не видел такой плохой команды...

Пресса ему этого не простила. В заметках об английской команде можно прочесть: «Рамсей улыбнулся и оскалил свои желтые, редкие зубы...» или «Рамсей, как видно, не часто моет свои руки...»

Английский футболист, укаченный во время прохождения штормовой зоны над Панамой, подан на фото, как напившийся до отвратительного состояния пьяница.

Рамсей призвал на помощь английскую прессу изобличить происки мексиканских журналистов. Он отказывался давать интервью мексиканцам. «Я вам говорю одно, а вы печатаете другое», – отмахивается тренер отседающих журналистов.

Но ему уже не изменить сложившееся у местной общественности мнение об английских гостях. Чикука, например, говорит: «С вами работать рай, а вот с англичанами не дай бог!» – «Почему?» – спрашиваем мы. «Очень чопорны, надменны, даже не здороваются», – отвечает наш телохранитель.

Пока что возвратившийся в команду Мур не досчитывается трех килограммов до своего боевого веса...

На приеме в посольстве присутствовали баски. Они явились – Лангара, Ауэдо, Алонсо, Ларинага, Бласко, Педро Регейро – одновременно. Приветливо раскланиваясь, они шли среди зеленых деревьев посольского двора той неторопли-

вой, уверенной походкой, которая отличала их на перроне Белорусского вокзала тридцать пять лет тому назад. Не хватало впереди Луиса Регейро.

– Луис трабахо (работает), – ответил на мой вопрос, почему нет капитана, его брат Педро. Чудесная дружба у этих басконцев. Их полку в Мексике все прибывает. У детей нарождаются дети. Московские гости почти все уже деды. Один Исидро Лангара холост. Когда разговор заходит о его цветущем виде, он сжимает кулак, сгибает в локте руку и обращается ко мне: «Андрэс...» – попробуй, дескать. Я дотрагиваюсь до бицепса, под рукавом пиджака мускулы из стали. Довольно улыбаясь произведенным эффектом, он говорит:

– Утром – стакан соку; в 12 часов – один банан; в 17 – плотный обед; вечером – кое-что.

Под весёлый смех остальных Ларинага с добродушной иронией замечает: «кое-что» – это апперитив, джин, виски и коньяк.

Лангара объект дружелюбного юмора всей компании. Все знают о его пристрастии к горячительным напиткам и навивной привычке маскировать якобы строгим режимом свое увлечение, приписывая именно режиму и свою железную мускулатуру и свежесть облика.

– Андрэс, в день открытия чемпионата вас ждет тяжелое испытание. По всему судя, мексиканцы будут стоять на смерть. Им есть чем бороться: команда подготовлена хорошо, – сказал Исидро. И все остальные, согласно кивнув го-

ловами, произнесли: «Си... Си... Си!..» (да... да... да...)

Встречал Яшина. Он прилетел вместе со Шмуцем и массажистом Анатолием Морозовым. Вся пресса, находившаяся в Мехико, приехала на аэродром. С трудом закончили пресс-конференцию тут же в аэропорту. Вопросам к прославленному вратарю не было числа. Однако главный – будет ли Яшин играть? А когда я сказал, что он заявлен в числе 22-х, и Лева, пожав плечом, уклончиво ответил, что это дело тренеров решать, будет ли он играть, то раздались громкие аплодисменты.

Долго не мог заснуть, словно в самолете сон бежал от меня. А мысли, наоборот, набегали и набегали, чередую сменяя одна другую. То успокаивающая приходила на смену тревожной, то вновь возвращалась тревожащая. Комплекс вопросов в нашей подготовке настолько сложен, многогранен, состоит из стольких слагаемых, что сбалансировать общее состояние накопленных преимуществ и потерь очень трудно. Всегда ищешь главное звено в этой длинной цепи хитросплетений. Пожалуй, главное – это мобилизованность людей: готовность нести жертвы во имя достижения цели. Остальное приложится, думалось мне. Все дело в человеке, в его личности. Если игрок справился с собой и тверд характером, то есть готов на жертвы, он горы свернет. Но в него надо верить и доверять ему. Наставник не должен порабощать ученика. Если тренер лепит игрока только по своему образу и подобию, то в конечном счете сотворит одиннадцать автопортре-

тов. Личность игрока сотрется.

Вспоминается спор на квартире у Арнольда. Были его друзья по цирковому искусству, чета Ольховиковых, Исидор Шток. Разговор зашел о футболе. Обсуждали неудачное выступление одной из ведущих команд, во главе которой стоял тренер-«диктатор», по образному выражению Арнольда. Исидор Шток проводил аналогию с театром и защищал линию «твердой руки»: «Режиссер в театре должен быть требовательным», – говорил драматург. Николай Ольховиков, занимая позицию золотой середины, с присущим ему артистизмом рассказчика пародировал в лицах режиссера-«диктатора» и режиссера-«демократа».

А Арнольд хрипло и громко басил: «Раньше, когда театр приезжал на гастроли, то аршинными буквами писали на афише фамилию актера, а где-то внизу маленькими буквами фамилию постановщика. А сейчас наоборот, имя режиссера пишут во всю афишу, а фамилии исполнителей едва прочтешь. Не надо ни „диктаторов“, ни „либералов“ – нужен режиссер-человек. Если он человек достаточно образованный и знает хорошо театральное дело, то он скажет, какими буквами надо писать его фамилию и какими фамилию актера»...

Верная мысль – образованный, знающий дело человек! При таком тренере личность игрока не сотрется. Он вложит в душу и сознание футболиста только ту частичку себя, своих знаний, которая не уйдет в игроке творческую инициати-

ву. Он «напишет» свою фамилию так, что она не заденет достоинства игрока.

Профессия тренера трудная. Я много видел тяжелых переживаний. Густав Шебеш, создатель одной из лучших сборных команд всех времен, сборной команды Венгрии начала пятидесятых годов, за полтора часа игры венгров с немцами на мировом чемпионате в Берне потерял любовь и признание ценителей футбола, которые накапливал всю жизнь. Он вернулся в Будапешт к разгромленному жилищу: разъяренные болельщики не пощадили даже кров его семьи.

Доктор Фабри – маленький Наполеон – возглавивший «Скуадра-адзурру», приехал в Англию за своим Маренго, но получил Ватерлоо. Тут же в Сандерленде после поражения от команды Кореи, которое по сенсационности сравнивали лишь с поражением Англии на мировом чемпионате 1950 года от команды американцев, был судим корпусом итальянских журналистов. Это была драматическая мизансцена. Маленький, бледный, как полотно, тренер стоял и слушал обличение маститых журналистов, которых он лишил надежд на третий триумф итальянского футбола на мировых чемпионатах, нанеся им вместе с моральным и крупный материальный ущерб: репортажи с английских футбольных полей в Италии потеряли интерес.

– Увольте Фабри! Со времен древней истории Италия не знала более позорного поражения... – обратились журналисты к итальянской федерации.

– Пусть федерация обследует всю мою работу и после этого решает, – защищался Фабри. Но новый тренер уже стоял за его спиной – это был его помощник Валькареджи.

В той же Англии не менее крупную катастрофу претерпел Венсенте Феола. Мы расспрашивали этого грузного, согнувшегося под ливерпульскими невзгодами пожилого человека, одиноко сидевшего за столиком в баре лондонского аэропорта. Он жаловался, что за восемь дней английского чемпионата в бразильской сборной команде повреждено игроков больше, чем за предыдущие девять лет. Беда застигла бразильцев врасплох. Они не были подготовлены к отъезду и отступали из Англии, как французская армия из-под Москвы – неорганизованно. «Король футбола» Пеле, без всякой свиты и без единого фотографа, хромящийся садился в поезд на одном из лондонских вокзалов. Наверное, это был самый черный день за все годы его футбольного царствования. Газетчики, не считаясь со спортивным тактом и без минимальной уважительности к падшему кумиру, печатали напутствия: «Пеле отковылял с мирового чемпионата...» «... Король футбола может возвращаться в Бразилию и считать там кофейные зерна...» Лишь не потерявший самообладания руководитель бразильского футбола Жоао Авеланж благодарил в интервью команду и пророчески сказал: «Мы снова достигнем величия!»

А между тем Венсенте Феола, изобретатель системы, перевооружившей тактически весь мировой футбол (един-

ственный человек, не признававший за собой права на авторский патент, утверждавший, что тактическая система подбирается для футболистов, как готовое платье для людей. Просто, дескать, бразильским игрокам в такой расстановке удобно играть – тут и изобретать нечего), ехал в противоположную сторону от своей родины. В кармане у него лежал билет на Рим. В Бразилию в настоящую минуту маститый тренер возвращаться не мог. Он помнил последнюю телеграмму из Сан-Пауло от возбужденных болельщиков, полученную накануне матча с Португалией. В ней лаконично было написано: «Проиграете, не приезжайте».

Болельщики не бросали слова на ветер. Обманутые в ожиданиях, они взыскивали с «виновных». Португальские лавчонки были разгромлены. Судно в порту, капитан которого португалец, не сумевший скрыть восторга по поводу победы своих соотечественников, запустил в воздух ракету, разнесли чуть ли не в щепы. Не миновать бы этого и дому Феолы. Чтобы предотвратить катастрофу, полиция была вынуждена взять его под круглосуточную охрану. Вот и ехал Венсенте Феола не через океан к семье, а в чужие края переждать, пока утихомирится океан человеческих страстей, разбушевавшихся после поражения «би-чемпиона мира» – сборной команды Бразилии – в злополучной Англии.

Нет, нашему тренеру разгром семейного очага не грозит. Однако есть для человека, где бы он ни работал, высший суд – суд собственной совести. В разговоре со мной Качалин

неоднократно говорил, что отказывался принять должность старшего тренера сборной команды: неловко возвращаться, два раза осечка – в Швеции и в Чили, – в третий раз соглашаться готовить команду к чемпионату мира совесть не позволяет.

И все-таки пришлось ему попробовать свои силы в третий раз, теперь на мексиканских полях. Хотя и сильно скрипела телега, которую он принял, но все же верилось, что Качалин именно тот тренер-педагог, который нужен команде, и именно он на опыте прошлых лет способен привести ее к успеху.

Я слышу его за стеной. Мы живем на первом этаже коттеджа.

Я поселился с Парамоновым. Качалин один. Гостиная у нас общая, и в ней прекрасный телевизор. Эта комната вроде вечернего клуба, сюда заходят футболисты смотреть футбол, когда сами не играют.

Похоже, что Гавриил Дмитриевич тоже не спит. Может быть, думает о том же, о чем и я. О главном звене: о мобилизационной готовности. И в первую очередь о сегодняшней тренировке.

Мы ездим на тренировку в спортивный центр «Астурия». Прелестное место. Солнце, воздух, зелень, чистота. Нам отведено прекрасное газоновое поле. Множество семей, собирающихся здесь для отдыха, нам не мешают. Мы в дальнем углу, отгороженном забором. Условия для тренировки отличные.

Во время тренировки произошел эпизод, который сам по себе не носит характера чрезвычайного происшествия, но оставил пренеприятный осадок.

Ребята били по воротам. На фоне остальных Анатолий Бышовец нехотя, небрежно бил по мячу, главным образом, нанося удары «подсечками», «подрезками». Качалин его поправил. Он, как мне показалось, умышленно засветил мяч метров на сто выше ворот.

– Ты, что, Анатолий, нарочно?

– Я так бью, – ухмыльнувшись, ответил он Качалину и отправился играть в квадрат.

Качалин сдержался. Этот случай мы обсуждали вечером у себя в номере. В обычной обстановке, говорил я, можно было бы и не придавать ему большого значения, но ведь через два дня играть матч, который на четыре года определит судьбы нашего футбола, это вызывает серьезные опасения. Гавриил Дмитриевич, не менее меня озабоченный этим обстоятельством, своей линии все же не изменил. Решил верить игроку до конца и проглотить горькую пилюлю неуважительности, чтобы не оборвать в напряженнейший момент ниточку, за которую можно вытянуть всю цепь подготовки коллектива к решению ответственной задачи.

Хоть «собственная песня» футболиста была фальшива, наверное, и самому исполнителю она не нравилась, но наступить ей на горло оказалось труднее, чем допеть до конца. И Анатолий допел: после ужина ушел к себе в номер, как ни в

чем не бывало. Он жил с Валерием Паркуяном, своим близким товарищем, которого любовно называл «Паркуша». Мне представилось, что в тот вечер, когда мы – Качалин, Парамонов и я – обсуждали этот эпизод в нашей гостиной, то Анатолий и Валерий у себя в номере тоже не обошли эту тему.

Нитка моих отношений с Анатолием напряглась до предела. Я ему лично своих недовольств не высказывал. Индивидуальные беседы с ним вел Гавриил Дмитриевич. В таких случаях двусторонний нажим может вызвать только раздражение. Но он не мог не слышать моих откликов на его поведение. Во всяком случае, протест в свой адрес, как мне показалось, я заметил. Когда находишься в поездке, скрыть в коллективе ничего нельзя. Каждый, если можно так сказать, обладает абсолютным кулуарным слухом. Любой оттенок в голосе, нюанс в действии улавливается почти безошибочно. В столовую вошел Анатолий и всем присутствующим дал подписать фотокарточку команды, кроме меня. Парень он воспитанный и не преминул бы подождать собирать автографы, пока я нахожусь здесь. Но он не захотел скрывать своего отношения ко мне. Я подумал: холодная война.

Может быть, именно поэтому сон не шел ко мне. А рядом в кровати, лежа навзничь, с блаженной улыбкой на лице еле слышно во сне посапывает Парамонов. Наверное, он уже играет в финале, и я ему завидую. За день он так набегается по футбольному полю вместе с игроками, что на психологические этюды ему ни времени, ни сил не хватает.

Допускаю, что врач-психолог иронически улыбнется на мучившую меня бессонницу по такому пустяку, как «проблема Бышовца». Никакой, мол, и проблемы не было: надо было посоветовать Анатолию, скажем, аутогенный метод тренировки, а самому излишне не нервничать по такому ничтожному поводу, и сон бы сразу пришел.

Но у нас в гостиной на столе лежали сотни писем, телеграмм, посланий со всех концов нашей страны. Все они были полны надежд и пожеланий. О безмятежном сне не могло быть и речи, если хоть один игрок, пусть самый запасной из запасных, хоть немного не в своей тарелке...

Такие дни, как 31 мая 1972 года, футболистами не забываются: открытие чемпионата мира. Жребий сделал свой выбор, мы встречались с хозяевами поля. Я думаю не ошибусь, если скажу, что большего напряжения, чем в этот день мне переживать не приходилось. Были матчи, исход которых по своему значению превосходил этот. К примеру, финал олимпийского турнира или финальный матч на Кубок Европы. И все же там не было такого ажиотажа и напряжения, какое испытывали мы в Мексике. И в Мельбурне, и в Париже мы играли с нейтральными командами. «Чужих стен» не боялись. Здесь за десять дней пребывания мы столько насмотрелись и наслышались о подготовке мексиканцев к этому дню, что размах события принял значение общегосударственного престижа.

Кто-то из бывалых журналистов высказал мнение, что

чемпионат мира ничего особенного с собой не несет и ничем вроде бы от обычного календаря на первенство страны не отличается.

Думается, что это кокетство бывалостью. Я был на мировых чемпионатах мира четыре раза. Города, в которых проводятся состязания, преображаются. Даже такая громадина, как Мехико, с его четырехмиллионным населением, казалось, не имел уголка, где бы чем-то не был обозначен мировой чемпионат. Или популярнейший Хуанито, сделавший своего создателя-художника богатеем, или бандерили, вымпела, флаги всех участвующих стран в неисчислимом количестве смотрели на вас с витрин магазинов, рыночных палаток, уличных ларьков, рекламных стендов. Трудно вообразить феерическую красоту иллюминированного на футбольные темы вечернего Мехико. Море электрического огня, пляшущих, скачущих, движущихся фигурок, мячей, цифр, сочетаний букв – и все о футболе, о футболе... И темпераментный, живой, неутомимый, не устающий говорить о футболе мексиканский болельщик. Любовь к футболу мексиканского народа пока превышает его чисто спортивную квалификацию. В табели о рангах сборная команда Мексики занимает скромное место. Но все же из девяти финальных турниров этого высшего футбольного соревнования Мексика участвовала в семи. Высшее достижение – одиннадцатое место в 1962 году, в иных турнирах впереди таких грандов мирового футбола, как Испания, Уругвай.

Если команда Мексики не могла до сего времени продемонстрировать в выступлениях на первенствах мира преимуществ в технике и тактике игры, то темперамента и волевых усилий у нее всегда было достаточно. Тем более этого нужно было ожидать на «Ацтека».

Было чудесное мексиканское утро. Солнце еще не успело перегреть охладившийся и очистившийся за ночь воздух. В тени веяло прохладой, и на горизонте четко просматривалась «Спящая женщина» – удивительно верно вырисованная вершинами гор фигура лежащей женщины.

Мы рано встали, чтобы успеть до игры спокойно позавтракать. На установку, проводившуюся в тени развесистых кустов, ребята собрались, как это обычно бывает в дни ответственных состязаний, в сосредоточенном молчании.

Гавриил Дмитриевич рассказал план игры и объявил состав команды. Открыть чемпионат мира выпала честь – Анзору Кавазашвили, Геннадию Логофету, Альберту Шестерневу, Владимиру Капличному, Евгению Ловчеву, Виктору Серебрянникову, Кахи Асатиани, Владимиру Мунтяну, Гиви Нодия, Анатолию Бышовцу, Геннадию Еврюжихину.

Я следил, по давней привычке, за внешними признаками состояния футболистов. Одним из положительных симптомов является зевота. Помню, перед полуфиналом европейского чемпионата в Марселе у одного из руководителей, впервые выехавшего с футбольной делегацией, это вызвало недоумение. После установки он обратился ко мне с укориз-

ненным вопросом: в чем дело, Андрей Петрович, такая игра, а участники на совещании зевают?

Он был очень удивлен, когда я ответил, что все в порядке, значит, к бою ребята готовы. В самом деле, это зевота ничего общего с апатией и скукой не имеет. Наоборот, она свидетельствует о небольшой нервозности, без которой волю к победе не разбудишь. Мы выиграли тогда три-ноль у сборной команды Чехословакии.

Такое состояние наблюдалось и перед отъездом на «Ацтека». Ребята позевывали, но ведь это только симптом. Рассчитывать на него – дело не надежное. Кто знает, где тут истина. Там же, в Мексике, Пеле выступил против психолога-врача: «Когда врач уверяет, что команда психологически к встрече готова, она, как правило, играет очень плохо»...

Но морально-волевой настрой никаких опасений вроде бы не внушал. Беспокоило другое: не было уверенности в передней линии команды. Ведь за три последних матча мы забили всего один гол. Правда, и защита пропустила один. Но все равно, такая результативность не веселила.

Ровно в 10.00 мы сели в свой автобус, каждый на свое, строго определившееся место. Так уж принято. Суеверие это или просто привычка, но не приведи бог, если кто-то сядет на чужое место. Настроение у «хозяина» будет испорчено. Затрещали полицейские мотоциклы. Приветливо помахали руками синьор Маноло Дельвади с супругой и заливистой руладой подал сигнал к отъезду общий любимец, черный пу-

дель Цукки.

Несмотря на самые энергичные действия Чикуки по обеспечению нам беспрепятственного проезда, мы опаздывали. На дорогах творилось что-то невообразимое. Ни у одного стадиона мира мне не приходилось видеть такого скопления автомобилей, как на пути к «Ацтека». Средняя норма времени разъезда после матча – полтора часа. На открытие чемпионата мира, казалось, устремилось все несметное количество автомобилей мексиканской столицы. Делегация ФИФА во главе с сэром Роузом пробивалась к стадиону около двух часов. При нормальной обстановке на это понадобилось бы минут двадцать-двадцать пять.

Чикука с партнерами превзошел самого себя. Мы прибыли на стадион, когда мексиканские футболисты, уже раздетые, заходили в часовню, смежную с раздевалкой, помолиться мадонне о ниспослании победы. Нам как раз хватило времени, чтобы одеться и подготовиться к выходу на парад. А в этот момент Гранаткин, обеспокоенный ложным известием, что мы, чтобы сохранить силы, якобы не хотим выходить на торжественный церемониал, прямо из центральной ложи, прыгая через барьеры трибун «Ацтека», прибежал к нам в раздевалку для наведения порядка. Но Шестернев уже стоял во главе шеренги своих партнеров. И через минуту команда расположилась на разметке против центральной трибуны.

Трибуны гремели, звенели, шумели, трещали, кричали: «Ра-ра-ра!...» Вдруг на мгновение все смолкли и стало жутко.

Тишина напугала. Оркестр заиграл национальный гимн, и 100-тысячный хор запел. Измерить степень давления на психику игрока этого пения невозможно. Радио и телевидение не могут полностью передать атмосферу стадиона. Многоцветие флагов, транспарантов, вымпелов, шумовые эффекты многотысячных переключек организованных групп болельщиков, барабанная дробь, завывание труб и трескотня трещоток, и все это под палящими лучами солнца, отвесно падающими на неприкрытые головы футболистов.

Кипящий котел страстей!..

На другой день – 1 июня – я отметил в своем дневнике:

«Вчера сыграли с Мексикой: ноль-ноль. Это была солнечная битва на „Ацтека“ – иначе не скажешь. Как сообщают газеты, на трибунах во время матча произошли два смертельных случая. В одном „виноват“ Кавазашвили. Когда Лопец бил головой по воротам и Анзор отбил, казалось бы, неизбежно проходящий в ворота мяч, то почитатель мексиканской команды не перенес разочарования – сердце у него разорвалось. Среди зрителей обмороки были не единичны. Кто-то, неудовлетворенный исходом матча, покушался на самоубийство.

Ноги у наших ребят были «чужие». По-видимому, раскованности в этой обстановке обрести не смогли. Газеты полны откликов на игру.

Стенли Роуз: «Мексика была ближе к победе, но русские не поддались»...

Корреспондент газеты «Эксцельсиор»: «За нас были солнце, высота, поле, народ, и все же мы не победили»...

Ральф Рамсей: «Русские выиграла у солнца и высоты»... И добавляет: «Если бы я был тренер, то не был бы удовлетворен игрой полузащиты»...

Диди: «Русские недостаточно двигались»...

Стефан Божков: «Кто проиграет Бельгии, не попадет в четвертьфинал».

Все они были по-своему правы. Но и у нас есть свое мнение. Все мы – и игроки, и руководители – сходимся на одном, что полученное очко для нас более ценно, чем потерянное.

Играли мы неважно. Но подавлены этим не были. Я убежден, что мы встречались с самым трудным противником в нашей подгруппе. Изможденные после игры, никто никуда не хотел идти. Приглашения на айс-ревю, в кино, варьетэ остались неиспользованными. Ребята потеряли в среднем по три килограмма веса. Руководство – по два с половиной. Все мы взвешивались до и после игры. Сидевший с нами вместе за столом Ловчев, обращаясь ко мне и Парамонову, тихо сказал:

– Вы говорили, что первому матчу надо отдать все силы – моральные и физические. Мы отдали их. Я сейчас и есть не могу. Добраться бы до постели.

Это хорошо. Никаких претензий к спортсмену, кроме похвалы, если он в борьбе отдал все свои силы. Но ведь Диди говорит, что русские недостаточно двигались. В чем тут де-

ло: не смогли освободиться от груза перенапряжения?

Задуматься об этом меня заставил разговор с Бышовцем в перерыве матча. В первой половине игры Анатолий не оставил впечатления центрального нападающего, действующего с отдачей всех сил, играющего активно с мячом, и что не менее важно, без мяча.

Вдруг в душевой комнате, обращаясь ко мне, он сказал:

– Открываюсь без конца, чувствую, что легко убегаю, просто проскакиваю мимо противника – не дают, прошу, кричу: дай! – не дают! Ну, что делать, Андрей Петрович?

Я понял, что мы стоим на полярно противоположных точках зрения о происходящем на поле. Явление в футболе не редкое. Игрок думает, что он все делает верно и хорошо. А сторонний наблюдатель считает, что он все выполняет ошибочно плохо. Это я знаю по собственному опыту. Бывало идешь с поля с огромным чувством удовлетворения от своей игры, а в раздевалке тренер спрашивает: «Что с тобой сегодня, почему так неудачно сыграл?» Бывало и наоборот.

В данном случае, в душевой раздевалке «Ацтека» все мы находились на грани нервной напряженности. Любое возражение могло вызвать двухстороннюю вспышку. Я счел, что благоразумнее признать его претензию основательной и спокойно (чего стоило это спокойствие!) сказать:

– Ничего, продолжай так же, только прибавь, сколько можешь, движения.

Как показала вторая половина, вся наша команда немного

«прибавила движения». Но этого не хватило, чтобы добиться победы.

Диди в своем анализе нашей игры смотрел в корень. Мы мало двигались.

В Чили, на мировом чемпионате наша команда в первом матче победила. Но это была пиррова победа, после нее мы недосчитались Дубинского, Метревели, Понедельника, Маслаченко, Гусарова. Сейчас все целы. Кроме того, мы не проиграли хозяевам поля, как это было в Швеции и в том же Чили.

Вот почему потерянное очко большой печали не вызвало. Правда, следующий матч с бельгийской командой стал решающим. Но не решающих матчей не бывает на мировых чемпионатах».

После матча в 11 часов вечера я услышал за оградой отеля страшный шум. Встревоженные мы подошли с Парамоновым к воротам. За ними человек двести мексиканцев с прожекторами, барабанами, трещотками. Скандируют: «Мехико! Ра-ра-ра!» Я спросил, в чем дело. Оказалось, что они приехали с самыми дружественными намерениями: сказать, что «Селекцион Русо» им очень понравилась. Я изловчился составить по испански фразу с пожеланием успеха мексиканской команде: «Бон партидо футбол Мехико». Тогда у нашего отеля загремело: «Русия! Ра-ра-ра!» После этого отряд болельщиков погрузился на машины и отправился в неизвестном направлении. Жаль, что наши ребята этого не

видели и не слышали. Они спали мертвым сном...

В «Эскарготе» скучать было некогда. Жизнь футболистов была размерена с точностью до минут и подчинена восстановлению затраченных физических и нервных ресурсов в матче с мексиканцами. Конечно, основное место занимали тренировки. Вот что записал я в дневнике:

«...3 мая. Вчера был футбол. Качалин занял непримиримую позицию: время тренировки не переносить. Я за наглядный урок и изменение времени тренировки. Качалин: „Тренироваться будем в назначенное время: оно совпадает с началом матча с Бельгией...“ Наверное, он прав. Я остаюсь смотреть футбол. Записываю в дневник первые впечатления, чтобы они не стерлись в памяти последующими событиями на футбольных полях.

Матч Англия – Румыния – один-ноль. Он был хрестоматийно показательным. Румыны – это сборная СССР пятнадцать лет тому назад. Огневая, темпераментная, темповая игра. Диметраче – пламень, Бышовец – лед. Как румын заставлял вертеться Мур!

Английская школа восторжествовала. Техническое мастерство у англичан на высшем уровне. Изумительная физподготовка. Средний возраст команды 29 лет. Работоспособность Бобби Чарльтона на поле – «от края и до края, от моря и до моря»... Сумма скоростей команды превышает нашу в два раза. Гол забитый Хурстом – результат полуторачасовой работы всей команды без передышки. Это и есть професси-

онализм. Движения Мура (стопера) превышают движения любого нашего игрока. Болл с двумя моторами...

Бразильцы на высоте. Школа бразильцев – творчество, основанное на высочайшем техническом мастерстве. Школа европейцев – грубый рационализм. Это по мнению южноамериканцев. Если бы определения «высочайший» и «грубый» убраться, то вывод был бы ближе к истине.

Голы Ривелино со штрафного в нижний угол, как из пушки. Пеле – на грудь и с лета ногой, как в Швеции. Жаир – первый, по воздуху через руки вратаря, второй – слалом мимо четверых, двоих по два раза, как черт в колесе и удар с разворотом на 90 градусов, низом в направлении дальней стойки ворот. Спорадические взрывы атакующих на подступах к штрафной противника и внутри нее – как взрыв гранаты...

Немцы, как англичане. Марокко, как румыны. Наш матч на фоне просмотренных проходил на заниженных скоростях.

– Нам необходимо увеличить и ускорить движение в игре, и мы это сделаем, – сказал тренерам капитан команды Альберт Шестернев, просмотрев многократно показывавшиеся видеозаписи вчерашних матчей.

Альберт, как и Диди, смотрит в корень. Здесь (и везде) это самый верный путь к успеху. Все победители во вчерашних матчах продемонстрировали незаурядную подвижность и выдержали высокий темп с начала и до конца игры...»

Как я уже говорил, в оставшиеся до встречи с бельгий-

цами дни свободного времени не было. Мы побывали в гостях у Сикейроса. Павильон, в котором нас встречал художник-коммунист, называется «Полифорум Сикейроса». Он непосредственно примыкает к строящемуся грандиозному отелю «Мехико», который будет самым высоким зданием в столице.

Тема его работы «История человечества», отображена на стальном «холсте». Вы стоите на медленно вращающейся платформе в круглом павильоне и перемещаетесь из века в век, перед вами проходит вся история борьбы народов за свое освобождение от рабства, гнета и насилия, история, которая на круглых, из стали сделанных, стенах, изваяна и расписана специальными красками-химзаменителями, стойкими навечно.

Гостеприимный хозяин подарил нашей команде свой адрес с автографом, руководитель нашей делегации Георгий Михайлович Рогульский вручил художнику вымпел и юбилейную медаль с изображением В. И. Ленина.

Туристы комсомольской группы «Спутник» приехали к нам в гости и дали веселый концерт с юмористическими посвящениями всем нашим футболистам.

Побывали у нас и баски. Опять в полном составе во главе со своим капитаном Луисом Регейро. Они искренне поздравляли нас и всех ребят, высоко расценивая «добытое» в матче с Мексикой очко.

Пока мы за дружеской беседой обменивались впечатлени-

ями о том, как вырос современный футбол, я обратил внимание, что Ауэда, не отрываясь, смотрит через широкие двери столовой на нашу зеленую лужайку.

– О чем вы спорите, посмотрите вон туда, – он кивнул в сторону зеленой площадки.

На ней вот уже двадцать минут забавлялся с мячом Виктор Папаев. Пять мальчишек школьного возраста были его «противниками». То, что он вытворял с мячом, не могло не вызвать изумления. Его филигранная техника и не поддающиеся разгадке финты корпусом ставили ребят в тупик. Они так и не смогли отнять у него мяча. А когда он, уже изрядно уставший, осажденный противниками со всех сторон, высоко подбросил мяч в воздух, вырвался из кольца и успел поймать его на подъем, на котором он и застыл, то все гости дружно захлопали нашему виртуозу.

– Кто бы из нас мог сделать такое?

В ответ Ауэда услышал «Никто». Это сказал Луис.

Да, это были самые тяжелые потери для нас – травмированные Евгений Рудаков и Виктор Папаев...

В любой день советник посольства по культуре Юрий Белов мог организовать просмотр самого редкостного фильма, посещение любого зрелищного предприятия. Но футболисты любят больше всего кино. В свободное время мы пользовались услугами Юры Белова.

К нам приехали товарищи из телевидения ГДР, и мы не могли им отказать в съемках нескольких кадров о нашем жи-

ть-быть. Прибыли бразильские журналисты. Надо знать их горячую влюбленность в футбол, видеть их молящие глаза о разрешении взять интервью, чувствовать их симпатии к нашему коллективу, чтобы понять, что отказать им в гостеприимстве просто невозможно. Тем более что никаких секретов о своей команде они не таили. «Ревелино: о-о-о!.. Тостао: о-о-о!» – восторженно восклицают они, показывая, как взведенный курок, большой палец руки. «Пеле: о-ля-ля!!» – ладони обжимают щеки и черные, как маслины глаза увлажняются. Они делятся с нами новостями внутренней жизни команд.

...В бельгийской команде раздор между представителями «Андерлехта» и «Стандарта». Ван-Химст, Пуи и Дервент загуляли в ночном клубе, представители «Стандарта» возмутились, требуют их отчисления – «наверное, останутся»...

В перуанской делегации подралась вся команда. Причина – девушка. Приехала к одному, победил другой. Диди драку погасил, но всех игроков лишил премии за победу над командой Болгарии. После этого игроки приняли решение передать деньги в пользу Красного Креста.

...Марокканский футболист объявил о женитьбе на мексиканской девушке. Но был разоблачен, так как сделал предложение сразу двум. Свадьба не состоится.

...У итальянцев заболел Домингини. У уругвайцев Роча получил вторую травму и вряд ли вступит в строй до конца чемпионата. Потери в живой силе к матчу Уругвай – Италия

уравнялись.

...Пеле будет держать Стайлз. Опасения в том, что английский полузащитник прославился в предыдущем чемпионате грубой игрой. «Буду держать так, как того заслуживает Пеле», – ответил он журналистам.

...Гильермо Канедо, президент Мексиканской федерации футбола, внес предложение провести матч между сборными командами Южной Америки и Европы. Вопрос будет изучен ФИФА. Как говорят, Стэнли Роуз в принципе поддерживает предложение.

Поток информации идет к нам со всех сторон. Ворота открыты настежь. Вход и выход свободны. Чикука большую часть времени, сняв свой кольт, португею и мундирный китель, играет с ребятами в футбол на нашей лужайке. Он, как говорится, свой человек. После того, как мексиканская команда перестала быть нашим прямым противником, забота о нашей охране свелась к проформе.

– Теперь за вашего капитана нечего бояться: его не украдут, – с добродушной улыбкой говорит бравый капитан полиции.

Сегодня синьор Маноло проводил большое домашнее мероприятие. У него свои заботы. Черный пудель Цукки выступает соискателем звания лауреата международной собачьей выставки. Его стригут в собственных «апартаментах» – большая конура, огороженная металлической сеткой, увитой снизу плющом, асфальтовый дворик. Операция проводится

на воздухе. Цукки сидит в кресле под белым покрывалом. Парикмахер возводит ему на голове замысловатую прическу – черный «цилиндрик» Цукки похож на головной убор циркового артиста из Абиссинии. Зрелище презабавное, и ребята, плотной стеной окружившие собачий дворик, смеются – дойдет пудель до четверть финала или нет? У него главный конкурент пудель из Бельгии.

...Так мы шли к решающему судьбу первого этапа соревнования матчу с командой Бельгии с учетом всех видов подготовки. Накапливая энергетические ресурсы на тренировках и снимая нервное перенапряжение разнообразными развлечениями.

Но вот как определить норму соотношений труда и развлечений? Где она лежит, эта золотая середина, чтобы монастырский устав не иссушил душу человеческую, но чтобы и «веселья час» не превратил дело в праздность.

Помню, в начале двадцатых годов были популярные лозунги – «В здоровом теле – здоровый дух» и «Физкультура 24 часа в сутки».

Спортсменами того времени они воспринимались элементарно просто. Мускулы накачал – выходи на старт любого соревнования. А сутки дели на три части: восемь часов трудись; восемь с пользой отдавай своим духовным и бытовым потребностям, а восемь – спи.

Для первой ступени развития физической культуры и спорта, может быть, такие представления спортсменов бы-

ли хороши. Но и тогда я чувствовал по себе, что в эти рамки невозможно втиснуться. Что они ломаются под натиском житейских потребностей. Работая и много тренируясь, я так уставал, что восьми часов мне не хватало, чтобы как следует выспаться. Съесть на завтрак яичницу-глазунью с ветчиной из десяти штук яиц для меня не представляло труда. Я терял за один матч до трех с половиной килограммов веса и по потребности организма сразу после игры выпивал три-четыре бутылки воды. Между тем я не был обжора. Мой вес – единственный объективный и безошибочный критерий состояния футболиста – никогда не превышал нормы.

Меня пугали нарушением научно обоснованных норм питания спортсмена. Тогда говорили, что пить можно поллитра воды в день, яйца вообще не рекомендовались – «погибнешь от избытка холестерина в организме». Десяти же часовой сон грозил апатией. И считалось, что крепкий чай, который я, тоже не очень-то ограничивая себя, пил в достаточном количестве, разрушает-де сердечно-сосудистую систему.

Время резко изменило взгляды на вещи. Длительным сном, оказалось, можно лечить людей. Холестерин не враг спортсмена, как сообщил нам в своей лекции профессор Саркизов-Серазини, а в определенной мере его помощник. Чай не яд для сердца, а полезный продукт. И что касается воды, то я еще тогда знал, что ее нужно пить столько, сколько требуется для восстановления природой установленного для данного организма баланса жидкости и тела. Об этом мне

сорок лет назад сказал профессор Егоров, знаменитый специалист по болезням сердца, когда я ходил к нему на консультацию, напуганный своими «излишествами» в рационе.

Все тренеры сборных команд, с которыми мне приходилось работать, относились к соблюдению футболистами водного режима с непримиримостью педантов. Бутылку минеральной воды на двоих после изнурительной тренировки – бывала и такая порция у отдельных тренеров. Ребята незаметно уходили из-за стола, шли в номер и из-под крана пили сырую воду.

Недавно мне довелось прочесть статью инженера Сорокина из Одессы. Со знанием дела он разбирает вопрос о питьевом режиме вообще и спортсмена, в частности. «Живительный глоток воды может восстановить иссякшие силы, если его сделать, и вызвать пагубные последствия, если в нем отказать иссушенному организму», – говорит автор, подозревая, что в перерыве игры с Уругваем, в силу укоренившегося в нашем футболе страха перед лишним глотком воды, ребятам было отказано в глотке «животворящем».

Нет, глоток воды был разрешен в Мехико в меру потребностей. Ели и пили «без карточек». Баланс энергетических затрат и восполнений контролировался весом. Излишков ни у кого не было.

Питание спортсмена – дело серьезное. Организация его требует самого пристального внимания. Кто-то не ест мяса. А вот Иосиф Сабо, например, видеть не может рыбу. Приве-

редники, мол, скажет всеядный человек. Это не так. Привередничает природа, и не считаться с этим нельзя.

Не легче дело обстоит с принятием духовной пищи. Гиля Хусаинов – признанный знаток джазовой музыки. У него редкостная коллекция музыкальных записей и пластинок всех звезд международной эстрады. Не только Гиля увлекается эстрадной музыкой. Слава Метревели каждый день нас потчует самыми разнообразными концертами.

В Мексике у нас пока шло все хорошо. На тренировках дело ладилось. Ребята работали с мячом увлеченно. Удар по воротам установился. Били, что называется, со свистом. Яшин, Шмуц, Кавазашвили только успевали сменять друг друга в воротах. Удар идет – футболист в порядке – мудрое футбольное правило. Наблюдая, как влетают в ворота мячи после ударов Мунтяна, Пузача, Еврюжихина, Хмельницкого, верилось, что ребята на матч с бельгийцами выйдут во всеоружии. И что нормы духовного потребления не иссушили их души, и «веселья час» не превратил дело в праздность.

В числе хорошо бьющих я не назвал Анатолия Бышовца. Он так и не провел ни одной тренировки с должной интенсивностью. На душе от этого было беспокойно и досадно. Приход Анатолия в сборную команду на место основного центрального нападающего так всех обнадежил – такая одаренность! – и вдруг завтра матч с сильнейшим, конкурентом (бельгийцы, чтобы получить путевку в Чили, выбили из конкурса Испанию и Португалию) и такой острый конфликт.

В день игры ни свет ни заря зашел к нам в номер Гавриил Дмитриевич. Обычная сдержанность и сейчас не изменяла ему. Я видел, что не легко ему дается линия на доверие игроку, что он мучается сомнениями не меньше меня, но в то же время я был убежден, что он доведет ее до конца. Ставка была сделана, менять карту было поздно.

С Качалиным мы всегда работали на полной откровенности. Это была негласная договоренность, никогда не нарушавшаяся. Вот и теперь он без обиняков обратился ко мне, чтобы я на предыгровой установке не трогал Анатолия. «Хорошо было бы, если бы вы с ним поговорили один на один», – закончил он.

Я понимал, что вопрос о его участии в игре был решен, что сейчас Качалин предлагает наиболее разумную линию нашего поведения. И согласился с ним. К тому же промелькнула в памяти чилийская ситуация с Ворониным. Правда, теперь мы переменялись ролями. Там он был против, я – за, теперь наоборот.

Я, спрятав самолюбие, сразу после завтрака отправился к Анатолию в номер.

Я застал его лежащим на кровати с закрытыми глазами, вытянувшись на спине, с отрешенным, как у подвижника, лицом. На соседней кровати Паркуша читал книгу.

Разговор завязывался трудно. Я внутренне волновался, подыскивая нужные слова. Он внимательно слушал, не делая ни одного движения. Попытку хозяев комнаты встать при

моем появлении я категорически отверг и сел на стул возле кровати Анатолия. Я говорил о нашем долгом терпении в ожидании его активных действий и на тренировке, и в играх. О том, что без лидера в центре нет линии атаки. О его одаренности, которую настало время проявить на поле. О трудностях и неполадках, всегда сопутствующих решению больших задач. О наших ошибках – и тут он успел вставить: «Да, иногда коробило», – которые зачастую видишь, знаешь, но не всегда бываешь в состоянии предупредить. Он на меня при этих словах вопросительно взглянул: в чей, это, дескать, я огород целю.

Мне трудно было скрыть свое волнение, он понял искренность моего разговора. Я думаю, что его гордость была удовлетворена, и он оценил мою жертву собственным самолюбием. Наши всегда добрые отношения за последнее время нарушались, и мы стояли перед угрозой полного разрыва. Во всяком случае, мне так казалось.

В последней фразе я просил его быть снисходительнее к партнерам, иметь в виду, что не все игроки обладают абсолютным футбольным слухом, чтобы незамедлительно отпасовать мяч с тонким пониманием его тактического маневра. Я вспомнил его претензии: «Открываюсь не дают»...

Он сел на кровати, положил мне ладонь на колено и сказал: «Я все понял. За меня сегодня не надо волноваться. Вы это увидите на поле, Андрей Петрович!»

На установке я видел, как нервно Анатолий перебирал

пальцами, не замечая того сам, как позевывал, слушая тактический план игры, излагаемый Качалиным: готовился.

...Мы выиграли у бельгийцев с крупным счетом 4:1. Героем матча был Анатолий. Он забил два гола, второй из которых был демонстрацией самого высшего футбольного мастерства.

В гости к нам приехали тренеры – Валентин Иванов, Олег Ошенков, Николай Глебов, Владимир Осипов, Нестер Чхатарашвили, Валерий Лобановский, Юрий Забродин, Николай Морозов.

Находившийся здесь же Борис Андреевич Аркадьев резюмировал общие высказывания лаконичной оценкой, по-видимому, правильной, поскольку никто не возразил. Он сказал: «Несмотря на некоторый элемент везения, прекрасно!»

Когда мы ехали со стадиона, Чикука так гарцовал на своем мотоцикле, что превзошел самого себя. Он не скрывал своего восторга от нашей победы. После игры с Мексикой он стал «свой» человек. У ворот «Эскаргота» нас встречали супруги Дальвади с букетами цветов, в окружении всего обслуживающего персонала гостиницы. Цукки заливался лаем так пронзительно, как будто уже стал абсолютным победителем международного турнира.

Вот такими днями радости футбол привязывает нас на пожизненное ему служение. Чувство полного удовлетворения дополнялось сознанием того, что мы выиграли не только матч но и первоклассного игрока. «Проблемы» Бышовца

больше не существовало. И тренеры и футболисты в самой трудной борьбе – с самим собой – сумели выйти победителями.

Поучительный пример на тему о взаимоотношениях тренера и игрока.

БУРЯ НАД МЕХИКО

К матчу с Сальвадором мы готовились без особого беспокойства. В «Эскарготе» царила обстановка полного благополучия. Противник, представлялось, не угрожал нашему плану занять в группе первое место.

И все-таки сальвадорцы заставили нас понервничать. Ведь, как ни старайся настроить себя побоевитее, полностью мобилизовать силы на игру с заведомо слабым противником невозможно. Все мы знаем, что недооценка противника чревата последствиями, знают это раньше других сами футболисты, а вот, поди ж ты, – на поле ничего не ладилось.

Они чуть-чуть прибавили спортивной злости, мы, наоборот, сбавили, и мяч разозлился на нас. Он отдал свои симпатии более старательному.

Выручил Анатолий Бышовец: он забил два гола и показал при этом высокий класс исполнительного мастерства. Мы выиграли два-ноль и обеспечили себе выход в 1/4 финала. Теперь встреча Мексика – Бельгия определяла, на каком мы будем месте – на первом или втором. В зависимости от этого определялся и будущий противник – Уругвай или Италия.

Впереди было несколько безмятежных, казалось бы, дней. Было много веселого, в особенности вечерами, в часы, проводившиеся под рубрикой «Бойцы вспоминали минувшие дни»... На зеленом газоне нашей лужайки, под недвижны-

ми ветвями тропических деревьев, в охлажденном вечернем воздухе, при крупно мерцающих звездах и свете луны, в удобных шезлонгах, попивая «кока-кола», после больших дневных нагрузок и плотного ужина было удивительно приятно отдохнуть. Никакой доктор не придумал бы лучшего расслабления для тела и души. Поэтому и сотрясались стены маленького отеля от взрывов смеха при рассказе об очередном футбольном курьезе. Встревоженный Цукки лаем на самых верхних нотах вторил молодым парням, умножая общее веселье.

– Сидим на скамейке запасных, – говорит очередной рассказчик, – близко по флангу Миша Месхи в который раз старается прорваться по краю, пытаюсь перекинуть мяч по воздуху, через голову противника.

– Миша, – земля! – приказывает тренер, дескать, не фигурай.

– А, Миша свое – опять по воздуху. Видно, что замечания тренера раздражают его. А тренер в свою очередь раздражен упрямством ученика, и на каждую Мишину попытку продолжает лаконично твердить, как радист устанавливающий связь: «Земля... Земля... Земля...»

Тогда Миша не выдерживает: подбегает к кромке поля и, обращаясь к тренеру, сидящему на скамейке вместе с запасными, громко кричит: «Я – сокол! Я – сокол! Я – сокол!» – бьет мяч высоко в воздух и убегает подальше в поле.

После этого Миша в основном составе сборной команды

уже не играл, – под дружный смех заключает соратник Месхи...

Но случилось и так, когда на смену веселому настроению приходила печаль. Однажды, когда Чикука, увлеченный игрой в футбол, снял китель, форменный кивер и портупею с увесистым кольцом в деревянной кобуре, в его обмундирование облачился затейник и весельчак, занявший в команде по части развлечений место Бубукина, Виталий Хмельницкий.

В огромном кителе, в нахлобученном на уши кивере, с болтающимся ниже колен кольцом, Виталий выглядел уморительно «грозным воякой».

Все смеялись до упаду. Хохотал и Чикука. Услышав громкий смех, я вышел из номера и увидел Виталия, шествующего церемониальным маршем, печатая след гусиным шагом, мимо группы смеющихся ребят. Было действительно очень смешно. Но ощущалось какое-то «чересчур».

Представление прекратилось, и мы жестами объяснились с Чикукой, – ребяческая, мол, шутка, не надо обижаться. А он и не думал сердиться и, самым добродушным образом смеясь, облачался в свои доспехи.

На другое утро мы рассматривали в газете фотографию. На ней, печатая шаг, в парадном мундире, явно с чужого плеча, утопая в кивере, козыряющий Хмельницкий. А на заднем плане, запрокинув голову, блистая белыми зубами и почесываясь ниже спины, во весь рот хохочет Чикука.

Гром грянул на другой день, когда появился Чикука. В штатском платье бравый капитан утратил свою импозантность. Черные глаза его поблекли, медный загар стал землистым, волосы против обыкновения не блестели и утратили оттенок воронова крыла: ему было не до бриолина. Вся его обвисшая фигура говорила о посетившей человека беде.

В углу столовой, согнувшись, упершись локтями в колена и подперев ладонями скорбное лицо, Чикука рассказывал про свое горе.

Шутка Хмельницкого обернулась несчастьем. На Чикуку жалко было смотреть.

– Меня вызвал мой «колонель». Он объяснил мне, что я скомпрометировал честь мундира полицейской службы. Со вчерашнего дня я уволен без права на пенсию. Почти тридцать лет служебного стажа пошли насмарку. Семья – жена и двое детей – остались без гарантированного прожиточного минимума. Это большая трагедия, – горестно заключил разжалованный капитан.

Все ребята расстроились и пришли к единому мнению, что остаться безучастными при этих обстоятельствах нельзя. Мы заверили Чикуку, что сделаем все от нас зависящее, чтобы разъяснить «колонелю», что в шутке Хмельницкого меньше всего было посягательства на честь полицейского мундира хозяев чемпионата мира.

– О, Яшин, Яшин, – с надеждой в голосе произнес пострадавший, когда мы сказали, что делегацию от нашей сборной

команды возглавит наш знаменитый вратарь. Он ушел от нас с призрачными надеждами на успех нашего заступничества. А мы поехали на тренировку без сопровождения капитана, и всем нам было грустно.

Но неисповедимы пути футбольные. У «колонеля», разжаловавшего Чикуку, был начальником генерал, имевший прямое отношение к футбольной федерации, к тому же бывший поклонником лично Яшина. Он воспринял эту историю так, как она этого заслуживала: весело рассмеялся и обещал дело поправить.

На другой день Чикука, исторгая несусветную трескотню своим мотоциклом, подкатил к служебному посту у отеля радостный, возбужденный, в полном парадном обмундировании. Его загар принял обычный оттенок, волосы блестели, словно покрытые черным лаком, а на погонах, как нам показалось, добавился еще один знак различия: «колонель» повысил его в чине.

Тучи рассеялись, горизонт прояснился. Подготовка к матчу в 1/4 финала продолжалась своим чередом. На стадионах шли тем временем ожесточенные последние схватки за право продолжать соревнование. В результате их пришлось упаковать чемоданы командам Израиля, Сальвадора, Болгарии, Румынии, Швеции, Чехословакии и Марроко.

На «Ацтека» решалась судьба нашей группы, в матче между хозяевами и бельгийцами. Выиграли мексиканцы с минимальным счетом, и этого оказалось достаточным, чтобы, ли-

шив шансов команду Бельгии, хозяева чемпионата встали с нами вровень и по очкам и по разнице забитых и пропущенных мячей.

Все дело решил одиннадцатиметровый удар, назначенный аргентинским судьей Корреизом в ворота бельгийцев за самый чистый отъем мяча бельгийским защитником у мексиканского нападающего. Возмущению бельгийцев не было границ.

В городе после игры возник стихийный карнавал, который разливался, шумел, гремел, звенел по всем улицам столицы. Бесконечное количество машин с множеством людей мчалось по городу. Народ облепил кузова, подножки, крыши. На маленьком «фольксвагене» мы насчитали двадцать человек. В центре толпы пешеходов запрудили главные городские артерии. Люди использовали все средства, которые только существуют для того, чтобы как можно громче, звонче, сильнее звучал гром этого торжества. На вооружение были взяты тазы, сковородки, жестянки, ведра, трубы, барабаны, трещотки. Городской транспорт приостановил движение. Все кричали, пели, плясали, неистово скандировали: «Мехико – ра-ра-ра!!!» На эти три такта изо всех сил перекликались автомобильные сирены. Какофония звуков была столь сильна, что разговора соседа на улице не была слышно. Симонян, Парамонов и я, наблюдавшие эту массовую истерию на углу 30-километровой по длине улицы Инсургентов, объяснялись жестами. Люди голые по пояс, люди в национальных костю-

мах, не люди – хиппи бросались под машины, ложились поперек улицы, ползли, садились на асфальт, взявшись за руки, чтобы затормозить движение и вместе с проезжающими, в полном исступлении проскандировать потерявший человеческий смысл призыв – «ра-ра-ра!!!»

Глядя на это безбрежное половодье эмоций, меня в свою очередь потрясла мысль, что все это вызвал маленький кожаный мячик, залетевший в сетку ворот на стадионе «Ацтека». Поистине, какая страшная взрывная сила таится в этом волшебном кожаном снаряде!

Насмотревшись вдоволь, мы отправились в «Эскаргот», куда приглушенный шум с улицы Инсургентов доносился как отдаленное рокотание грома. Однако взбудораженные участники карнавала не забыли и про нас. Отдельные группы на машинах подкатывали к отелю, и наша тихая улица наполнялась грохотом тазов, барабанов, трещоток и неистовым скандированием оглушающего «ра-ра-ра!» – в честь мексиканского футбола и «Селекцион Русо».

К утру страсти на улицах поулеглись. И корреспонденты газет направились в полицейские участки уточнять потери после карнавала. В газетах появились сообщения. Итоги печальные – двое праздновавших победу сорвались с крыши многоэтажного дома, а у четырехсот человек зафиксированы серьезные ранения.

Однако главное внимание у мексиканских болельщиков сосредоточилось не на итогах ночного праздника, а на пред-

стоящей жеребьевке. Пресса на все лады перебирает возможности мексиканцев заполучить право игры на «Ацтека». Кто-то из журналистов уже сообщал, что русские дали согласие без жребия играть в Толуке. Но никто такого согласия не давал, да и дать не мог. Согласие играть в Толуке с итальянцами означало бы добровольное признание того, что мы в своей подгруппе остались на втором месте.

Конечно, такого шанса давать было нельзя. Мы набрали из шести возможных пять очков и имели разницу в забитых мячах – плюс пять. Столько же по обоим показателям имели и мексиканцы.

Они обратились к нам с просьбой уступить право игры на «Ацтека», мотивируя просьбу тем, что столичный стадион в четыре раза вместительней толукского. Он обещал рекордную сумму сбора. Для оргкомитета чемпионата это имело большое финансовое значение. Для рядового же болельщика финансовых выгод этот случай не сулил, но давал возможность столичным жителям попасть на стадион и, как говорится, живьем, а не по телевизору посмотреть на своих любимцев. Ведь к этому времени все разочарования, что им приносила сборная команда в период подготовки, были забыты: команда вышла в 1/4 финала и доктор психиатр со своими опытами на мышах был всенародно посрамлен.

Мы на эту жертву не пошли. И конечно, никакой ошибки не сделали. С мексиканцами у нас установились довольно дружественные отношения. Я уже говорил, что наши футбо-

листы до чемпионата мира четыре раза побывали у них в гостях. Но при всех добрых взаимоотношениях и понимании их заинтересованности провести игру именно в Мехико, мы уступить поле «Ацтека» не смогли. В случае неудачной игры против итальянцев в Толуке, да еще при добровольном отказе от встречи с уругвайской командой, всеми рассматривавшейся как один из аутсайдеров (в этом и была губительная ошибка!), мы бы не нашли вразумительных оправданий.

Одним словом, жеребьевка во мнении многих как бы предопределяла, что счастливчик, то есть тот, кто вытянет жребий играть на «Ацтека» со сборной командой Уругвая, чуть ли не безусловный полуфиналист.

А ведь на самом деле это не так. Жизнь многократно учила, что в спортивном деле подбирать себе противника – чревато последствиями. Не всегда определишь правильно, который сильнее. А если и определишь без ошибки, что достался послабее, то добра не жди: размагнитись от одного сознания, что тебе повезло.

В данном случае итальянцы пугали Ривой, Домингини, Риверой, Маццолой и другими звездами международного класса. Уругвайцы таким созвездием не располагали. У них был великолепный Роча, но он выбыл из-за травмы. Из знатных остался один Кубила.

Однако то, что уругвайцам стены роднее и климат привычнее, не принималось во внимание. Позабыли и о том, что уругвайцы дважды были чемпионами мира, что в последнем

мировом чемпионате англичане не смогли на «Уэмбли» в день открытия выиграть у футболистов Уругвая, с трудом сведя игру к нулевой ничьей.

Одним словом, опытная команда с самой знатной родословной, без должного обоснования была отнесена к разряду более слабому, чем итальянская.

Зато в памяти хорошо сохранилось, что мы выигрывали у уругвайцев и в Монтевидео, и в Москве, правда, в товарищеских встречах. На первенстве мира в Арике мы тоже у них выиграли в групповом турнире со счетом два-один. Но это был труднейший матч. Тогда южноамериканские футболисты жаждали реванша за поражение в Москве со счетом пять-ноль и были чрезвычайно раздосадованы неудачей. Помню, вратарь Соса в припадке нервного раздражения после игры ударом своего огромного кулака высадил филенку из толстенной двери в раздевалку и, не стараясь скрыть боль разочарования, заливался горькими слезами.

Не с большим трудом мы выигрывали у сборной команды Италии в официальном матче на первенство Европы в Москве и дважды играли вничью в Неаполе и Риме.

Но, так или иначе, а в «Эскарготе» большинство обитателей считало, что счастливчик будет тот, кто вытянет первый номер.

В разговорах о предстоящей жеребьевке, только и слышно было: «Эх бы вытянуть Уругвай! Эх бы вытянуть „Ацтек“!..» Никогда нельзя переоценивать решку или орла. Дру-

гое дело, когда Альберт Шестернев тянул жребий в Неаполе. Там была дуэль: кто идет вверх, а кто – вниз. Конечно, жребий приобретал решающее значение. Здесь же дуэлянты разыгрывали только позицию и противника. Кому где встать и с кем стреляться. Все остальное решаться должно было на поле.

И у нас были основания с большим душевным равновесием отнестись к любому результату жеребьевки. Мы располагали достаточным количеством квалифицированных игроков, чтобы составить из них боевой коллектив, способный успешно выступить против и уругвайцев и итальянцев.

Состав команды вырисовывался из наблюдений за тренировками, с учетом, так сказать, мобилизационной готовности каждого отдельного игрока к данному матчу.

Кавазашвили представлялся неоспоримым претендентом. Некоторая неуравновешенность характера в отдельных играх, казалось, уступит место сосредоточенному спокойствию, которое не покидает его, когда Анзор в порядке. В таком состоянии он неуязвим и в воротах и на выходах ошибок не делает и только диву даешься, наблюдая его молниеносную реакцию на удар, казалось бы, несущий неизбежный гол: глядь, а мяч отбит! Вот такой удар он парировал в матче с мексиканцами, когда сердце болельщика на трибунах не выдержало разочарования.

Вне сомнений была кандидатура Шестернева. Авторитет капитана в команде был непререкаем. Природа наделила его

завидными данными для спорта. Недаром в юношестве, как легкоатлет, он подавал большие надежды в спринтерском беге. Однако мяч сделал доброе дело для нашего футбола, утащив юного спортсмена с гаревой дорожки на зеленое футбольное поле.

Еще когда он обучался в юношеской группе, его тренер Константин Бесков заманивал меня посмотреть на будущего стоппера сборной, которому едва исполнилось шестнадцать.

Тренер не ошибался, талант Альберта пышно расцвел, и он сделался основой оборонительного фундамента и в армейской клубной и в сборной командах. Мне не приходилось видеть, чтобы самый быстроногий форвард выиграл у Шестернева хотя бы один сантиметр пространства при попытке прорваться к воротам – несбыточная мечта!

На все остальные места были равноценные дублеры.

С правого фланга защиты могли выступать Реваз Дзодзуашвили и Геннадий Логофет, единые в своих противоположностях. У обоих вдруг может возникнуть срыв в совершенно ничем не угрожаемой позиции для их же ворот.

У Резо это случается от чрезмерного темперамента. Я уже говорил, что он был удален в Эквадоре с поля за то, что «скальпировал» противника, который ничем в этот момент не грозил нашим воротам. Нападающий всего лишь и хотел принять на голову высоко летящий мяч, уходящий возле средней линии поля за боковую линию. Но, где там «принять», – Резо взвился вверх выше Эльбруса и, по-селински

вытянув в воздухе ногу, отбил мяч, заодно «причесав» металлическими шипами негустую шевелюру эквадорца, рухнувшего наземь в шоковом состоянии. Резо долго недоумевал, за что судья его удаляет с поля.

У Геннадия Логофета «сюрпризы» возникают от творческой, так сказать, фантазии. Он незаурядно технически одарен, и ему скучно играть без выдумки. Мне такие исполнители импонируют, если в своем творческом порыве они не теряют чувства меры. Но я остался в абсолютном меньшинстве, когда защищал Логофета после матча с мексиканцами. Тогда он на центре поля заложил таких два финта, что они нашли самый горячий отклик на трибунах у эстетов футбола. Но так как обе попытки закончились потерей мяча, то наш солист подвергся жесткой критике за свои вольности, несмотря на то что никаких угроз в данном случае неудачное его творчество для наших ворот не повлекло: дело происходило за центром поля, где наш защитник хотел хитроумными финтами выйти во главу атаки.

Приверженность же к замысловатым импровизациям таит возможность срыва у Логофета потому, что он свои экспромты практикует в опасной зоне у своих ворот. Конечно, творческий, красивый футбол без риска не бывает, но и риск должен быть оправданным.

На место левого защитника также два кандидата – Валентин Афонин и Евгений Ловчев. У них десятилетний разрыв в возрасте. Мужественной поступи в игре опытного Афонина,

сумевшего обезопасить в товарищеском матче на «Маракана» самого «короля футбола» – Пеле, противостояли достоинства молодого Ловчева, легкого, быстрого, порхающего по полю футболиста.

В дополнение к Шестерневу оставалось еще два стоппера – Муртаз Хурцилава и Владимир Капличный.

Грузный по телосложению, Муртаз удивляет легкостью взлета в борьбе за верхние мячи и стартовой скоростью в момент, когда нужно атаковать противника. Боевой темперамент увлекает его иногда на штурм ворот противника, и тогда у противостоящих вратарей пробегает холодок по спине, потому что его дальнобойные удары не раз приносили победный результат.

На ключевую позицию центрального полузащитника выдвинулся Кахи Асатиани. Монументальный, спокойный в жизни, он и на поле ведет невозмутимо уверенную игру. Превосходный техник, Кахи, может быть, немного грешит, передерживая мяч, но он готовит момент так изысканно по мастерству, что подкупает зрителя высококлассным исполнением и тактические погрешности ему в счет не ставятся. Недаром, посмотрев его игру Альф Рамсей сказал, что о своем будущем советский футбол может не беспокоиться, если в нем рождаются игроки класса Асатиани.

В перерыве игры с бельгийцами, Кахи с лицом мученика, с заострившимся носом и ввалившимися глазами, будучи, казалось, в полном измождении, обратившись ко мне, ска-

зал: «Они на пределе, надо немного прибавить, и мы их побьем»...

Он нашел в себе сил «прибавить», чтобы резко пройти по левому флангу к воротам бельгийцев и в высоком классе забить второй гол, предопределивший исход этого трудного поединка.

На эту же роль у нас мог претендовать Владимир Мунтян, набравший хорошую физическую форму. Он так на тренировках бил по воротам, что стоявший со мной рядом бразильский журналист, допуская возможность нашей встречи с бразильцами на уровне полуфинала, хватался руками за голову и с гримасой комического ужаса без конца повторял: «Бедный Феликс!.. Бедный Феликс!..» – он имел в виду бразильского вратаря.

В линию полузащиты могли быть введены Виктор Серебрянников и Николай Киселев. У этих футболистов тоже большая разница в возрасте. Серебрянников заканчивал футбольную карьеру, а Киселев только начинал. В игре их роднила огромная трудоспособность. Про таких футболистов говорят, что у них по два сердца. В самом деле объем работы, проделанной за футбольный матч, и у москвича и у киевлянина поразительный. Однако мексиканский климат сильно уменьшал их преимущества: на высоте с мячом много не набегает.

К этому времени «проблемы» Бышовца уже не существовало. Анатолий твердо закрепился в основном составе в роли

центрального нападающего. За свои игры на «Ацтека» «главный голеадор» команды получил широкое признание в прессе, и его партнер по клубной команде Анатолий Пузач рассматривался лишь как достойный дублер или как кандидат в основной состав на место крайнего нападающего.

Но там мы располагали большим набором природных крайних форвардов: Слава Метревели, Геннадий Еврюжихин, Виталий Хмельницкий, Гиви Нодия и Валерий Паркуян.

Кто из них был лучше – сказать трудно. Значит, и ошибки большой возникнуть не могло. За долгие годы пребывания в футболе, я убедился, что гипноз больших имен нередко создает у нас иллюзорные представления о силе команды. Бывает, что беззвездная команда сыграет так на волевых усилиях, как команде «созвездий» и не приснится. Поэтому я не очень волновался за состав команды на четвертьфинальную игру. Выбор был из двадцати двух довольно равноценных конкурентов. Конечно, лучше избежать даже минимальных просчетов. Но где та электронно-вычислительная машина, которая без ошибки скажет, кого ставить: Славу Метревели или Геннадия Еврюжихина – точно подытожит, что не подведет огромный опыт и высокая техника Метревели или, наоборот, выше оценит скоростную работоспособность Еврюжихина.

Мы с Качалиным практиковали узнавать мнение самих футболистов по поводу состава. Раздавали бюллетени каж-

дому, чтобы тайным голосованием выявить абсолютно объективное суждение по каждому члену коллектива со стороны партнеров по игре. Открытое голосование не всегда верно отражает фактический взгляд на игрока. Ложная этика дружеских отношений, принадлежность к одному клубу, возрастные различия, уводят голосующих поднятием руки от истины. Поэтому бюллетени давали иногда совершенно неожиданные результаты.

Сейчас прибегать к тайному голосованию не было нужды. Большинство мест сомнений почти не вызывало, а в случае обнаружившегося в ходе игры просчета можно было внести поправки: замены допускались.

Нет, дело было не в составе. Внутреннее беспокойство накапливалось по другим соображениям. Теперь, когда возникла необходимость жеребьевки со всеми ненужными перепевами – кто лучше, а кто хуже: уругвайцы или итальянцы – с поздним раздражением вспоминалось, что ничего этого не возникло бы, не забей нам бельгийцы четвертый гол. А забит он был по явной небрежности: крупно выигрывали и рано расслабились. Собственно, не рано, а просто расслабились, потому что в игре никогда расслабляться нельзя. Неряшливость и небрежность при счете четыре-ноль привели к тому, что мяч оказался в сетке ворот Кавазашвили.

Да и с Сальвадором мы не сумели сделать всего, что могли. И вот теперь, после того как судья в матче мексиканцев и бельгийцев засчитал неправомерный гол, дело обернулось

жеребьевкой. Возникла дополнительная процедура, неприятная тем, что ей придали почти решающее значение. Займи мы даже второе место, настроение было бы более спокойное. Все бы знали своего противника и с пониманием его достоинств готовились бы к встрече, не уповая на счастье жребия.

Утром в день жеребьевки к нам в номер зашел руководитель делегации Г. М. Рогольский и сказал, что ребята самым счастливым называют Паркуяна. Гавриил Дмитриевич, рассмеявшись суеверным настроениям ребят, возражать не стал, – ну раз ребята считают, пусть, мол, едет и тащит. Ни Парамонов, ни я тоже резонов против Паркуяна не нашли.

За завтраком под общий гул одобрения было объявлено, что жребий тащить отправится Паркуян. Тут же выяснилось, что он действительно неоднократно удачно выступал на жеребьевках, представляя свою клубную команду.

– Паркуша, – весело напутствовали его ребята, – обязательно пробей в девятку!

Вся делегация отправилась провести активный отдых накануне игры в горную местность по дороге на Чальму, километров в 30 от Мехико, а мы с Паркушей отправились на жеребьевку.

В городе стояла в этот день удушающая жара. Но и она не помешала собраться многотысячной толпе болельщиков вокруг отеля «Бель Элизабет», в котором заседал исполком ФИФА.

Мы с трудом протискались через плотную людскую стену

к дверям отеля, под молитвенные причитания толпы: «Хотим „Ацтека“!.. Хотим „Ацтека“!.. Дайте нам „Ацтека“!..»

После бурного веселья карнавальная ночь, когда мексиканская столица исторгала в мажорном тоне громогласные звуки радости, сейчас мольбы об «Ацтека» звучали так, словно весь народ просил о пощаде, о спасении жизней. Что-то религиозно-мистическое слышалось в этом несмолкаемом вопле.

Через переполненные холлы поднялись мы на этаж, где заседал исполком, на ходу не успевая отвечать на вопросы заседавших со всех сторон журналистов. Отель кишел фотокорреспондентами, обозревателями, всевозможными околофутбольными деятелями.

Нас пропустили за тяжелые двери в зал, где Стэнли Роуз вел заседание. Процедура, объявленная председателем, не нуждалась в поправках. Сначала в ведро для охлаждения шампанского были положены два билетика. Затем ведро с выразительностью фокусника президент ФИФА накрыл белоснежной салфеткой. На каждом билетике было написано по одной фамилии председателя национальной федерации заинтересованных сторон. Стэнли Роуз вежливо испросил доверия вытащить билетик собственноручно. Все происходило в высшей степени внушительно и торжественно. Члены исполкома молча с большим интересом к церемонии сосредоточили внимание на розовощеком, с белой головой высоким председателем, в знак уважения к процедуре вставшем с

ведерком в руках.

Гранаткин и Канэда, соседствуя, сидели от него справа. Сэр Роуз опустил руку в ведерко и вытащил билетик, на котором было написано: «Гранаткин».

Это означало, что мы получили право тянуть жребий первыми. В ведерко положили новые билеты, и к делу, приступил Паркуян. Впоследствии Валерий не сознавался, что его охватило сильное волнение. Но я-то видел, стоя рядом с ним, что выражение лица его было таким, каким оно бывает у футболиста бьющего пенальти, от которого зависит судьба ответственного матча.

Так или иначе, но подойдя к столу он довольно уверенно запустил руку под салфетку и, сделав кистью какие-то кругообразные движения, извлек билетик. На билете была единица. Это означало, что мы выиграли первое место в подгруппе и получили право выступать на «Ацтека». Противником нашим определился Уругвай.

Улыбка глубокого разочарования промелькнула на побледневшем лице Гильермо Канэды. Но в прошлом популярный мексиканский матадор на арене испытывал не меньшие переживания. Он быстро взял себя в руки и, как истый джентльмен, поздравил Гранаткина с победой.

Теперь мы с еще большим трудом пробивались через группы осаждающих Паркуяна репортеров. Представители Уругвая, обманувшиеся в надеждах играть волею жребия с мексиканцами, не скрывая своего разочарования, подошли

поздравить нас с первым местом. И тут же присутствующие наши тренеры-наблюдатели, не скрывая радости, приветствовали «снайперский удар» Паркуяна, горячо пожимая руку виновнику торжества.

Когда служители отеля вынесли на улицу щит с надписью – «Толука», то огромная масса мексиканцев единым вздохом исторгла стон отчаяния. И только отдельные, робкие в своей безнадежности возгласы «Но... Но... Но...» звучали полным трагизма протестом.

Через пять минут площадь и все прилегающие к отелю переулки опустели: надежды мексиканских болельщиков не сбылись.

Когда мы приехали к месту отдыха команды, Паркуян был встречен с триумфом. Ребята его лихо качнули. Радости у всех было столько как будто мы разгромили уругвайцев с двухзначным счетом. Небо над «Селекцион Русо» было в этот час безоблачным. Но от чрезмерной радости по поводу дележки неубитого медведя невидимые еще тучи над горизонтом сгущались. Где-то далеко, далеко погромыхивало. Но в радостном шуме голосов, приветствовавших попадание Паркуяна в «девятку», этого погромыхивания никто не слышал.

Баловень жребия сделался самым популярным футболистом мирового чемпионата. Досужие журналисты быстро подсчитали, что, вытащив счастливый жребий Валерий нанес ущерб ФИФА и Оргкомитету чемпионата на сумму око-

ло двух миллионов песо. Газеты написали, что он стал самым дорогим футболистом чемпионата, потому что причиненный им убыток превышает рекордную сумму, предлагаемую за Риву. При этом его именуют сеньором «Почему», так как его фамилия в переводе на испанский язык созвучна этому слову.

Все шло на лад в этот день. Паркуша стал в коллективе героем дня. По возвращении в «Эскаргот» нас приветствовал весь персонал отеля. Группу возглавляли супруги Дальвади с букетами цветов. Цукки на своем собачьем языке пролаял приветственную речь в честь одержанной нами победы. Даже Чикука, встал выше своих болельщицких настроений в пользу Мексиканской команды и дружелюбно приветствовал самого «дорогого» футболиста чемпионата, пробившего на поле отеля «Бель Элизабет» в самую «девятку».

Подспела приветственная телеграмма в адрес команды с борта космического корабля «Союз-9». Летчики-космонавты Андриян Николаев и Виталий Севастьянов писали, что они позволяют себе болеть в космосе единственной болезнью – футболом и слали сборной команде самые добрые пожелания.

До позднего вечера продолжался «праздник Паркуяна». С точки зрения требований психологической подготовки он полностью снял предстартовое напряжение. Страхи, сомнения за исход предстоящего матча рассеялись как дым. Если они и остались у ребят, то очень глубоко в подсознании.

А между тем приехавшие с просмотра уругвайской игры Симонян и Парамонов дали нашему противнику высокую оценку. Во всяком случае, по их мнению, которое совпадало с подавляющим мнением обозревателей, команда Уругвая выглядела убедительнее, чем в Англии в 1966 году.

Да и мы с Качалиным были убеждены в этом. Одновременно с нами уругвайцы выступали весной этого года в Перу. Нам представилась возможность посмотреть их игру. Достаточно сказать, что они там закончили выступления успешнее нас и получили высокую оценку в прессе.

Все это мы понимали, понимали и со счетов не сбрасывали. Взвешивая накануне игры вечером сложившуюся ситуацию и Качалин, и Парамонов, и Яшин, ставший больше одним из руководителей, чем игроком, видели необходимость переориентации в настроении и во взглядах игроков на предстоящего противника. Радостям на смену от счастливого жребия должна прийти трезвая оценка трудности предстоящего матча.

Выслушав сообщения Симоняна и Парамонова о манере игры уругвайцев в Мексике, взвесив отзывы прессы и вспомнив все предыдущие встречи с ними, все пришла к единому мнению. В основном оно сводилось к тому, что нельзя дать противнику увести себя с торной дороги темповой игры в болотную трясику медлительной позиционной борьбы. В держании мяча они великие мастера, неторопливое движение и высокое техническое мастерство позволяют им подол-

гу держать мяч в ногах, передавая его друг другу с точностью баскетболистов. Десять – двенадцать передач для них норма, которую они очень часто перевыполняют. Другое дело, что продвижение вперед незначительное, потому что добрая половина пасов направляется поперек поля и назад, но все же, по-видимому, рассуждают они, мяч-то у нас, попробуй, дескать, только ошибись в выборе позиции, тут-то мы тебя и накажем.

Нудная игра. Зритель ее не любит, в особенности потому, что при потере мяча, переходя к обороне, уругвайские игроки резко изменяют характер своих действий. На помощь как средство борьбы с быстрым противником призывается тактика мелкого фола.

Качалин резюмировал – играть будем в атакующем стиле, маневренно, на самых больших скоростях. «Мы их должны задавить темпом и напором, сил у нас для этого достаточно», – говорил он. С ним нельзя было не согласиться.

Качалин хорошо знал, о чем говорил. Мы с ним на опыте убедились, что такое запас сил. Я вспомнил, как мы накапливали и сберегали каждую крупницу энергии у ребят, готовясь к решающему броску на финишной прямой Кубка Европы в 1960 году.

Сразу же после окончания розыгрыша первенства мира по футболу в Швеции все сошлись в одном: бразильская команда – лучший чемпион всех времен! Но когда заходил разговор о причинах успеха бразильцев, начиналась разноголо-

сица. Одни говорили: виртуозная техника принесла южноамериканцам победу. Другие славил их тактику. Однако и тактика расценивалась по-разному. Кто-то усматривал в ней ярко выраженный «оборонительный вариант», кто-то самым категорическим образом утверждал, что эта самая выразительная из атакующих тактик. Так и не удалось до конца разобраться, кто был прав.

В самом деле как тут разберешься, если левый крайний бразилец Загало, только что отбивший головой мяч, направленный в верхний угол ворот его команды, через несколько секунд забивает гол в ворота противника. А защитники Джальма и Нильтон Сантосы, самоотверженно оборонявшие свои рубежи от стремительных рейдов крайних нападающих шведов, то и дело появляются на подступах к воротам противника вместе с прославленными нападающими. В тактике бразилецов значительное место отводилось оборонительным и наступательным действиям, чем, кстати говоря, она и хороша.

Однако не только тактика и высокая техника решали дело. Важнейшую роль в их победе сыграла физическая подготовка. За четыре года, прошедшие после предыдущего чемпионата, они так отработали скоростную выносливость, что когда в Швеции закончилась изнурительная борьба за золотые медали, то чемпионы выглядели так, будто только что начали соревнование. Вот почему, отдавая должное их техническому и тактическому мастерству, и я и Качалин тогда пони-

мали, как важно накапливать и сохранять крупицы энергии для решающих встреч. Известно, что для того, чтобы обрести, как говорят спортсмены, форму, нужны недели и месяцы, а потерять ее можно в течение одного дня.

В четвертьфинальной игре на кубок Европы 1960 года нашим футболистам предстояло встретиться со сборной командой Испании. Но испанцы не приехали. Мы узнали об этом буквально накануне матча, к которому готовились изо всех сил. Ребята были обескуражены. Они разъезжались из подмосковного дома отдыха «Озеры», где находились на тренировочном сборе, раздосадованными. Не радовало даже сообщение, что команда сразу выходит в полуфинал, потому что выпала из плана самая сильная нагрузка, которая в значительной степени определяла дальнейший ход подготовки к финальным играм.

Вот почему, собравшись перед отъездом во Францию в те же «Озеры», все мы были несколько озабочены тем, сумеют ли ребята найти и сохранить нужную спортивную форму к началу финального турнира во Франции?

В Марсель мы прилетели за несколько дней до матча. Жара стояла невыносимая. На фешенебельной улице Канабьер, в самом центре города, немало разгуливало мужчин и женщин в шортах с босыми ногами, как на пляже. Спасала гостиница, в которой было относительно прохладно. Однако и здесь была своя напасть. Гостиница стояла на углу перекрестка. Мостовая, на которую выходили окна наших номе-

ров, шла круто в гору. Рев моторов грузовиков на подъеме был настолько оглушающий, что не давал никакой возможности заснуть. Когда каждая крупица энергии расценивается на вес золота, бессонная ночь может дорого обойтись.

Мы перенесли тренировки на поздний вечер и до минимума сократили дневные прогулки. А на ночь закрывали окна наглухо и опускали железные ставни.

Наши противники – чехословацкие футболисты – разместились в гостинице неподалеку от нас. Утешало (пусть мне простят это признание наши друзья), что условия одинаковые. То же солнце, те же грузовики.

До матча оставалось два дня, когда мы получили от гостеприимных французов любезное предложение посетить бой быков. Все с удовольствием согласились посмотреть это необычное зрелище. Еще бы! Коррида была разрекламирована как сенсационное событие даже для выдавших виды знатоков. На арене встречались всемирно прославленные испанские матадоры Домингес и Ордонес. Ребята шутили: ну, что, не удалось встретиться с испанскими футболистами, встретимся с испанскими матадорами.

Но в последний момент мы – руководители и тренеры – опомнились. А солнце! Как быть с солнцем?!

В самом деле: коррида проводилась в Арле, до которого езды часа три – три с половиной. Значит, чтобы посмотреть корриду, надо затратить целый день. И вместо запланированного отдыха получится изнурительная поездка.

Мне тяжело было объявить ребятам, что посещение корриды отменяется. Конечно, на их лицах я не увидел радости. И лишь один неугомонный весельчак, Валентин Бубукин, что-то безобидно проворчал по поводу «второго срыва встречи с испанскими спортсменами», теперь уже не по вине испанских властей.

Игроков мы не пустили. Но сами – В. А. Гранаткин, Г. Д. Качалин и я – поехали. «Надо посмотреть игру чехословацких футболистов», – объяснили мы наш отъезд. Чехословацкая команда действительно проводила в Арле тренировочную встречу.

Вмещающий до 15 тысяч зрителей Колизей Арля был забит до отказа. Пока мы добрались до своих мест, нам изрядно намяли бока. Только я успел подумать о счастливой участи наших ребят, избежавших такой парилки, как увидел пробивающихся к своим местам чехословацких футболистов. Я молча переглянулся с Гранаткиным и Качалиным. Они ответили мне понимающим взглядом. Наши друзья сочувственно раскланялись с нами и начали втискиваться на свои места неподалеку от нас.

Солнце щедро заливало горячими лучами красочный и шумливый котлован, заполненный нетерпеливыми зрителями. Лишь на дне этой кипящей чаши оставалось свободным пространство – это арена, посыпанная желтым песком и обнесенная красным барьером.

Первый бык не хотел выходить на арену. Он упрямился,

но его все же вытолкали. Мощный крутолобый красавец, выбежав, остановился в центре арены и обвел настороженным взглядом улюлюкающие трибуны.

«Чего хотят от меня эти злые люди?» – как бы спрашивал он. И вдруг, как говорят футболисты, в атакующем стиле кинулся на красный барьер. Бедняге сразу не повезло: он сломал себе рог.

А дальше началось истязание животного. Другого слова я не нахожу. Сначала его колот в загривок железным трезубцем восседавший на коне пикадор. Ни конь, ни всадник ничем не рисковали. Лошадь была задрапирована в непроницаемые ватные попоны, а ноги пикадора защищены коваными латами. Пытаясь сокрушить врага, бык лишь вздыбливал лошадь, поддевая ее снизу рогами, но не нанося противнику никакого вреда. Он попусту растрачивал силы, не имея шанса на успех. Но зато трезубец пикадора рвал ему на загривке шкуру, и кровь полосами струилась по его раздувавшимся, как мехи, бокам.

Изранив быка, пикадор на коне покинул арену. Ему на смену выбежали тореадоры. Их было несколько человек. Размахивая красными плащами, они дразнили быка. Разъяренное животное бросалось от плаща к плащу и было видно, как иссякает его энергия, как покидают его силы. Бесплодная, слепая ярость быка вызывала чувство сожаления к животному.

Тореадоры сделали свое дело, обессилив быка, и уступили

место главному действующему лицу – матадору. В нарядном, расшитом серебром по черному бархату костюме, Домингес грациозно двигался по арене, дразня животное небольшим красным флажком – мулетой. Бык ничего, кроме этого красного флажка, не видел. Он с разбега устремлялся на красный цвет, а матадор изящным движением руки, отводя мулету в сторону, пропускал его мимо себя. Слов нет, Домингес подвергался опасности: рога животного почти касались корпуса матадора, когда бык мчался, пригнув голову, на красную мулету. Расчет велся на сантиметры. Но было видно, что бык обречен.

Наступил момент, когда Домингес, слегка разбежавшись, в красивом прыжке изловчился и вонзил в загривок быка две бандерильи – остро зазубренные короткие пики, которые, болтаясь из стороны в сторону, больно жалили разъяренное, но изнемогающее от усталости и боли животное.

И вот быка оставили последние силы. Он перестал реагировать на красный цвет, стоял неподвижно, совершенно безучастный к окружающему. Домингес взял шпагу и, встав в позицию, высоко поднял оружие, нацеливаясь в затылок быка. Но удар получился не точный. Бык круто мотнул головой и шпага, торчавшая в шее, отлетела далеко в сторону. Так повторялось несколько раз. Рука изменила выдающемуся матадору. Неистовый свист, рев, ругательства неслись в адрес человека со шпагой.

Бык упорно стоял на ногах. Он смотрел на Домингеса

взглядом обреченного и как бы говорил: «Ну, за что ты меня истязает?» Лишь на шестой раз шпага вошла в тело животного по рукоять. Шатаясь, бык поплелся к барьеру. И там, под красным барьером, примирившись с судьбой, лег умирать.

И право же, невозможно понять, почему с таким вожделием смотрит на корриду зритель, как для развлечения убивают сильное животное.

Стиснутые на своих местах, взмокшие от жары, мы были лишены возможности покинуть зрелище: к выходу при всем желании не протолкаешься. Нашу участь разделяли и чехословацкие футболисты, сидевшие недалеко от нас.

А кровавый спектакль продолжался и закончился, когда солнце уже склонялось к горизонту. Должен сказать, что после самого тяжелого матча в свое время я не ощущал такой усталости, как после посещения этой корриды. А чехословацким футболистам предстояло еще здесь же, в Арле, выступать в товарищеской встрече с местной футбольной командой.

Мы остались посмотреть этот матч. Наши будущие противники вяло выбежали на поле. Всегда активный и стремительный великан Квашняк сейчас с трудом передвигался по полю, и мне думалось, что красная мулета у наших друзей отняла немало нравственных и физических сил.

Возвращаясь в Марсель, не о корриде мы вели разговор в машине. Нас интересовал вопрос: восстановят чехосло-

вацкие футболисты свои силы за два дня до матча с нами или нет? Мы по себе знали, сколько энергии забрало палящее солнце, духота и психическое напряжение, пережитое на корриде. Может быть, какую-то крупицу энергии, но они растранижирили без пользы.

– И все-таки их не должно хватить на два тайма, – вылезая из машины у подъезда нашей гостиницы, безапелляционно заключил Качалин.

Я взглянул на часы. Было ровно двенадцать ночи. Выехали мы в Арль в десять утра. Ноги гудели от усталости. Опустив железные жалюзи и улегшись в кровать, я еще раз взвесил все доводы Качалина о восстанавливаемости организма спортсмена и мысленно согласился с его заключением.

Но когда начался полуфинальный матч на марсельском стадионе, то все надежды улетучились: чехословацкие футболисты задали такой темп, который нельзя было никак ожидать.

Рослые Квашняк и Буберник оккупировали центр поля. Подвижной Масопуст активно поддерживал их. Даже ветеран Бубник бегал, как молодой, – быстро и неутомонно.

В моем блокноте сохранились записи, которые я вел по ходу матча:

«...5 м. – 15 м. Чехи быстрее в нападении...»

«...25 м. – 35 м. Они мощнее...»

Однако наши ребята выдержали первый нажим. Сначала Лев Яшин обескуражил Бубника, ликвидировав его прорыв

в ворота удивительно расчетливым броском в ноги. Затем В. Иванов в комбинации с В. Понедельником заставил чехословацких футболистов начать игру с центра поля.

Но несмотря на то, что первая половина встречи закончилась с преимуществом в один гол для нашей команды, конечный результат матча представлялся гадательным. Противник ни по одному пункту не уступал в ходе соревнования.

И все же Качалин в перерыве, заканчивая установку на вторую половину игры, сказал:

– Прибавьте еще немного движения, и они не выдержат.

Наш тренер оказался прав. Нападающие прибавили – и противник дрогнул. Усталость начала свою разрушительную работу: мяч от ноги Бубника вместо Поплухара попадал к Бубукину. Масопуст, Квашняк и их партнеры заметно снизили активность, техника чехов стала притупляться, тактические связи нарушились – ансамбль стал фальшивить.

Исход матча предрешил редкий по мастерству исполнения прорыв В. Иванова. На протяжении шестидесяти метров его преследовал чехословацкий защитник, но ему не хватило энергии, чтобы в последнее мгновение активно противоборствовать нападающему. Не хватило какой-то крупницы, чтобы помешать Иванову замечательным ударом закончить свой глубокий рейд в тыл противника. Счет стал 2:0. А матч, как известно, закончился с результатом 3:0 в пользу сборной СССР.

Крупница энергии! Как она дорога в нужный момент! И

как ее легко можно растратить, если не знать ей настоящую цену!

Да, беречь крупницы энергии – дело не простое. Но накопить их еще сложнее. Есть пословица: «Что посеешь – то и пожнешь». В переводе на спортивный язык это значит: сколько потрудишься в беге на кроссовой дистанции в предсезонный период, столько и энергии накопишь на весь летний сезон.

Игрок с охотой совершенствует свою технику. Это и понятно: такая тренировка проводится непосредственно с мячом. Этот небольшой кожаный снаряд, как магнит, притягивает сердца футболистов всех возрастов. Любой начинающий юнец готов часами гоняться за мячом. Под стать начинающему и созревший мастер. На тренировку с мячом в квадрате игроки устремляются опрометью. В такие часы на их лицах нет и тени скуки, которая была во время исполнения общеразвивающих упражнений.

Так было всегда, так будет и впредь: тяга к мячу у футболистов естественна и закономерна. Но давно уже ни для кого не секрет, что, работая только с мячом, высот спортивного мастерства не достигнешь. Гимнастика, акробатика, легкая атлетика, штанга и другие виды спорта взяты на вооружение футболистами многих стран.

Слава Метревели известен как замечательный дриблер и превосходный техник футбола, но, наверное, не все знают, что он легко толкал штангу, превосходящую его собствен-

ный вес. Конечно, с мячом он занимался с большей охотой, однако Слава понимал, что его техника прямо пропорциональна его физической подготовке, и потому продолжал упражняться со штангой бесчисленное количество раз. Но и одной штанги мало. Она развивает силу, а нужна еще выносливость для больших скоростей.

Выносливость только игрой с мячом не разовьешь. А вот Сергей Сальников (в последние годы своей игры) в тренировочной работе шел именно по этому пути. С увлечением жонглируя мячом по несколько часов в день, он достиг больших успехов и стал общепризнанным мастером футбольной техники. Но Сальников – какой парадокс! – перестал быть лидером команды: совершенствуя технику, он ослабил работу над быстротой и скоростной выносливостью. И во время матча его остроотточенная, но воспитанная на медлительных тренировочных темпах техника притуплялась, как бритва, которой режут дерево. И будучи талантливым футболистом, Сальников закончил свою спортивную карьеру раньше, чем этого можно было ожидать. Уже тогда скорости в футболе требовали другого подхода к тренировке.

Правильно сказал в свое время Игорь Нетто: «Добиваться успеха в современном футболе, не тренируясь в беге, все равно, что черпать воду решетом»...

Много лет прошло с тех пор, но в Мехико мы вспомнили о том, как дорого заплатили чехословацкие футболисты в Марселе за поездку в Арль.

Так или иначе, но от любезного приглашения посетить мексиканскую корриду (президент федерации футбола Мексики Гильермо Канэда – выдающийся матадор) мы отказались. В самом деле, на футбольных полях полыхал костер страстей не меньший, чем он полыхает на бое быков, никаких нервов не хватит.

Уверенный в том, что мы понапрасну не растратили ни одной крупички энергии, я соглашался с Качалиным, что «сил у нас достаточно для того, чтобы вести с уругвайцами игру в темповом наступательном плане». Собравшись в тот вечер в холле, мы все – Качалин, Яшин, Парамонов и я, – сошлись в одном мнении: наши энергетические запасы, обеспечивающие скоростную выносливость, выше, чем у противника. Нужно только соответственно настроить ребят, предупредив о большой трудности и огромности усилий, которые надо вложить, чтобы преодолеть «уругвайские болота». По установившейся привычке после ужина я перекидывался с каждым участником матча несколькими фразами для выявления, как говорится, настроения.

– Все будет в порядке, Андрей Петрович, – широко улыбаясь, сказал мне Муртаз Хурцилава, когда я остановился с ним у газоновой площадки. Он встретился нам, когда я по дворику отеля бродил с массажистами Владимиром Шемелевым и Анатолием Морозовым, только что закончившими «подготовку оружия» к завтрашнему сражению – массаж лучших футбольных ног страны. По их отзывам и оружие и

канониры к бою готовы.

Мы вместе зашли в грузинский филиал. «Тигр Дигоми» навзничь, распластавшись, широко раскинув ноги, расслабившись, как тому и следует быть «по науке», лежал на кровати с толстым томом Сименона в руках. Надо сказать, что мы привезли с собой довольно большую библиотеку со всеми последними книжными новинками. Приключенческие, детективные книги не были в числе залежавшихся.

Благовоспитанность грузинских футболистов может ставиться в пример. Я не успел предотвратить намерение, как с реакцией вратаря Резо вскочил с кровати.

– Все будет в порядке, Андрей Петрович, – услышали мы и от нашего темпераментного защитника.

Эту фразу я услышал и от Володи Мунтяна, и от капитана команды Алика Шестернева, и от «маршала» Хмельницкого. Один лишь сеньор «Почему» ответил уклончиво. «Если хотите верить до конца, то ставьте меня завтра в состав», – полушутливо-полусерьезно сказал он нам.

Долго мы не спали в эту ночь. Сверяли впечатления о настроении ребят. Оно бесспорно было приподнятым, уверенность в победе сквозила в каждом. Но не переросло ли оно в самоуверенность – вот в чем вопрос. И он не праздный, а в высшей степени важный.

Я помню, как перед финалом Кубка Европы в Мадриде, мы так же накануне матча «выверяли» настроение команды.

– Да, что вы Андрей Петрович! – иронически-успокои-

тельно, отвечал мне капитан команды Валентин Иванов на мои утверждения, что испанцы мне представляются сильнейшей командой в Европе. – Что вы! – повторил он и добавил: – Все будет в порядке.

Тогда накануне игры тоже мнение о победе было единодушным. Я со своими сомнениями и предостережениями о чреватости переоценки своих сил, мог показаться нытиком. Впоследствии на снимке было отчетливо видно, как снисходительно Иванов пожимал руку капитану команды во время обмена приветствиями на поле перед началом игры. И в позе и в улыбке сквозило – «все будет в порядке».

Не лишне будет напомнить, что финальный матч мы проиграли испанцам со счетом один-два.

Вот и сейчас в «Эскарготе» сидя до рассвета мы обсуждали все ли сделано с точки зрения пресловутой психологической подготовки. Мадридский пример – один из тысячи. Желая высказать степень своего беспокойства, я напомнил о матче с турками в 1933 году. В Москве игрался последний «генеральный» матч. До этого сборная команда гостей проиграла сборной команде Москвы со счетом один-семь; команде города Иванова два-семь. Нам и в голову не приходило, что сборная команда СССР, во главе которой знаменитый дуэт – Михаил Бутусов и Петр Дементьев, – может о чем-то беспокоиться, – разве что на гол меньше забьет, чем ивановские футболисты.

В раздевалке перед игрой у нас не смолкал веселый смех.

Турки одевались в гробовой тишине. После игры было наоборот. Почувствовав на поле, что победу отпраздновали рано, мы старались выправить дело, но в игре перестроиться было уже невозможно: дух непримиримой борьбы испарился у нас вместе с весельем в раздевалке. Мы проиграли один-два.

А на перерыве в раздевалке Брно – «нам не страшен серый волк», – когда мы принимали поздравления с победой при счете два-ноль? Делили шкуру, а медведь в образе профессионалов бродил по полю живой с огромными когтями и чуть не задрал нас во второй половине игры. Тогда мы отделались испугом. Но какое это было предостережение!

А Колумбия в Арике: после счета – четыре-ноль – ничья? Примеров не счесть. Будучи прямым участником всех этих неисчислимых драматических переживаний, я поэтому так остро и воспринимаю малейшее благодушие, самоуспокоенность игроков накануне самого даже незначительного матча с заведомо слабейшим противником. Темперамент – порох футбола. Благодушие его делает сырым: ружье не выстрелит как его не заряжай.

Конечно, и Качалин, и Симонян, и Парамонов знали все это не хуже меня. Может быть, я только острее это чувствовал и потому долго еще ворочался с боку на бок, на все лады то вознося достоинства уругвайского футбола за его исторические заслуги, то ниспровергая за нудный, непривлекательный футбол, вязкий и трудный для преодоления всех засло-

нов, расставленных на пути к воротам двукратных чемпионов мира.

В воскресное жаркое утро мы собрались на лужайке в тени под деревьями на установку. Гавриил Дмитриевич недолго, но обстоятельно определил основы плана игры. Главная цель – победа; тактическая линия – атака; средства осуществления – скоростные действия с широким маневром; морально – волевые проявления – максимум усилий, непримиримость в борьбе за победу.

...Солнце на «Ацтека» палило нещадно, казалось, что никогда не было так жарко. В 12 часов судья Ван-Равенс из Голландии вызвал команды на поле. Мы засели в своем бункере для запасных членов команды. Из этого небольшого котлована над землей видны только наши головы. Очень неудобные места. Дальняя часть поля просматривается от колена бегающих по флангу футболистов: поле покатое от центра к боковым линиям. Выбраться на обочину поля не разрешается. Из этого КП Качалину предстоит руководить ходом поединка.

На первых же минутах игры стало ясно, что свою долю счастья мы исчерпали. Хмельницкий с нескольких метров не забил гол с подачи Еврюжихина, который при повторных аналогичных ситуациях забил бы из десяти десять раз.

После этого эпизода Стэнли Роуз, сидевший рядом с Гранаткиным, сказал: «За такие моменты на мировом чемпионате горько расплачиваются».

Первые пятнадцать-двадцать минут казалось гол вот-вот созреет. Но в последний момент где-то что-то не срабатывало.

Бывают такие дни в жизни, когда ничего не ладится. Торопишься на поезд – билет дома забудешь; вернешься – только к такси, а его под носом займут; в метро – двери прямо перед тобой закроются, а когда в следующий состав сядешь, то обнаружишь, что едешь в обратном направлении. В конечном счете, цепь мелких неудач приведет к неудаче крупной: опоздаешь на поезд, то есть главной цели не достигнешь.

Нечто подобное происходило на поле. Ребята что-то забыли дома. Несмотря на прямое требование Качалина играть в атакующем плане, защитникам активно поддерживать на поле нападающих, в игре все яснее обнаруживался разрыв между линиями атаки и обороны.

Встретив жесткое сопротивление со стороны уругвайцев (неизмеримо больше, чем у них отложилось в сознании после счастливого жребия!) ребята, как говорят, снизили волевой запал. У нас уводили из-под носа такси: пока заманется ударить Еврюжихин, Анчета снимет мяч с ноги; ударит по воротам Бышовец – Мазуркевич закроет двери.

Постепенно наша команда утрачивала инициативу. Из игроков защитных линий только Альберт Шестернев да Владимир Мунтян пытались активизироваться в организации атак и вернуть инициативу игры команде. Но этого явно было недостаточно.

Напрасно уже после перерыва, во время которого было сказано о необходимости более смелых действий со стороны всех защитников, Качалин из нашего бункера, надрываясь, кричал: «Муртаз – вперед, Резо – вперед, Валентин – вперед!..» Защитники не осмеливались покидать свою половину поля даже тогда, когда на ней маячила только одинокая фигура Кубилы.

Таким образом, уругвайцы не без труда, но все же довольно успешно отражали наши натиски и переходили в контратаки затяжным способом, неторопливо пробираясь вперед болотистыми топиями, заставляя и нас бегать по кочкам чуждого нам футбола.

Даже когда настал перерыв перед дополнительным временем, Качалин, да не только он, а все мы, сидящие в бункере, в один голос твердили, что до второго жребия доводить дело нельзя, что необходимо атаковать – все же игры, которая требовалась для победы, не получалось. Защитники продолжали осторожничать, жались к своим воротам.

Правда, к концу игры Анатолий Бышовец поставил точку, заставив нас подпрыгнуть в котловане выше футбольного поля. Он в великолепном стиле забил гол в ворота уругвайцев. Но, к их великой радости, думаю, что и не меньшему удивлению, необъективный голландский судья мяч не засчитал, объявив положение вне игры!

А за три минуты до конца, он же, не стыдясь своей страстности, совершил футбольное преступление. Вот как

это было.

Мяч вышел за лицевую линию. Контролировавший его Афонин прекратил игру, считая, что был свисток о назначении свободного удара от ворот. Но он забыл дома бдительность, а вместо нее взял на поле беспечность. Чем и воспользовался Кубила. Проворно втащив мяч обратно в поле он несильным навесным ударом послал его в центр. В этот момент Кавазашвили «поехал в обратном направлении». Он оставил ворота и побежал к мячу, чтобы восстановить истину и произвести удар от ворот. Какая наивность! О какой истине может идти речь при таком судье. Конечно же, Анзор только помог ему завершить свое черное дело. Судья Ван-Равенс никакого внимания не обратил на то, что вся наша команда, а частично и уругвайская, прекратили игру. Он-то ее продолжал вести, и, воспользовавшись этим стоп-кадром, Эспараго на всякий случай направил мяч легким ударом головы в сетку оставленных без присмотра ворот Кавазашвили.

Раздался свисток на взятие ворот. Наш поезд ушел, мы опоздали и достигнуть конечной цели не могли. Вместо нас в него сели уругвайцы и поехали к следующей станции – полуфиналу. Радости их не было границ. Виновник торжества Кубила в молитвенном экстазе упал на колени у скрещения боковой и центральной линии поля напротив нашего бункера, вознес руки к нему и стал отбивать поклоны до земли, вероятно, прося мадонну простить его великое футбольное

прогрешение. На нас ему было смотреть неловко.

Я поспешил в судейскую раздевалку, сознавая безнадежность апелляции. С трудом пробившись к судье через полицейский кордон, я застал его развалившимся в кресле с бутылкой воды в одной руке и стаканом в другой. Он был доволен собой и не скрывал сардонической улыбки, выслушивая мои претензии к его судейству, которые я довольно возбужденно, если не сказать больше, высказывал комиссару оргкомитета по проведению чемпионата.

Я никогда не подписал ни одного протеста. Считаю, что это не помогает воспитанию футболистов. Победу надо добывать на поле. Иначе игрок, если хоть раз удовлетворят протест, будет во время игры всегда надеяться на «авось»: вдруг опротестуют. В данном случае было дело не в протесте. Необходимо было доказать недобросовестность «судьи».

Все же по решению руководства делегации протест был подан своевременно, но, как и следовало ожидать, никакого практического значения не имел, если не считать, что судья Ван-Равенс подвергся специальному обсуждению, после которого, я льщу себя надеждой, он матчи мировых чемпионатов судить не будет.

Грусть и печаль царила в этот вечер в «Эскарготе». Нас не встречали обитатели отеля с цветами. Не приветствовал залиvistым лаем Цукки. Даже жизнерадостный Чикука на этот раз следовал впереди на своем мотоцикле без обычных фокусов, как бы понимая, что нам сейчас не до развле-

чений. В автобусе стояла тягостная тишина.

Я написал очередной репортаж в Москву, озаглавив его «Ошибка футбольной Фемиды». Отчасти, чтобы уменьшить боль собственных переживаний, отчасти, чтобы смягчить тяжесть известия всем, кто возлагал на наш коллектив надежды.

Однако я отлично понимал, что продержись мы три несчастные минуты и попади Паркуян вторично в «девятку», все равно полного удовлетворения от Мексики я бы не получил. В тот момент я, может, этого и не сознавал. Сердце еще бурлило, разум не остыл: при одном воспоминании о Ван-Равенсе я подскакивал с кресла, как будто сел на гвоздь. Страсти, бушевавшие в бункере на «Ацтека», еще не улеглись, для анализа с холодным рассудком время еще не наступило.

В этот день печальную судьбу с нами разделили англичане. Они вели со счетом два-ноль и проиграли немецким футболистам из ФРГ с конечным результатом два-три. Команда Диди – сборная Перу сложила оружие перед бразильцами. А хозяева поля мексиканцы, выполнив свою программу минимум – выход в 1/4 финала, – проиграли итальянцам.

В конкурсе остались четыре команды, побывавшие уже на высшем пьедестале почета. Дважды в звании чемпионов мира побывали уругвайцы, итальянцы и бразильцы и один раз немцы из ФРГ. Сейчас всем известно, что в третий раз это звание завоевали бразильские футболисты, а последующие

места распределились в такой последовательности – Италия, ФРГ, Уругвай.

По установившейся на мировых чемпионатах традиции четверке команд, отъезжающих после поражений в 1/4 финала, дается банкет с вручением специальных призов с учетом относительно сопоставимых успехов в предварительных турнирах. На этот раз нам досталось пятое место, и сэр Стэнли Роуз в содружестве с Гильермо Канэдой вручил нам прекрасно исполненный в серебре футбольный мяч.

На банкете была дружелюбная обстановка, никаких споров о преимуществе футбола Южной Америки или Европы не было. Основные встречи были еще впереди, и все разделилось пополам. По две команды с обоих берегов океана остались в конкурсе и по две после 1/4 выбыли.

Альф Рамсей был оживлен. В беседе с нами он рассказал, что незадолго до банкета имел разговор с премьер-министром Вильсоном. Английский премьер благодарил команду за хорошую игру, «поддержавшую престиж английского футбола», и предложил команде выбор остаться посмотреть чемпионат или поехать отдохнуть после тяжелых игр. «Если бы не заболел Бэнкс, дела бы наши были другие», – говорил Рамсей. Кто видел матч Англия – ФРГ, не может не согласиться с ним.

Два тренера команд с этого берега – Диди и Карденас – пребывали тоже в хорошем настроении. И мексиканские и перуанские футболисты на чемпионате достигли рекордных

для себя высот. Во всяком случае судьба Фабри и Феолы после английского чемпионата им не грозила. Наоборот, их тренерский авторитет в глазах местных любителей футбола повысился.

Выдержанный Гавриил Дмитриевич Качалин вел себя в соответствии с общим настроением на банкете. И, глядя на него со стороны, можно было подумать, что все еще впереди. Но я-то по собственному ощущению знал, что скрывается за веселой улыбкой. В футболе мы с ним «...певцы единых муз» и единый пламень нас волнует. Ведь никуда не убежишь от самоанализа и от вопроса самому себе – а все ли ты сделал, что мог, для достижения цели?

...Через сутки мы вылетели в Москву. Заходили попрощаться баски. С испанской деликатностью не касались грустных тем. Сеньор и сеньора Дельвади с букетами в руках с выстроившимся сзади штатом отеля провожали нас. Жалобно подлаивал черный, как майский жук, с цилиндром на голове, абиссинский циркач Цукки, и слышалось в этом подвывании что-то укоризненное.

Прощаясь со мной и сочувственно заглядывая в глаза, Чикуча вдруг спросил: «Амиго Старостин, теперь тебя вызовет твой футбольный „колонель“?»

Я громко рассмеялся. А он оседлал своего стального коня и так затарахтел на весь квартал, что и смеха моего стало не слышно.

Прощай, Мексика!..

...И вот я опять в самолете десятый раз пересекаю океан. Несметное море нью-йоркских огней исчезло во мгле. За бортом могучего красавца, воздушного лайнера ИЛ-62, видны только яркие звезды: земля скрыта облаками, мы в поднебесье. Совсем не ощущается, что летим, самолет не шелохнется, поставь карандаш на торец, – не упадет.

Но вот на душе такого спокойствия нет. Еще не остыло сердце от мексиканских переживаний. И я знаю, что долгую ночь полета от Нью-Йорка до Москвы мне не спать, и я без конца, как белка в колесе, буду крутиться вокруг игры с уругвайцами: искать наиболее верный ответ на вопрос – почему проиграли?

Материала в моей памяти для сопоставлений, выводов, анализа хоть отбавляй. На тысячу вопросов хватит ответов. Я прошел путь с мячом в ногах от «Горючки» до «Ацтека». От Мишки Сухорукова и Лешки Рыкунова, неизвестных для футбольного мира страстотерпцев футбола, до «короля» Пеле.

За эти футбольных «пятьдесят лет в строю», начиная с первого посещения «олэлэса», когда я смотрел футбол с высоты древесного сука в Сокольниках, до подземного бункера на «Ацтека», где на инфарктных частотах содрогалось сердце при появлении мяча в опасной зоне для наших ворот, утекло много воды: Мельбурн, Париж, Хельсинки, Стокгольм, Арика.

Вот и теперь после Мехико – «темна вода во облацах».

Опять споткнулись у порога в полуфинал. Вновь какого-то «чуть-чуть» не хватило. Но какого? Утверждать, что рано отпраздновали победу над Уругваем, вытащив счастливый жребий, и поэтому проиграли. В определенной мере, может быть, и так. Но все равно, даже выиграй мы эту игру, удовлетворения от качества выступления нашей команды не было бы. Говоря языком живописи, палитра игровых красок призеров чемпионата – Бразилии, ФРГ и Италии была ярче, разнообразнее. Наша игра на их фоне казалась монотонной.

Мне представляется, что в какой-то момент, мы не в ту сторону повернули и сбились с пути. И, если пошли не в обратную сторону, то оказались на обочине от торной футбольной дороги, по которой долгие годы продвигался наш футбол, развивалась и утверждалась наша футбольная школа, фундаментом которой была разносторонняя физическая подготовка.

Я вспоминаю Стокгольм. Созвездие имен: в атаке – Никита Симонян, Сергей Сальников, Валентин Иванов, Анатолий Ильин; в полузащите – Игорь Нетто, Юрий Войнов, Виктор Царев – никому не откажешь в техническом мастерстве, но и тактическая зрелость в игре не разочаровывала. Широкий маневр был в основе тактических действий команды. Такая игра требовала большого запаса физических сил, и они находились.

В Арике наша команда была не менее боеспособна. Она пополнилась игроками такого класса, как Валерий Воронин,

Игорь Численно, Виктор Понедельник, Михаил Месхи, Слава Метревели, Гиви Чохели, Анатолий Масленкин, Виктор Каневский, Геннадий Гусаров, всех не перечислишь, кого тогда можно было отнести к футболистам международного класса.

Ведь в канун чемпионата мира, эта команда с огромным успехом проехала по стадионам Аргентины, Уругвая и Чили, выиграв у национальных сборных этих стран несмотря на «чужие» стены.

И все же в Арике мы споткнулись на том же месте – у порога полуфинала. Правда, рисунок игры нашей сборной в четвертьфинальной игре против хозяев поля, несмотря на поражение был более выразительным нежели сейчас в Мехико. Но ведь проиграли же!..

Английский чемпионат принес нам бронзовые медали. Они несколько утешили наше честолюбие – призовое место в мировом чемпионате не так уж плохо. Но чисто спортивного удовлетворения любители футбола не получили. На фоне трех призеров игра наших футболистов выглядела менее яркой. Какой-то изюминки в ней не хватало. Английская, немецкая из ФРГ и португальская команды не случайно заняли место выше нас.

Так в чем же дело, где корень зла? Где не для нас протоптанную тропинку мы приняли за продолжение верного пути в развитии нашего футбола. Когда ушли в сторону со своей магистрали и направились искать счастья к чужому дому?

Я не нашел в своей памяти точного верстового столба как изначального места ошибочного поворота. Может быть, это был Стокгольм, с несколько искаженно воспринятыми впечатлениями от нашего дебюта на мировом чемпионате. Может быть нам захотелось как можно скорее играть по-бразильски, и нас загипнотизировал весь футбольный мир своей новой системой расстановки игроков и удивительным техническим мастерством. Эти действительно великолепные качества заокеанских футболистов были настолько высоки, что совсем заслонили роль атлетической подготовки нового чемпиона мира. А как раз физическая форма бразильцев была на редкость хороша и сыграла немаловажную роль в их победе. Можно сказать больше, именно физическая подготовка, была фундаментом прекрасного здания победы бразильцев. Их замечательная техника не притуплялась усталостью, и у них хватило сил, чтобы осуществить прогрессивную тактику игры по всей широте и глубине футбольного поля.

Так или иначе, но акценты в нашем футболе сместились. Мы стали техничнее, и это очень важно, с плохой техникой не может быть хорошего футбола, но вот скоростной выносливости мы не прибавили. В то время как в мире эти компоненты переведены на синхронные взаимодействия. И не случайно. Зарубежные профессионалы извлекли должные уроки из поражений от встреч с нашими футболистами. Вспомним ошеломивший хозяев поля темп игры московских динамовцев в Англии, при их первом посещении родины футбо-

ла в 1945 году.

В Мехико ни перед одним участником чемпионата мы такого преимущества не имели. Сейчас, когда во всем мире футбол развивается в сторону его всемерной интенсификации, играя трусцой, думалось мне, далеко не убежишь.

Перед глазами встала фигура Пеле с его бесчисленным количеством скоростных рывков во время игры на мексиканских полях. Ему тридцать лет, а какая выносливость, какой запас сил!

А вот Игорь Нетто. На открытии чемпионата мира в Чили, когда играли с югославами, он вел поединок с «надеждой» противника – Шакуларецом, признанным фаворитом чемпионата. Безмерное количество километров с мячом и без мяча покрыли они на футбольном матче в этом захватывающем поединке двух асов мирового футбола. Наш капитан команды вышел победителем в этой схватке, во многом определявшей исход этого матча. Игорь не уступил ему в скоростной выносливости, отличная физическая подготовка позволила ему до конца сохранить остроту своего технического вооружения и возможность выполнения широких тактических маневров от края и до края поля. Наша сборная выиграла тогда встречу у югославских футболистов со счетом два-ноль.

И все же возраст сказал свое решающее слово. Он не лишил Пеле и Нетто их техники, не затуманил тактическую мысль, не угасил бойцовский пыл души. Но он отнимает си-

лы. Их уже не хватает, чтобы угнаться за молодежью. Может быть, долго не будет более техничных футболистов, чем были эти доктора футбольного дела. Но, норма интенсификации игры, все возрастает, и ветеран ее оправдать не может – не хватает дыхания. Тот, кто с этими нормами считаться не хочет, до вершины футбольного Олимпа не дойдет, дыхания не хватит даже у молодого, если он на тренировках не будет накапливать нужных запасов энергии, следуя великой истине: тяжело на тренировке – легче в игре.

В футболе все взаимосвязано. Неторопливое движение влечет за собой игру в мелкий пас, что в свою очередь порождает скученность на поле. У меня возникла мысль об утраченных позициях москвичей. Она посетила меня не случайно. Подсчитывая представительство городов в сборной команде, я с сожалением установил, что в ее основном составе на матч с уругвайцами попал только один игрок, воспитавшийся в столичном футболе. Это был Альберт Шестернев – капитан флагманского судна советского футбола. Остальные места были за киевлянами и тбилисцами. Могут возразить: а Кавазашвили, Еврюжихин? Да, они из московских команд, но воспитанники не московского футбола. Они приехали в столицу, уже как сложившиеся мастера. И не заслуга московской школы, что они попали в сборную команду.

Конечно, это обстоятельство ничуть не умаляет достоинство сборной команды как таковой. Наоборот, свидетельствует о развитии нашего футбола не только вглубь, но и

вширь. Но какая иллюстрация к потере позиций столичного футбола. Когда-то в сборную команду входили: Мельбурн – десять москвичей, Париж – семь. Теперь Мехико – один!

В двадцатых годах Ленинград перестал быть гегемоном в отечественном футболе под натиском московской школы, провозгласившей первой заповедью футболиста быстроту действий на поле. В последние годы новая футбольная религия повела москвичей в другие храмы. Тренеры и футболисты стали молиться чужому богу – «не торопясь, но хитро» – вот что стало написано на их знамени. Может быть, намерений в их тренировочных планах таких нет. Но это читается невооруженным глазом, когда смотришь столичный футбол.

Ленинградцы, вовремя сменив «вехи», когда подросли братья Дементьевы, Федоровы, Ивин, Лемешев и их сверстники, не утратив своего стиля, к зрелищности добавили скоростей, и их футбол приобрел более эффективное выражение. Что-то надо делать и нам – москвичам.

Вот несколько мыслей, возникших по этому поводу, когда свежа еще была боль от поражения.

Я совсем не хотел, как может показаться читателю, петь «осанну» физической подготовке, словно ангелу-хранителю от всех бед и несчастий на футбольном поле. Вот, мол, чехословацкая команда поехала на корриду и проиграла Кубок Европы, а мы воздержались от поездки и стали победителями этого турнира. Если бы все было так просто, то залезай

в погреб, как это делал Николай пятьдесят лет назад, сохраняй в прохладном месте накопленную энергию и забирай все кубки и призы.

Но ведь в Мехико-то мы также не поехали на корриду, и сил у нас было много, а выиграть не смогли. Ирония футбольной игры – крупный козырь не взял взятку: физическая энергия осталась неиспользованной. Горючего был полный бак, но воспламенения не произошло: магнето – психика игрока – не дало искры.

Таким образом, крупица энергии, действительно, должна цениться на вес золота, но как видим, она всего не решает.

Так почему же все-таки не возгорелось пламя неудержимой борьбы за победу, как к тому призывал Качалин в матче с Уругваем? Не найдя прямого ответа, по-видимому, нельзя не согласиться с тем, что еще не полностью ликвидировано отставание в технике от высшего международного стандарта, недостаточная тактическая гибкость и забыты в последние годы принципы ведения борьбы, заложенные в основу нашего футбола. Я имею в виду быстроту и решительность действий. Это сказалось в тот момент, когда от наших футболистов потребовалось сыграть с противником, ничем их не превосходящим, но старше опытом на три десятилетия.

Я понимаю, что пришел к банальным заключениям. Но это неизбежная участь людей, пытающихся осмыслить игру «до конца», в то время как футбол не терпит категорических утверждений – играть, мол, нужно «только так». А играть-то

нужно и так и этак, и этак и не так...

Вот попробуй тут и докопайся до истины.

И еще одна мысль навела меня на целый ряд сопоставлений. Я задумался о сборной команде, как о постоянно действующем институте. Ведь нельзя же этот коллектив рассматривать словно возникшую группу лиц, собранных для решения одной задачи, а потом распрощавшихся, как случайные попутчики.

Еще в дореволюционной России сборная команда привлекала всеобщий народный интерес. Мальчишкой я помню переполох в прессе, когда, впервые выехав на Стокгольмский олимпийский турнир в 1912 году, наши футболисты проиграли в утешительном матче Германии со счетом 16:1.

Под свежим впечатлением неудачной войны с японцами корреспонденты назвали этот футбольный разгром – спортивной «Цусимой»! На что уж дядя Митя, далекий тогда от футбола человек и то, с негодованием отбросив газету, презрительно отозвался: «Осрамили Россию голоштанники!»

Сборная страны впервые выступила под Государственным флагом Советского Союза 16 ноября 1924 года. С того времени, какие бы перерывы в ее выступлениях не были, она продолжала существовать в нашем футболе как высший коллектив, отражающий уровень его развития. Я помню, сколько трепета и душевного волнения переживали мы, когда заседала Всесоюзная секция по составу сборной команды для очередного ее выступления.

Представители клубов были настроены непримиримо, если верили, что выдвигаемый им кандидат действительно заслуживает этой чести и по спортивным и по морально-этическим качествам. Они дорожили представительством в сборной их игроков. Это было высшей похвалой деятельности данного клуба. Заседания проходили бурно и продолжались по несколько часов. Тренер играл роль, но при отборе состава не большую, чем любой другой член президиума секции.

Формально и сейчас общественный контроль за подготовкой сборной команды и ее комплектованием существует. Практически же суждение тренера в решении всех вопросов, связанных с комплектованием команды, незыблемо. Он единственный хозяин сборной команды. Он отчисляет и приглашает в сборную команду игроков, иногда согласовывая с общественностью эти меры, а иногда и нет. Возникло такое положение и утвердилось в практике, потому что сборная команда играла в отдельные годы до трех десятков матчей. Когда уж тут согласовывать и утверждать, впору у клубов хоть кого-нибудь выпросить.

Вот мне и показалось, сопоставляя старые формы комплектования сборной команды с сегодняшними, что какой-то в этом изъян есть. Больно легок путь стал для попадания в сборную команду. Не труднее и выход из нее. Иначе чем же объяснить, что в ряде случаев мы наблюдали вопиющее безразличие игроков к святому названию – «сборная команда СССР».

«Не вызывайте меня больше в сборную команду», – заявил один совсем молодой футболист старшему тренеру сборной, после того, как был на очередной матч оставлен в запасе.

Какие-то поправки и здесь надо вносить.

Футбол как жизнь, я уже об этом говорил. Его не разложишь по полкам. По параграфам и пунктам не распишешь. Он развивается по законам диалектики, как и все в действительности: в столкновениях, противоречиях, радостях и горестях, синяках и царапинах. Его притягательность в том, что он непознаваем до конца. У него просто его нет. Тот, кто считает, что он постиг эту таинственную по своей притягательности игру до конца, то находится дальше других от истины.

Но учиться постигать футбол надо всегда. За пятьдесят лет такой учебы с неисчислимым количеством правильно решенных задач и с не меньшим количеством ошибок я пришел именно к такому заключению. И если мы соглашаемся с тем, что сборная команда СССР является детищем всенародным, то и контроль за ним со стороны общественности должен быть более действенным. И тренеры и игроки ответят на это только благодарностью. Кто же отказывается от помощи.

...Внизу за окном Шереметьево.

...После мексиканского чемпионата прошло два года. Спорт в нашей жизни занимает все большее и большее ме-

сто. Ставятся новые рекорды. Вчера казавшиеся фантастическими достижения сегодня доступны многим, завтра будут устаревшими. Увлеченные борьбой сильных, ловких, смелых, их животворным спортивным соперничеством, мы не мыслим себя вне связи с физической культурой и спортом. Они вошли в наш быт, как общественное явление, несущее важную социальную функцию, как важнейшее средство гармонического развития личности.

В семье других видов спорта и футбол прилагает свои усилия в решении трудной задачи – побить профессиональные клубы и встать на высшую ступень почета в турнирах высшего международного ранга. Рождаются у нас новые чемпионы страны и обладатели Кубка СССР. Столичный футбол продолжают защищать те же пять московских клубов, историю которых мы вспоминали в начале этой книги. Сборная команда то радует нас успехами, то огорчает неудачными выступлениями.

Недавно после финального матча на первенство Европы мы собрались у тети Наташи. Ей минуло девяносто шесть лет. С двумя дочерьми она только что перебралась в благоустроенную квартиру. На новоселье собралось второе поколение, младшему представителю из которых было шестьдесят лет.

Игнорируя поздравления по поводу переезда, тетя Наташа критически расценила поражение нашей сборной от сборной ФРГ в Брюсселе: «Телевизор чуть не выключила!»

И опять, как пятьдесят лет назад в маленьком деревянном домике на Пресненском валу, возник никогда не кончающийся спор о футболе.

Активный член клуба «Кожаный мяч», одиннадцатилетний внучатый племянник – Мишка Ширинян – примирил стороны. После долгого, терпеливого молчания он убежденно заявил:

– Все равно наши всех победят!

Я вспомнил, что это была самая любимая фраза Николая Александровича Гюбиева. В ней заключена правда. Потому что спорт у нас любят, а члены клуба «Кожаного мяча» – Мишки, Сережки, Гришки – растут и в Сокольниках, и на Пресне, и в Замоскворечье, и за Заставой Ильича, и везде, везде. И они победят – будущее нашего футбола за ними.